

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**IX МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
МАТЕРИАЛЫ**

Москва, 23–24 июня 1998 г.

Москва 1998

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда

Проект № 98-04-14018

Редакционная коллегия

В. М. СОЛНЦЕВ (отв. редактор)
И. Н. КОМАРОВА (отв. секретарь)
К. В. АНТОНЯН

Редактор

В. Д. ПОДБЕРЕЗСКАЯ

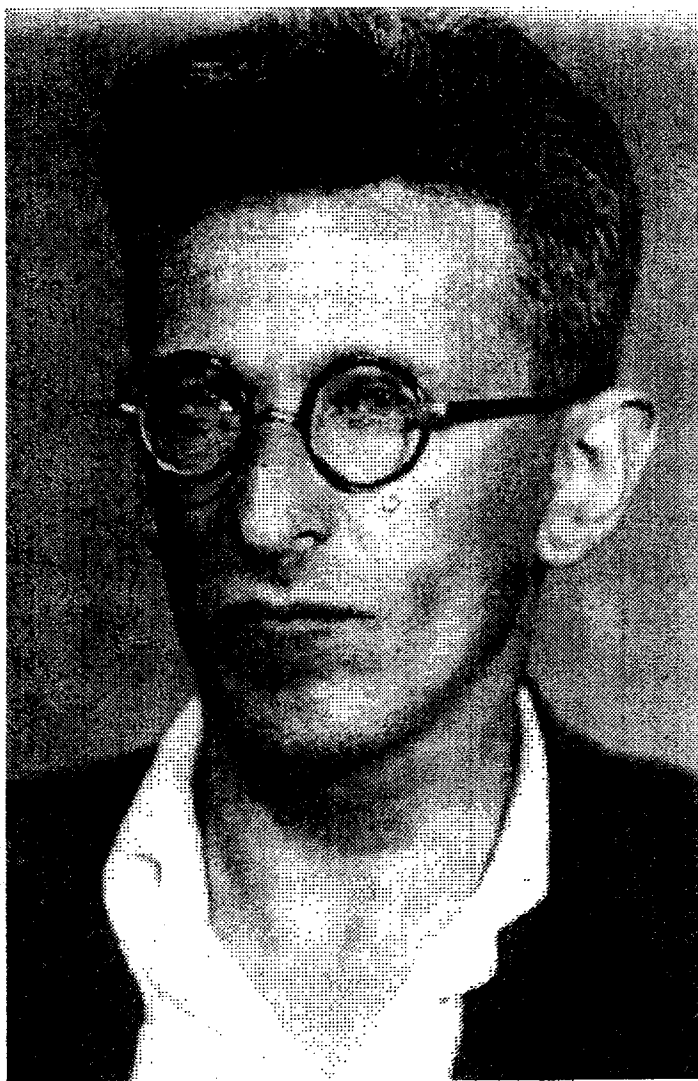
Программное обеспечение

Л. К. ИТКИН

В книге представлены исследования грамматического строя современного литературного китайского языка, диалектов китайского языка, а также языков национальных меньшинств Китая, опирающиеся на обширный языковой материал. Важное место в книге занимают проблемы лексикологии, грамматики, рассматриваются вопросы фонетики, истории изучения и методики преподавания китайского языка. Среди авторов известные отечественные и зарубежные ученые.

The book presents studies in the modern Chinese and its dialects as well as in the languages of ethnic minorities of China, based on the vast linguistic materials. The book contains a theoretical description of the grammar, lexicology and phonetics of the Chinese language, some papers deal with the history of studies and methods of its teaching.

**Памяти
выдающихся ученых
Николая Николаевича
Короткова
и
Люй Шусяна**

Н. Н. Коротков
(фотография сделана
не позднее 1950 г.)

А. Н. Хохлов

КИТАЕВЕД-ЛИНГВИСТ Н. Н. КОРОТКОВ (1908–1993):
ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ВЕРШИНАМ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА

(К 90-летию со дня рождения)

Жизненный путь Николая Николаевича Короткова, видного специалиста в области китайского языкознания, во многом характерен для людей его поколения, связавших свою судьбу с педагогической и научно-исследовательской деятельностью в 30–40 годах нынешнего столетия. Как и многие его коллеги, товарищи и друзья по совместной работе, он пришел в большую науку после длительного периода настойчивого и упорного труда на поприще переводчика-китаиста, преподавателя китайского языка и руководителя группы единомышленников, избравших в качестве своей специальности китайскую словесность.

Глубоко изучив китайскую письменность в ее историческом развитии, начиная с древнего взъяня и кончая современным байхуа, и в совершенстве овладев китайской разговорной речью, Н. Н. Коротков заявил о себе как опытный практик и серьезный теоретик в области китайского языкознания. Его глубокие познания в избранной специальности и большой авторитет среди своих коллег вызывали нескрываемое восхищение носителей китайского языка, нередко работавших вместе с ним над сложнейшими текстами древнекитайских мыслителей и произведениями политических лидеров Китая. Несмотря на солидный возраст, он всегда казался молодым и постоянно находился в творческом поиске, обеспечившем ему долголетнюю работоспособность и светлый ум, необходимые для подготовки учебных пособий и написания теоретических статей по широкому кругу наиболее актуальных и спорных проблем китайского и общего языкознания. Завидное трудолюбие и неистребимое упорство в изучении сложнейших зако-

номерностей китайского языка в его историческом и современном развитии помогли ему стать разносторонним высококвалифицированным специалистом, к советам и суждениям которого прислушивались не только многочисленные выпускники вузов и аспиранты, но и маститые, убежденные седины ветераны-китаисты. В кругу близко знавших его людей и руководителей научных подразделений он был известен как «отзывчивый, внимательный и добросовестный работник, пользовавшийся авторитетом как в научных кругах, так и в общежитии»¹.

Будучи избран председателем Бюро отделения Общества советско-китайской дружбы в Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) в 1959 г., он немало сделал для установления и укрепления связей с китайскими учеными-филологами, чему благоприятствовала его поездка в Пекин в ноябре 1956 г. на конференцию лингвистов, на которой он выступил с докладом на китайском языке². Всем, кому довелось слушать лекции Н. Н. Короткова на студенческой скамье или в годы учебы в аспирантуре, либо лично общаться с ним по общественным и научным делам, он запомнился как замечательный педагог, прекрасно знающий свой предмет, и доброжелательный собеседник, способный внимательно выслушать и прийти на помощь.

Николай Николаевич Коротков родился 2 (15) августа 1908 г. в Нижнем Новгороде в семье мещанина, служившего мелким чиновником в финансово-налоговом учреждении. Отец его — Николай Александрович Коротков — родился в селе Бор (ныне город), расположенном на Волге против Нижнего Новгорода. Мать будущего ученого — Мария Антоновна — была родом из Белоруссии; она родилась в Минске в 1883 г. и с получением определенного образовательного ценза в течение ряда лет учительствовала³.

Детские годы будущего исследователя-китаиста прошли во Владивостоке, в 26 верстах от которого его отец имел дачу. Постоянные контакты юноши с пришлым населением русского Дальнего Востока (китайцами, корейцами и японцами) и знакомство с его бытом и обычаями, особенно отходников из соседнего Китая, сыграли определяющую роль в выборе им будущей профессии. В 1931 г. он окончил китайское отделение Восточного факультета Института народного хозяйства (бывшего Дальневосточного университета, созданного в 1920 г. на базе нескольких учебных заведений, в том числе Восточного института, основанного в 1899 г.). Еще до окончания вуза его до-

пустили к работе в Бюро китаеведения Дальневосточного научно-исследовательского института, который позднее был преобразован в Дальневосточный институт экономических исследований, развернувший свою деятельность в Хабаровске. Работая в китайской группе национальной секции этого института с июня по декабрь 1931 г., молодой исследователь по поручению Окружного отдела Союза строительных рабочих в летнее время был уполномоченным по работе среди китайцев и других представителей пришлого населения Дальнего Востока, работавших на строительных объектах Приамурья и Приморья.

Как видно из архивных материалов, молодому китаисту в этот период приходилось много заниматься переводами документов, брошюр и книг, выпускаемых на китайском языке в советской России и в гоминьдановском Китае. Из листовок, написанных китайцами социалистической ориентации, заслуживает внимания выпущенный в 1930 г. листок, содержащий требование отказа (по идейным мотивам) от участия в китайских религиозных празднествах, к которым они причисляли и китайский Новый год (Чунь-цзе), уходящий своими корнями в седую древность. Высказываясь в пользу новых революционных праздников, не связанных с религиозными представлениями, составители воззвания резко осуждали ведущуюся католиками в Китае христианскую пропаганду, называя иностранных миссионеров «прихвостнями империализма», угнетающими «китайские трудящиеся массы». Предлагая бороться «вообще против всех религий, ибо они служат капиталистам и хозяевам для одурачивания рабочих», авторы этого необычного по стилю и содержанию «программного» документа, переведенного Н. Н. Коротковым, указывали на необходимость разоблачения обмана народных масс с помощью религии, носившей, по их мнению, «контрреволюционный характер»⁴.

Из книг, переведенных молодым китаистом в марте 1931 г., можно упомянуть сборник статей, составленный Мэн Гуаном под названием «Советский Китай», вышедший в свет в Шанхае в ноябре 1930 г. в издании «Шанхай синьхуа шуцзюй». Судя по сохранившемуся в переводе оглавлению книги, в ней представлено более десятка статей 10 авторов, в числе которых статья известной коммунистки Дэн Инчао «Работа среди женщин в советских районах»⁵. Опыт работы с оригинальными документами и книгами на китайском языке, вышедшими из

под пера китайских коммунистов, впоследствии (в 50–60-е гг.) особенно пригодился Н. Н. Короткову при переводе произведений известного китайского революционера Сунь Ятсена и ранних работ Мао Цзедунa.

С переездом Н. Н. Короткова в Москву, где его в сентябре 1932 г. приняли доцентом на кафедру китайского языка в востоковедный вуз — Московский институт востоковедения (МИВ), в жизни молодого педагога наступил новый этап, насыщенный обобщением накопленного опыта переводчика и скрупулезной работой по созданию учебных пособий. Первым его детищем стал «Учебник байхуа», появившийся в 1935 г.

В работе Н. Н. Короткова в качестве переводчика и педагога в 30-е годы порой наблюдались не свойственные его сильному волевому характеру некоторые «сбои», вызванные личными душевными потрясениями. Первым толчком к последним послужил арест в 1931 г. отца, которого впопыхах, не разобравшись в существе дела, осудили на три года за какое-то «должностное преступление». Хотя отца через несколько месяцев освободили и судимость по его жалобе была снята по распоряжению ген. прокурора СССР А. Я. Вышинского, чувство уверенности за свое будущее нередко покидало талантливого педагога-китаиста, которому по долгу службы приходилось часто общаться с носителями китайского языка, в том числе иностранцами. Особенно тяжелое впечатление, как говорят, произвел на него арест его дяди по материнской линии Валентина Антоновича Полочанского в злополучном 1937 г.

В декабре 1939 г. — январе 1940 г. Н. Н. Коротков побывал в Харбине, где в качестве эксперта принимал активное участие в переговорах смешанной советско-монгольской делегации с представителями «Маньчжоуго» — государства, созданного в 1932 г. японской военной силой на территории захваченной ею в 1931 г. Маньчжурии. До и особенно после командировки в Харбин контингент его слушателей заметно расширился за счет будущих дипломатов, проходивших у него обучение в Высшей дипломатической школе (ВДШ) при Наркомате Иностранных дел. В 1940 г. Н. Н. Короткова допустили к преподаванию (по совместительству) в Московской школе Наркомата Гос. безопасности, где его занятия со слушателями школы продолжались до начала войны с фашистской Германией.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Н. Н. Коротков продолжал читать лекции и вести практические занятия в

двух учебных заведениях — МИВ и ВДШ, с которыми из-за военных действий ему пришлось эвакуироваться в Узбекистан, в Фергану. В 1942 г., после возвращения ВДШ в Москву, он возглавил кафедру китайского языка МИВ и на этом посту оставался до лета 1954 г., когда в связи с ликвидацией Московского института востоковедения его перевели на работу в Московский государственный институт международных отношений МИД СССР (МГИМО), где ему поручили заведование кафедрой китайского, бирманского, вьетнамского и тайского языков.

Из-за отсутствия диплома о высшем образовании, потерявшегося при ликвидации Дальневосточного университета во Владивостоке, известному педагогу и руководителю кафедры пришлось держать, подобно студентам, экзамены экстерном за полный курс китайского отделения МИВ. Решением Гос. экзаменационной комиссии от 7 сентября 1944 г. ему был дан диплом референта-переводчика по Китаю. Это позволило «молодому» специалисту вплотную заняться подготовкой кандидатской диссертации. Ее защита состоялась 26 марта 1947 г. Свое исследование диссертант скромно назвал: «Стадиальность в развитии предложения и пути выделения глагола в китайском языке». Успешная защита диссертации, содержавшей смелые положения в области тогдашнего языкознания, стала важной вехой в продвижении китаиста к высотам научного творчества, связанного с выработкой самостоятельных решений по наиболее важным, ключевым вопросам в изучаемой области знаний.

С октября 1950 г. Н. Н. Коротков одновременно с преподаванием в Московском институте востоковедения стал работать по совместительству в Институте востоковедения Академии наук СССР (ИВ АН СССР). Его внимание в научно-исследовательском плане сосредоточилось на подготовке китайско-русского словаря, в которой тогда уже были задействованы такие признанные авторитеты среди китаеведов, как профессора И. М. Ошанин и В. С. Колоколов в качестве редакторов. Как видно из приказа дирекции ИВ АН СССР от 2 февраля 1951 г., в работе над словарем к этому времени в силу разных причин сложилась неблагоприятная ситуация, отчасти по причине нарушения графика сдачи отредактированного материала. В связи с этим руководство института во главе с проф. С. П. Толстовым обязало редколлегию словаря работать по новому, более жесткому графику, согласованному с главным редактором И. М. Ошаниным. Кроме того,

оно признало целесообразным в целях форсирования подготовки словаря сохранить для него старую транскрипцию китайских слов, принятую в словаре П. И. Кафарова (Палладия), поскольку назначенная дирекцией 11 января того года специальная комиссия по транскрипции из-за «академической раскачки» не успела приступить к своим обязанностям. Активное подключение Н. Н. Короткова к редакторской работе оказалось настолько эффективным, что Президиум АН СССР в своем решении от 19 ноября 1954 г. счел необходимым отметить его ударную работу денежной премией.

Важным этапом в продвижении Н. Н. Короткова к высотам научного творчества стала подготовка диссертации на степень доктора филологических наук, потребовавшая от него нескольких лет напряженного, самоотверженного труда. 19 февраля 1954 г. он подал в дирекцию ИВ АН СССР заявление с просьбой об освобождении его от должности старшего научного сотрудника в связи с получением от известного япониста Н. И. Конрада, тогда член-корр. АН СССР, рекомендации в докторантуру Института языкознания АН СССР на двухлетний срок. Это позволило ему сосредоточить свое внимание на теоретическом осмыслении своего научного опыта, накопленного в течение длительного периода научно-педагогической деятельности. Характеризуя его разносторонние научные интересы, член-корр. АН СССР В. Н. Ярцева, и. о. директора Института языкознания, 24 июня 1969 г. подчеркивала, что в последнее десятилетие «Н. Н. Коротков, работая в секторе языкознания, занимался исследованием теоретических проблем общего языкознания на материале изолирующих языков»; «принимал активное участие в научных конференциях и симпозиумах: “Система языка” в 1962 г., “Язык как знаковая система особого рода” в 1967 г. и др.»⁷. В его публикациях этих лет наглядно проявился столь необходимый исследователям исторический подход в оценке явлений, происходивших в китайском языке в разные периоды истории китайского общества. На конкретных примерах многоопытный педагог показал, что в современном китайском языке «сосуществуют и взаимодействуют более или менее... нормы старого литературного языка взньянь и нормы нового литературного языка байхуа»⁸. Полагая, что развитие китайского языка происходило от односложного к многосложному, по преимуществу к двусложному, исследователь, чьим девизом всегда оставался поиск истины, одновременно подчеркивал историческую обусловленность автономной однослож-

ной единицы»⁹. Именно этот момент он считал существенным при оценке природы слова в китайском языке, которое, видимо, не столь резко отличается от морфемы, как слово в флективных языках.

Теоретические изыскания Н. Н. Короткова в области китайского языкознания нашли наиболее полное обоснование в его фундаментальном труде «Основные особенности морфологического строя китайского языка» (М., 1968), в котором были обобщены точки зрения его предшественников, сформулировано собственное понимание поставленной им проблемы, дана развернутая концепция изолирующего языка. За этот новаторский труд, вызвавший оживленную дискуссию среди специалистов, Н. Н. Коротков решением ВАК от 14 мая 1971 г. был удостоен звания доктора филологических наук. Так был пройден очередной рубеж на пути к высотам научного творчества, цель которого для него состояла в познании сущности изучаемых явлений.

Успешному продвижению вперед Н. Н. Короткова в научно-педагогической и научно-исследовательской деятельности немало благоприятствовало его активное владение иностранными языками, как восточными, так и западными. В анкете, заполненной им 8 марта 1953 г., он по этому поводу оставил следующую запись: «Говорю, читаю и пишу по-китайски, читаю и говорю по-английски, читаю по-французски (без словаря), читаю со словарем по-немецки». В анкете, заполненной им 20 февраля 1969 г., к вышеуказанной информации относительно знания языков имеется существенное дополнение: «Перевожу с немецкого, испанского и итальянского со словарем»¹⁰. Главным в его языковой подготовке был, конечно, китайский язык. Последним владела и его жена Нина Георгиевна Сидихмеева (род. 11 ноября 1907 г. в Хабаровске). Семейная кооперация в организации научной работы позволила супружеской чете подготовить добротный учебник китайского языка для первокурсников МИВ, который после выхода в свет в 1939 г. был переиздан в 1941 г. Военно-политической академией в Москве. Результаты совместного труда особенно наглядно проявились в подготовке нового учебника китайского языка и китайско-русского словаря к нему в 1944 и 1946 гг. (в издании МИВ).

Подобные творческие контакты в написании определенных разделов для учебных пособий существовали у Н. Н. Короткова с И. М. Ошаниным (в 1940 г. — при написании учебника китайского языка для ВДШ), с Б. С. Исаенко и другими известными преподавателями китайского языка, среди которых были и китайцы, например,

И. И. Советов-Чэнь, пользовавшийся большим уважением среди студентов МИВ и слушателей ВДШ. Критически оценивая свои печатные труды и постоянно работая над усовершенствованием учебников, Н. Н. Коротков, как руководитель кафедры китайской словесности (и языков Юго-Восточной Азии в МГИМО), был принципиален и требователен в отношении своих коллег, требуя от них неукоснительного исполнения своих обязанностей и выполнения взятых на себя обязательств. При этом он оставался предельно внимательным к их житейским нуждам и производственным запросам. Особой его любовью пользовались студенты, в которых он видел будущее своей великой страны.

Важную роль сыграл маститый китаевед в подготовке новых научных кадров. Только в вузах и академических институтах в течение 1958–1969 гг. под его руководством успешно закончили аспирантуру 10 человек. Среди его талантливых и перспективных учеников — В. М. Солнцев, член-корр. РАН, ныне директор Института языкознания РАН, пользующийся авторитетом не только в нынешней России, но и за ее пределами. Это далеко не единственный пример видного ученого, прошедшего китаистическую школу Н. Н. Короткова.

В марте 1986 г. Н. Н. Коротков, ветеран отечественного китаеведения, неожиданно для всех вышел на пенсию, сославшись на известное указание Президиума АН СССР относительно возрастных ограничений, установленных для штатных научных сотрудников. Принимая это нелегкое решение, ученый полагал, что его новый статус позволит ему более свободно распоряжаться временем, необходимым для его научных штудий, тем более, что он намеревался «форсировать осуществление обширных творческих планов»¹¹. Об этом он страстно говорил участникам заседания Ученого Совета ИВ РАН, посвященного его 80-летию. Однако судьбе не угодно было считаться с этими обнадеживающими планами. Участники XXIV конференции «Общество и государство в Китае», ежегодно проводимой Отделом Китая ИВ РАН с 1971 г., с горечью и душевной болью узнали на заключительном заседании 19 февраля 1993 г. о кончине одного из патриархов отечественного китаеведения.

В памяти тех, кто слушал лекции Н. Н. Короткова в студенческие годы, учился у него мастерству перевода либо научному описанию языковых явлений, он остался замечательным педагогом и добросовестным исследователем, который постоянно горел жела-

нием передать свои знания по китайскому языку широким слоям российской творческой молодежи, стремящейся познать феномен китайской цивилизации. О его просветительской деятельности может свидетельствовать тот факт, что первый учебник китайского языка, изданный им в 1935 г., в течение ряда последующих лет неоднократно исправлялся и дополнялся, пока не появилось издание 1954 г., которое до сих пор используется в учебных и научных целях. Жизнь и деятельность Н. Н. Короткова — один из вдохновляющих примеров самоотверженного служения ученого-педагога и исследователя своему отечеству и народу, высшим идеалам добра и социальной справедливости. В основе его научного подвига лежал постоянный поиск наиболее оптимальных вариантов овладения закономерностями китайского языка в его историческом развитии и современном виде. В этом убеждает, например, письмо Н. Н. Короткова к акад. В. М. Алексееву от 14 июня 1939 г., которое приводим ниже без комментариев:

Многоуважаемый Василий Михайлович!

В этом году мне представляется возможность осуществить, наконец, мою давнишнюю мечту — приобрести так недостающую мне теоретическую базу — пойти в аспирантуру.

Мне очень хотелось бы попасть в кандидатскую аспирантуру Института востоковедения Академии Наук и поработать под Вашим руководством.

Вы знаете, или по крайней мере, можете судить по моим ученикам, что мне главным образом не хватает знания литературы предмета, культуры Китая и общей научной начитанности. Я вполне разделяю Ваш взгляд, что нельзя быть Китаистом без всестороннего знания китайского языка и китайской культуры. Поэтому мне хотелось бы проработать под Вашим руководством следующие комплексные курсы (комплексными я их называю потому, что они должны, по моему мнению, складываться из лекционного курса или консультаций + работа над литературой по данному предмету + работа над общеметодологической литературой):

1. История синологии = лекционный курс + литература о китайском языке и письменности.

+ история философии + история лингвистических учений + педагогика.

2. История китайской литературы = лекционный курс + литература о Китае (фольклор, мифология, религия, искусство) + диамат-истмат (особенно древнее общество) + работы по истории культуры.

3. История китайского языка и письменности = лекционный курс + китайская литература + новое учение о языке.

4. История китайской литературы = лекционный курс + китайская литература + общеметодологическая литература.

Кроме того, мне нужно поработать над справочной литературой и языками — немецким и японским (английским и французским я более или менее владею). Планы, как видите, очень большие. Мне хочется хотя бы создать базу для дальнейшей работы по каждому из этих разделов.

Посылаю Вам план диссертации, который у меня разработан уже давно и по которому кое-что, хотя и очень мало, я уже успел сделать.

Василий Михайлович, пожалуйста, напишите мне, как Вы смотрите на всю эту затею, правильны ли план диссертации и учебный план, который я набросал здесь, насколько они осуществимы.

И еще одна просьба, Василий Михайлович: дело в том, что мой диплом остался во Владивостокском Университете, а на письме и телеграмму с требованием выслать его мне до сих пор ни слова не ответили.

Таким образом, если я не получу его до 1.VIII, то формально не имею права подавать заявление в аспирантуру, т. к. кроме коллективной фотографии выпускников и свидетельства людей, учившихся там одновременно со мной, я ничем не могу подтвердить, что действительно имею высшее образование. А посему чувствую себя как на иголках, но всё же не прекращаю готовиться к экзамену — готовлю «Основы марксизма-ленинизма».

Василий Михайлович, как Ваше мнение: может быть, дирекция ИВАН примет во внимание мой семилетний стаж самостоятельной работы и допустит меня к приемным испытаниям без представления диплома с тем, чтобы выгребовать его впоследствии через соответствующие советские органы, если Владивостокский Университет будет продолжать отмалчиваться.

Кафедра и парторганизация дают самую лучшую характеристику, так что с этой стороны никаких препятствий к моему поступлению в аспирантуру, очевидно, не встретится.

Уважающий Вас

Н. Коротков 14/VII-39 г. Москва

P.S. Мой адрес — Москва 6-й Новоостанкинский проезд дом 33 кв. 4 Сидихмеевой Е. П. для Короткова»

Таков Н. Н. Коротков, ученый, постоянно устремленный к новым высотам знаний на избранном пути китаиста. Завидное упорство в его научно-педагогической деятельности можно отчасти объяснить трудностями овладения китайским языком, открывающим свои тайны не всякому исследователю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Архив Института востоковедения РАН (ИВ РАН), личное дело Н. Н. Короткова, л. 37.

² Там же, л. 17.

³ Там же, л. 9.

⁴ Архив Академии наук РАН, ф. 409, оп. 2, Д. 126.

⁵ Там же, л. 127.

⁶ Архив ИВ РАН, личное дело Н. Н. Короткова, л. 20.

⁷ Там же, л. 39.

⁸ Н. В. Солнцева. Николай Николаевич Коротков (к 80-летию со дня рождения) // Народы Азии и Африки, 1989, № 1, с. 147.

⁹ Там же.

¹⁰ Архив ИВ РАН, личное дело Н. Н. Короткова, лл. 7; 14.

¹¹ Там же, л. 6.

¹² СПб., филиал РАН, ф. 820, оп. 3, ед. хр. 440, лл. 1-2 (автограф).

КУДА ИДЕТ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК?

Языковеды давно стремились определить пути развития того или иного языка. Это, однако, сделать нелегко, так как язык развивается под влиянием большого количества самых разнообразных факторов — от внутриязыковых, до внешних, связанных с условиями функционирования языка и его взаимодействием с другими языками. Учет всех этих факторов и выделение из них определяющих развитие языка — дело крайне сложное.

Язык развивается не по сознательной воле человека, а стихийно-исторически. Люди лишь косвенно, проводя нормализацию и стандартизацию языка, вмешиваются в ход языкового развития. Разработка грамматик и ограничение стихии языкового общения рамками грамматик и вообще строгое соблюдение норм языка, с одной стороны, упорядочивает развитие языка (всякая нормализация есть упорядочение), с другой стороны, сдерживает и тормозит развитие языка, поскольку предписывает последующим поколениям говорить так (т. е. пользоваться языком так), как им пользовались предыдущие поколения.

В нормированной и в стандартизированной форме, т. е. литературной форме языка, развитие языка замедленно. Основное развитие происходит в сфере устной языковой стихии, где нарушаются установленные правила и возникают различные инновации. Подобную ситуацию можно считать универсальной. Такова ситуация в Китае. Такова картина, в частности, в арабском мире, что хорошо показано в работах Г. Ш. Шарбатова [Шарбатов 1966] и его учеников, например, Г. А. Васильева [Васильев 1998].

К числу внутренних факторов, мощно влияющих на развитие языковых систем в целом, относится рост словарного состава, имеющий многочисленные импликации, в том числе морфемообразование — со всеми вытекающими последствиями. Из внешних факторов, по видимому, следует назвать смешение языков, часто ведущее к потере одним (а то и обоими) из языков морфологии, а также нередко ведущее к типологическим сдвигам в языках. Важным фактором, определяющим развитие языка, является вхождение языка в тот или иной языковой союз. В составе языкового союза языки подвергаются мощному влиянию взаимодействующих с ними других членов языкового союза.

Созданная в XIX веке тройственная типологическая классификация языков во многом служила своего рода моделью языкового развития. Три типологические схемы — изоляция, агглютинация и флективность, с одной стороны, были рядоположены и характеризовали существующие разновидности языков, с другой стороны, они как бы символизировали своего рода лестницу, этапы в развитии языков: наиболее древний и простой тип — изоляция, следующий за ним тип — агглютинативный, и венец творения — тип флективный.

Известно, что эта цепочка была воспринята, в частности, марровским учением о языке, и представлялась как модель, или схема, языкового развития.

В наше время мы знаем, во-первых, что изоляция (а приписываемые изоляции атрибуты — аморфность, корневой характер и моносиллабизм) не противостоит агглютинации и флексии (а приписываемые ей атрибуты ошибочны или почти ошибочны) и, во-вторых, изоляция есть лишь один из этапов развития человеческого языка, причем не исходный, которому (это документально установлено сейчас исследованиями российско-вьетнамской экспедиции) предшествует флективность или флективноподобное состояние языка.

По нашим современным представлениям, изоляция есть способ связи слов в предложениях и словосочетаниях в условиях невыраженности в словах собственными ресурсами их отношений к другим словам. В рамках изоляции может существовать и агглютинация (чаще), и флексия (реже). Изоляция противостоит неизоляции, в рамках которой также существуют агглютинативные и флективные языки.

Итак, современный китайский язык — изолирующий (не аморфный, не корневой, не моносиллабичный), обладающий агглютинативной морфологией, а в ряде южных и центральных диалектов — по свидетельству китайских ученых — флективной и флективноподобной морфологией.

В каком направлении и как развивается китайский язык? Для ответа на этот вопрос здесь важно учесть два момента, или фактора.

Первое — это наличие длительной письменной традиции, позволяющей обозреть развитие и изменение языка в течение долгого времени. Второе — вхождение китайского языка в обширный языковой союз Восточной и Юго-Восточной Азии, развитие языков в котором идет примерно в одном направлении, а сами они находятся на разных

этапах своего развития. Иначе говоря, они занимают разное место на лестнице языкового развития, что позволяет без специальных реконструкций в синхронном срезе видеть пути и этапы изменения и развития всех этих языков.

Эти названные выше два фактора позволяют нам построить более или менее правдоподобную гипотезу тенденций развития китайского языка.

Древнейший китайский язык обладал морфологией флективного, или близкого к флективному, типа. Этот этап в развитии китайского языка уловил знаменитый шведский ученый Б. Карлгрен [Karlgren 1920]. Эта морфология, по свидетельству Е. Д. Поливанова [Поливанов 1928], уже в древности разрушилась, оставив после себя немногочисленные следы. Изучение же языков Юго-Восточной Азии, идущих теми же путями, что и китайский язык (что, в частности, отмечал еще С. Е. Яхонтов [Яхонтов 1971]), верифицировало существование древнейшей, затем исчезнувшей морфологии в китайском языке. Практически в таком языке, как лати, мы видим все морфологические способы, которые подобны морфологическим способам, некогда действовавшим в древнекитайском языке и следы которых удалось реконструировать целому ряду ученых. Это и чередование тонов, и мена звуков, и суффиксация, и флективная словоизменительная падежная парадигма у личных местоимений и т. д. Но если установление этих способов для китайского языка есть результат реконструкций, то в лати эти способы достаточно продуктивно функционируют сейчас.

На смену этой морфологии в китайском языке стала развиваться начиная с первых веков I тысячелетия нашей эры другая новая морфология агглютинативного типа, которая к нашему времени достигла весьма высокого развития.

Конечно, количество словоизменительных (формообразовательных) показателей китайского языка и таких флективных (неизолирующих) языков, как русский, литовский, латинский и др., несопоставимо, однако вполне сопоставимо с количеством словоизменительных (формообразовательных) показателей современного английского языка. Американские англисты насчитывают семь таких показателей, включая форму на *-ing* (близкую к словообразовательной).

В современном китайском языке мы можем насчитать девять чисто морфологических (агглютинативных) показателей: это — глаголь-

ные видо-временные суффиксы $-лэ^0$, $-чжэ^0$, $-го^0$, суффикс инхоативно-го способа действия при глаголах недвижения $-ци^0лай^0$ (сяо⁴ци⁰лай⁰ 'рассмеяться'), суффикс способа продолженности действия $-ся^0цюй^0$ (ди⁴сюй⁴ся⁰цюй⁰ 'продолжать'), видовой префикс продолжительности действия $цзай^0$ — $[цзай^0сюе^2си^2$ 'как раз) занимаюсь (сейчас)'], показатель множественности (как коллективной, так и репрезентативной) — суффикс $-мэнь^0$, показатель множественности указательных местоимений $се^1$, показатель порядковости числительных $гуи^1$. Это — «чистые» агглютинативные показатели, не говоря уже о многих других показателях, агглютинативность которых можно оспорить, и, кроме того, можно оспорить и их чистую морфологичность. Это показатели пассива $бэй^4$, $цзяо^2$, $жан^4$, которые связаны с меной диатез.

Есть и другие показатели. Это, например, повторы глаголов, выражающие кратковременность и однократность действия. Это и повторы классификаторов, которые выражают множественность у имен неодушевленных.

Китайский язык уже в глубокой древности прошел путь моно-силлабизации простых слов и морфем (что зафиксировано в древнейших памятниках — это, кстати, послужило причиной оценки его как моносиллабичного и корневого). Однако он никогда не был лишен многосложных простых слов (такowymi, по свидетельству проф. Ван Ли [Ван Ли 1958], являются древние слова $лянь^2$ $мянь^2$ $цзы^4$). Пройдя этап моносиллабизации, китайский язык наряду с образованием множества слов-повторов стал создавать сложные слова, которые в современном языке составляют, говоря словами Е. Д. Поливанова, статистически доминирующую норму. В современном китайском языке наряду с сохранившимися с древности простыми двусложными словами ($бо^1ли^2$ 'стекло', $пу^2тао^2$ 'виноград', $ха^2ма^2$ 'лягушка', $ху^2де^2$ 'бабочка' и т. д.) существует огромное количество двусложных слов — словосложений.

Двусложные слова, по мнению одного из авторов настоящего доклада, образуют область своего рода «внутренней морфологии» китайского языка.

В рамках этой сферы идут важные процессы грамматикализации отдельных компонентов (чаще всего вторых — ибо в китайском языке действует порядок «определение — определяемое», отчего зависит преимущественная грамматикализация вторых компонентов) и превращения их в словообразовательные и словоизменительные суффик-

сы. Причем за последнее время именно эти процессы усилились, а усилились они за счет роста сложных слов, которые являются средой, порождающей аффиксы. Нужно сказать, что увеличилось число не только аффиксов, но и полуаффиксов. Например, китайский лингвист Лю Шусинь [Лю Шусинь 1979] выделяет в современном китайском языке в общей сложности до 240 старых и новых полуаффиксов.

Кроме того, в китайском языке активизировался процесс перехода полуаффиксов в разряд чистых аффиксов, притом достаточно продуктивных.

Так, например, в разряд префиксов по сути дела перешел элемент *лао*³, который образует имена со значением лиц или прилагательные, обозначающие свойства лиц. Например: *лао*³*хао*³*цзы*⁰ 'искренний человек', *лао*³*шоу*³ 'мастер', *лао*³ *мян*⁴*ти*² 'бесстыдный' и т. д. (примеры см. [Barlow 1995], а также [Хаматова 1997]).

Некоторые термины родства превратились в аффиксы. Они подчас дают поло-родовую характеристику имени. Ср. *бан*⁰*ян*² 'барменша' (букв. *ба*⁰ из англ. *bar* + 'мать'), *дао*⁴*е*² 'спекулянт' (букв. 'воровать' + 'отец'), *ди*²*е*² 'таксист' (букв. *ди*² — морфема из заимствованного слова *ди*²*ши*⁴ 'таксист' + 'отец') — примеры взяты из статьи А. Скоробогатых (см. наст. изд.).

В связи с развитием новых социально-экономических процессов в Китае появляется много новых сложносокращенных слов в результате контранций, которые построены по новым асинтаксичным моделям. Например: *синь*¹ *сань*¹*бу*⁴ 'три новых нет', где слово *сань*¹*бу*⁴ 'три нет' получает прилагательное *синь*¹ 'новый'.

Таким образом, в Китае активизировался процесс образования сложных и производных слов, и в итоге стал интенсивнее процесс морфемообразования.

Кроме того, нельзя не видеть и процессы дестимологизации сложных слов и превращения их в слова простые. Примером могут служить слова типа *цзу*³*чжи*¹ 'организация' и *шэ*⁴*хуй*⁴ 'общество' и т. п.

Сложившаяся одновременно с новой морфологией система служебных слов, хотя и характеризуется значительной этимологической прозрачностью вследствие своей относительной молодости, однако все более и более грамматикализуется, а отдельные служебные слова, обнаруживающие связь с породившими их вещественными словами, в ряде случаев полностью исключают их «вещественное толкование». Так обстоит дело, в частности, с предлогом *цзай*⁴, происходящим от

глагола *цзай*⁴ 'находиться (на, в)'. Например, в предложении *Ta*¹ *цзай*⁴ *хэй*¹ *бань*⁴ *шан*⁰ *се*³ *цзы*⁴ 'Он пишет иероглифы на классной доске' полностью исключено вещественное значение «нахождения» у *цзай*⁴: нельзя писать иероглифы на классной доске, находясь на ней.

В силу той же относительной молодости китайские морфологические элементы обладают свойством факультативности. Однако факультативность их употребления не безгранична. Так, при непредельных глаголах при выражении совершенного вида употребление суффикса совершенного вида *-лэ*⁰ обязательно. Нельзя сказать *Ta*¹ *иц*¹ *зин*⁴ *кань*¹, но можно сказать только *Ta*¹ *иц*¹ *зин*⁴ *кань*¹ *лэ*⁰ ('Он уже посмотрел'). Хотя факультативность существует объективно, китайцы, как правило, точно ставят показатели там, где это необходимо. Проведенный в свое время авторами этой статьи опыт по восстановлению опущенных показателей продемонстрировал, что в тексте, включающем около 500 глаголов, носители китайского языка в 90% случаев безошибочно восстановили опущенные показатели, нигде не заменяли один показатель другим и только в небольшом числе случаев допускали чередование показателя с нулем (или нуля с показателем).

Развитие системы глагольных показателей привело к появлению так называемой нулевой формы у глаголов. Нулевая форма — это не просто отсутствие показателя, а **значимое** отсутствие показателя. Так, в современном китайском языке предстоящее, нереализованное действие (например, побуждение) может быть выражено только глагольной формой без показателя. Например: *кань*¹! 'смотри!', *цуй*⁴!, 'иди!' и т. д.

Форма коллективной множественности лиц — *мэнь*⁰, может быть через посредство формы множественности личного местоимения 3-го лица (*та*¹ *мэнь*⁰ 'они') отнесена к существительным, обозначающим нелиц. Отметим попутно, что подобный способ образования множественного числа имен существительных характерен для многих языков Юго-Восточной Азии. Он используется, в частности, в таоих, рук, лати и ряде других языков. Например, в рук: *ара*¹ *ра*² *сэ*³ 'больные' (букв. 'они' + 'человек' + 'болеть').

Слияние суффикса *-эр*⁰ с именами (реже — с глаголами): *мынь*¹ — *мыр*¹ 'дверь' ведет к нарушению закона морфологической значимости слога. В так называемых эризованных формах (корень + *-эр*) одним слогом выражаются две морфемы. Закон совпадения слогаде-

ления с морфологическим членением нарушается также в результате различных стяжений, например, $во^3мэнь^0$ 'мы' → $вомн^3$ 'мы', $та^1мэнь^0$ 'они' → $там^1$ и т. д.

Нарушение закона о совпадении морфологического деления со слогоделением происходит в заимствованиях нового типа, включающих буквенные сокращения иностранных слов, которые могут быть представлены и согласными ($МММ$ $гун^1сы^1$ 'компания МММ'), и гласными ($АА$ $чжи^4$ 'система, когда каждый платит за себя') (примеры А. Скоробогатых).

Кстати сказать, опрощение сложных слов типа $цзу^3чжи^1$ 'организация' и $шэ^4хуй^4$ и превращение их в простые слова также ведет к нарушению морфологической значимости слогоделения и пополнению запаса простых двусложных слов типа $бо^1ли^2$ 'стекло' и т. д.

Если взять сферу характерных для китайского языка и многих языков Юго-Восточной Азии так называемых счетных слов, или классификаторов, то мы наблюдаем процесс образования универсальных счетных слов типа кит. $зэ^0$, которые все шире и свободнее замещают специализированные счетные слова. Можно считать, что этимологически $зэ^0$ как счетное слово полностью утратил связь с древним словом $зэ^2$ 'штука'.

Следует затронуть еще один достаточно сложный вопрос. Мы называем китайский язык изолирующим (или формоизолирующим), потому что формы его слов не указывают на связь с другими словами и тем самым на их синтаксическую функцию. Однако в некоторых случаях мы все же можем хоть в какой-то мере судить о функции слова по его форме. Так, во-первых, пассивная форма глагола всегда предопределяет объектное подлежащее. Во-вторых, хотя глагольные видо-временные суффиксы могут встретиться у глагола в его разных синтаксических функциях, то явно в сказуемостной функции эти суффиксы могут быть использованы полностью, см. [Ефимова 1988]. Чаще всего оформленный суффиксом глагол обладает функцией сказуемого. Не есть ли это зачатки отхода от полной изоляции?

Итак, мы можем констатировать, что китайский язык идет по пути все большей грамматикализации. В нем все более развивается и набирает силу агглютинация. Оставаясь с точки зрения синтаксиса (способа связи слов) изолирующим, в морфологическом отношении китайский язык уже является агглютинативным.

Более того, на морфологическом уровне мы наблюдаем появление фузионных явлений типа эризации, стяжения слогов и т. п. Это не наследие старой морфологии, но новые явления.

Уйдет ли китайский язык от изоляции? Если да, то, видимо, очень не скоро. Агглютинация может с успехом развиваться и дальше в рамках изоляции, не ломая ее.

ЛИТЕРАТУРА

- Ван Ли. Очерки по истории китайского языка. — Пекин, 1958 (на кит. яз).
- Васильев Г. А. Дамасский разговорный язык (лексико-грамматический очерк). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1998.
- Ефимова С. Синтаксические связи в китайском языке и средства их формирования. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1988.
- Лю Шусинь. Проблемы анализа китайского языка. — Пекин, 1979 (на кит. яз.).
- Поливанов Е. Д. Введение в языкознание для востоковедных вузов. — Л., 1928.
- Хаматова А. А. Некоторые тенденции в лексике китайского языка // 4-я Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. — М., 1997.
- Шарбатов Г. III. Соотношение арабского литературного языка и современных арабских диалектов. — М., 1966.
- Яхонтов С. Е. Общие тенденции развития синтетических языков // Страны и народы Востока. Сб. статей. Вып. XI. — М., 1971.
- Barlow J. S. A Chinese-Russian-English Dictionary. University of Hawai'i Press. 1995.
- Karlgren B. Le proto-chinois, langue flexionnelle // Journal Asiatique, 1920, avril—juin.

ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПУТУНХУА

Проблема соответствия разных уровней языковой системы типологически однотипных языков обсуждается в современных лингвистических работах. Обнаруживается определенное соотношение между единицами разных ярусов языковой системы.

Китайский язык путунхуа считается классическим представителем изолирующих языков. Грамматический уровень (ярус) китайского языка преимущественно определяется аналитизмом, т. е. таким типологическим свойством, которое противопоставляется синтетизму и характеризуется тем, что синтаксически в формах слов не выражается отношение слова к другим словам. Связи слов в предложении выражаются с помощью порядка слов, служебных слов и интонации. Морфологически аналитизм проявляется в раздельном выражении основного лексического и дополнительного грамматического и словообразовательного значений слова. Слова морфологически не изменяются. Полагают, что изоляция как синтаксический прием является следствием морфологических характеристик слова, для которого свойственна агглютинативная техника соединения морфем.

Приведенная характеристика грамматического яруса китайского языка, которая разработана весьма детально и всесторонне, в описаниях фонологического яруса китайского языка не находит системного соответствия. Сами же фонологические описания весьма противоречивы. Например, в фонологических изысканиях китайских авторов вокализм китайского языка путунхуа определяется в количестве трех, шести, семи, восьми, десяти, тридцати пяти и пятидесяти двух фонем (Ли Яньжуй). Применение многоуровневой модели описания звуковой стороны китайской морфемы (слогофонема, инициаль, финаль, тон) делает несопоставимыми фонологические описания изолирующего китайского и неизолирующего русского языков.

Определение соответствия или взаимозависимости между грамматическим и фонологическими ярусами китайского языка строится на основе частной типологической классификации. Установлено, что языки подразделяются на вокалические, консонантные и средние в зависимости от числа гласных и согласных фонем и их информации

онного «веса» в системе языка. Как пишет Ю. В. Рождественский, такая классификация в виде гипотезы была сформулирована Е. Д. Поливановым, а впоследствии независимо от Е. Д. Поливанова развита А. В. Исаченко. Эта частная типологическая классификация объясняет явления аналитизма и синтетизма в истории языка. Оказывается, что сокращение числа гласных фонем связано с развитием синтетизма, а нарастание числа гласных фонем, появление дифтонгов и трифтонгов и сокращение числа согласных фонем сопряжены со становлением аналитизма в системе языка. Согласно данной типологической классификации, фонологический ярус китайского языка, чтобы системно соответствовать высоко аналитичному грамматическому ярусу, должен располагать относительно (например, сравнительно с русским языком) большим количеством гласных фонем, а звукоряды китайских слов должны обнаруживать большое количество разнообразных сочетаний гласных, фонетически реализующихся в виде дифтонгов и трифтонгов.

Основой фонетической системы любого языка является согласно-гласная (СГ) коартикуляция, реализующая фонологические оппозиции каждого конкретного языка, а потому определяемая как ядерная, или производящая. Согласно-гласная производящая оппозиция, генетически базируясь на системообразующих свойствах левого и правого членов СГ коартикуляции, задаваемых родовыми (видовыми) параметрами артикуляционно-акустического пространства речевого аппарата человека (таким энергетическим пространством выступает раствор челюстного угла, по закону симметрии структурированный на левую и правую подсистемы относительно нулевого своего состояния $-1 < 0 < 1$), исторически характеризуется системоприобретенными свойствами согласных и гласных фонем данной фонетико-фонологической системы. Поэтому в слоговой СГ коартикуляции звуковых цепочек слов данного языка функционально значимо может проявиться только то, что задано системоприобретенными свойствами фонем соответствующей фонологической системы. Системоприобретенные свойства речевых звуков, фонем, исторически познаются прежде всего изнутри данной системы и характеризуются типологически и генетически. Важно изучать фонетико-фонологическую систему китайского языка путунхуа и его вокализм изнутри путем синхронного сравнения контрастных родственных звуковых систем китайских диалектов, например, пекинского (ПД), шанхайского (ШД) и мэйсяньского (МД).

Такое изучение позволяет избежать невольного привнесения категорий и правил, выведенных на материале языков иной типологии.

Сравнение типологических характеристик фонетических систем китайских диалектов, адекватно определенных изнутри, с фонетическими характеристиками языка иной типологии, например русского, позволяет углубить представление о системообразующих универсальных свойствах основных категорий звуков речи — согласных и гласных, определив первые как нечетные (левые, фонетически связанные с гласными) смычки, а вторые как четные (правые, фонетически в основном несвязанные) смычки. Правая смычка (гласные) осуществляется периодическим чередованием смычки и раствора голосовых связей. Сравнение гласных русского и китайского языков показывает, что типологической особенностью китайских гласных является их дифференциация по признаку градуально структурированных тонопроизводящих масс четных смычек, т. е. эффективных масс голосовых связей. Аналогичные им сильные ударные гласные русского языка по этому признаку не дифференцируются. По формуле СГ коартикуляции $-1 < 0 < +1$ гласные производятся за счет работы правого цикла раствора челюстного угла. Гласные образуют правую подсистему, противостоящую левой в единой фонологической системе. Определение гласных осуществляется по одному физиологическому основанию с согласными: по месту образования раствора и по месту работы голосовых связей. Такое определение левых и правых членов СГ производящей коартикуляции обнаруживает изоморфизм структуры серий согласных и гласных фонем китайского языка путунхуа. Суть изоморфизма согласных и гласных серий состоит в том, что изменение во времени звукопроизводящей массы левой нечетной смычки в том или ином месте образования антираствора, например губного ряда смычности, реализуется в виде серии из пяти согласных фонем и изменение во времени звукопроизводящей (тонопроизводящей) правой четной смычки также реализуется в виде серии из пяти гласных, например широкорастворных *a*-образных: a^{55} , a^{35} , a^{2114} , a^{51} , a^0 .

Определение дифференцированной связочности в качестве классифицирующего признака китайских сильных гласных параллельно определению дифференцированной связочности как классифицирующего признака китайских согласных (глухие непридыхательные и глухие придыхательные) и в равной мере осуществляется по одному физиологическому основанию, раскрывающе-

му артикуляторную причину существования акустического термина «тон». Дифференциация китайских гласных в зависимости от укладов голосовых связок не подрывает симметрии внутренней структуры левого и правого членов СГ коартикуляции, но имеет лишь различную, количественно асимметричную выраженность, присутствующую членам левой и правой подсистем.

Фонологическая система китайского языка путунхуа, объективно существующей звуковой базой которого является ПД, в отличие от русского языка использует градуально дифференцированные уклады голосовых связок для серийно-коррелятивного размножения язычно-нижнечелюстных артикуляций гласных. Восемь гласных звукотипов (широкорастворный, среднерастворный и шесть узкорастворных) включены в восемь тоновых оппозитивных пятичленных серий и пять тоновых корреляций. Основная системная функция корреляции нулевого (нейтрального) тона интегрирующая, а основная системная функция корреляций первого, второго, третьего и четвертого тонов дифференцирующая. Инвентарь сильных гласных складывается из гласных четырех тоновых корреляций за вычетом одной нереализованной в словаре ретрофлексной гласной, образующей пустую клетку в корреляции гласных первого тона. Структурно выделенное положение тоновой оппозитивной серии ретрофлексных гласных прослеживается во всей системе вокалических оппозиций. Тоновая серия ретрофлексных гласных, являющихся яркой приметой вокализма ПД, в синхронном сравнении с вокализмами МД и ШД проявляет себя как структурная корреспонденция узких инспираторных гласных, которые в МД представлены в переднем, центральном и заднем рядах, а в ШД — только в центральном. Инспирация (реверсионное течение звукопроизводящей струи или тоновая категория *жушэн* по традиционной китайской фонетике, где *жу* 'входить', а *шэн* 'голос') воплощает идею ретрофлексности, которая в связи с падением в ПД инспираторных гласных, «по-родственному» выразилась в формировании тоновой серии ретрофлексных гласных и серии ретрофлексных апикально-переднетвердонёбных согласных, не представленных в МД и ШД.

Вокальная доминанта, или «детерминанта» (по Г. П. Мельникову), фонологической системы китайского языка путунхуа и китайских диалектов демонстрируется универсальной формулой исчисления множества фонем разных языков:

ПД 25 ... $1 < 0 < 1$... 31

МД 33 ... $1 < 0 < 1$... 39

ЩД 41 ... $1 < 0 < 1$... 35

РЯ 35 ... $1 < 0 < 1$... 6

Размещение единиц слева и справа от нуля (символа производящего нуля) как символов ядерных оппозиций производящей СГ оппозиции показывает, что те и другие учитываются в фонологической системе по выдержке, отмечаемой слева для согласных, а справа для гласных. Связь единиц с нулем через знаки изменения фонирующего раствора показывает, что в артикуляционном пространстве от нуля до выдержки (от относительно индифферентного уклада до соответствующей выдержки) реализуются слабые гласные, определяемые по неполной артикуляционной программе. Благодаря артикуляционной устойчивости сильных (связочно-дифференцированных) гласных пунхуа относительно позиции четных гласных сформировались позиции левого и правого нечетов как позиции слабых гласных. Четность и нечетность гласных определяется по номерам фонологических позиций звукопозиционной слоговой матрицы: 0123, где 0 — позиция реализации всех согласных фонем, 1 — позиция реализации трех узких слабых гласных фонем, 2 — позиция реализации 31 сильной гласной фонемы, 3 — позиция реализации пяти узких слабых гласных.

Отношения сильных и слабых гласных в китайском языке пунхуа (фонетическая система говора Пекина; в фонетических системах говоров Шанхая и Мэйсяня соответственно свои инвентари сильных и слабых гласных) определяются фонетическим законом: по работе голосовых связок, или в тоновом отношении, четные гласные ассимилируют нечетные, а по работе надгортанных резонаторов, или в тембровом отношении, нечетные гласные ассимилируют четные. Слабые гласные в сочетании с сильными образуют систему из сочетаемостно устойчивых групп гласных (*юньму*), фонетически реализующихся как трифтонги и дифтонги. Серийно-коррелятивная интеграция слабых гласных на своем уровне воспроизводит аналогичные принципы структурной интеграции сильных гласных. В этом проявлении структурного изоморфизма сильных и слабых гласных заключается единство китайского вокализма, который именно за счет как сильных, так и слабых гласных образует и различает большое количество звукорядов слов и морфем, т. е. «номем» и «сонем» (по В. М. Солнцеву).

О большом информационном весе гласных в ноемах китайских слов по сравнению с русскими словами говорит то, что в русском и китайском языках сформированы одни и те же звукопозиционные слоговые матрицы, но в русском они реализуются с консонантным наполнением, а в китайском — с вокальным. По формуле развертки инерционных фаз СГ коартикуляции 3210123 русские и китайские слоговые матрицы являются зеркальным отражением: левые (определяющая черта синтетизм) — русские, правые (определяющая черта аналитизм) — китайские, т. е. СССР 123 и 321 СГТГ соответственно.

Приведенные данные о вокализме китайского языка путунхуа, сформулированное положение о вокальной детерминанте его фонологической системы обнаруживают типологическое соответствие фонологического и грамматического уровней этого языка, что подтверждает соответствующую частную типологическую универсалию.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексахин А. Н. Диалект хакка (китайский язык). — М., 1987.
- Алексахин А. Н. Структура слога китайского языка как проявление системообразующих свойств согласных и гласных (Теория согласно-гласной коартикуляции) // Вопросы языкознания. 1990. № 1.
- Алексахин А. Н. Фонологическая система китайского языка в сопоставительном аспекте (на материале пекинской, шанхайской и мэйсяньской фонетических систем). Дис. ... док. филол. наук. — М., 1990.
- Алексахин А. Н. Теоретический курс китайского языка. Фонетика. — М., 1996.
- Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. — М., 1990.
- Солнцева В. М. Введение в теорию изолирующих языков. — М., 1995.
- Солнцева Н. В. Проблемы типологии изолирующих языков. — М., 1985.

SUMMARY

The paper shows that the Chinese language Putunghua as a typical analytic language has 31 strong vowel phonemes and the subclass of weak vowels. The combinations of strong and weak vowels are pronounced as diphthongs and triphthongs in Chinese words. The vocalic determinant of Chinese phonological level is corresponding with analytic features of grammatical level of Chinese, that is proved by the proper typological classification.

ЛАО ШЭ: ПОИСКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Основой всякого прозаического произведения, всякой литературы является язык. Лао Шэ с самого начала своего творческого пути понимал это и уделял слову самое пристальное внимание. Именно в этом, пожалуй, кроется главная причина того, что уже первые его литературные опыты отмечены большой требовательностью к языковым формам художественной прозы. После возвращения из Англии писатель, подводя некоторые итоги своего творчества, постоянно ссылаясь не только на китайскую, но и на зарубежную литературу. Он цитировал, в частности, Шекспира, Диккенса, Свифта, Монтеня, Флобера, Мопассана, Л. Толстого, Достоевского и многих других выдающихся писателей [Лао Шэ 1937, 55, 76, 79, 92–96, 101, 119, 120 и др.].

Современная китайская литература 10–20-х годов XX в. предпринимала серьезные усилия на очень трудном заключительном этапе освобождения от тисков мертвого вэньяня, древнего, непонятного на слух литературного языка, к живому языку байхуа, на котором говорили миллионы простых людей. Передовая творческая интеллигенция, давно предпринимавшая попытки избавиться от вэньяня, сама находилась в его власти, не могла от него отрешиться.

Все писатели XX в. старшего поколения начинали писать на вэньяне. Слишком велика была сила традиции. Однако перемены, происходившие в мире, подталкивали к ним и Китай. Все больше китайцев стало выезжать за границу. Так, Чжоу Шужэнь — будущий основоположник современной китайской литературы Лу Синь — в 1902 г. выехал на учебу в Японию, в 20-х годах по разным мотивам уехали на Запад Шу Шэюй (Лао Шэ), Ли Фугань (Ба Цзинь) и другие.

Поездка Лао Шэ в Англию, пять лет работы в Школе востоковедения и африканистики при Лондонском университете способствовали не только повышению педагогического опыта в преподавании родного языка, но и знакомству с передовой мировой литературой, приобретению литературного опыта. Как писатель Лао Шэ состоялся в Англии. Знакомство с английской литературой, а в переводах — с французской и русской, еще больше подкрепляло стремление молодого человека взяться за перо. Начинаящий писатель не мог отказаться от традиционной литературной формы. Он, подобно своему старшему современ-

нику Лу Синю, тоже начавшему писать за рубежом, свои первые литературные опыты начинал на вэньяне или полувэньяне. У Лао Шэ, и не только у него, довольно заметна тяга на первых порах к старому литературному языку. По-видимому, невозможно было преодолеть в своем сознании веками прививавшееся своеобразное табу, запрет на использование разговорного языка.

И действительно, стоит только открыть его первые романы — «Философию почтенного Чжана», «Чжао Цзыюэ»¹, — как вэньянь обрушивается на читателя. Это признавал несколько позже, в начале 30-х гг., сам писатель, когда, отвечая своим литературным критикам, писал, что он был вынужден, используя разговорный язык, «смешивать» его с древним языком, поскольку было очень трудно отказаться от «старой болезни» [Лао Шэ 1937, 6–7]. Удивляться тут нечему. Лао Шэ, как и все, получавшие образование в то время, воспитывался на родной классике. Он читал и хорошо знал танские новеллы, романы «Неофициальная история конфуцианства», «Сон в Красном тереме» и другие. С иностранной литературой был знаком очень мало. Кроме одного восточного и одного западного автора [Лао Шэ 1937, 3], ничего не читал.

Трудности использования языковых форм старого языка не приводят к хорошим результатам. Донести до современного читателя смысл и идеи художественной прозы возможно лишь средствами доступного этому читателю языка [Лао Шэ 1937, 119]. Лао Шэ признавался, что только после одного-двух его произведений, появившихся в печати, он понял истинную силу слова [Лао Шэ 1937, 7; Ян Джихуа 1944, 174].

Важную и естественную часть художественного произведения составляет диалог. Если при описании пейзажа, героев и т. д. иногда еще можно употреблять и старые слова вместо новых или какие-то сложные выражения, то в диалоге следует использовать живой и сочный разговорный язык, который выполняет коннотативные функции [Лао Шэ 1937, 126–127].

Какая поэзия, являющаяся частью литературы, писатель говорил, что стихи старой формы имеют серьезные недостатки. И в ка-

¹ Второй роман Лао Шэ назван по имени одного из героев. В основе имени лежит древняя форма выражения «Учитель (философ) Чжао говорит». Эта форма взята из древнекитайских философских трактатов.

честве примера называл *дяньгу*², которые могут передавать значения метафоры, сравнения. Долголетие, сравниваемое с южными горами, например, так же, как долгожитель Пэн Цзу³, тоже являются метафорами, когда людям желают многих лет жизни. В таком употреблении *дяньгу* — подходящая форма для создания образности повествования. Однако на первое место Лао Шэ всегда ставил ясность стиля и четкость выражения смысла [Поэзия 1958, 83].

Если говорить об особенностях языка произведений Лао Шэ, то более яркого примера для изучения этой проблемы, чем роман «Лото Сянцзы» (в русском и английском переводах «Рикша»), предложить трудно. Мастер слова, Лао Шэ обращал также внимание на использование в преображенном виде западных языковых заимствований, в чем и состоит одна из важных языковых особенностей этого произведения. Иначе говоря, речь идет о европеизации формы, в частности, о личных местоимениях, которые стали активно входить в китайский язык после движения «4 мая» 1919 г. [Чжань Кайди 1983, 346–349].

Другой особенностью романа, Чжан Кайди справедливо ставит ее на первое место, является пекинский разговорный язык. Можно привести такие примеры: *ваньбаньтянь* ‘к вечеру (под вечер)’, букв. ‘поздняя половина дня’; *мэньяньэр* ‘площадка у городских ворот (их лицо)’; *даци* ‘атмосфера’, но в пекинском говоре (у Лао Шэ тоже) употреблено в значении ‘щедрый’ и т. д. [Чжань Кайди 1983, 335–346].

О «пекинском привкусе» в произведениях Лао Шэ говорит, например, и то, что на страницах его произведений встречается более 240 подлинных названий улиц, переулков, мостов, гор, речек и речушек, пагод, парков и т. д. [Чжань Кайди 1983, 150–155]. Не случайно его еще в 30-х годах называли пекинцем и Чжэнь Чжэндо, и Лин Юйтан. Последний говорил об этом не без некоторой зависти [Ян Чжихуа 1944, 175].

Помимо прекрасного знания отечественной литературы и языка, а также блестящего владения пекинским, мандаринским говором, Лао Шэ владел иностранными языками. Еще в 1922 г. в ежемесячном издании Общества молодых христиан в Пекине был опубликован его

² *Дяньгу* — древние крылатые выражения, обязательно несущие в себе скрытый смысл.

³ Пэн Цзу, согласно легенде, прожил восемьсот лет.

перевод с английского языка статьи Бао Ганлиня «Идеи великого христианского единения» [Ван Хуйюнь, Су Циньчан 1985, 15].

Подводя итоги, можно сказать, что даже в языке писателя нашли отражение проблемы переходного времени, которое характеризовалось трудными поисками и трудным, небезболезненным расставанием с отжившими традициями.

ЛИТЕРАТУРА

Ван Хуйюнь, Су Циньчан. Жизнеописание Лао Шэ. — Шичэчжуан, 1985. (Ван Хуйюнь, Су Циньчан. Лао Шэ пинчжуань).

Лао Шэ. Старый вол, разбитая телега. (Лао Шэ. Лао ню но чэ). — Шанхай, 1937.

Поэзия (Шикань), 1958, № 5.

Чжань Кайди. Две наиглавнейшие языковые особенности романа «Рикша» // Материалы по изучению Лао Шэ. — Цзинань, 1983. (Чжань Кайди. «Лото Сянцзы юйянь дэ лянда тэсэ» // Лао Шэ яньцзю лунь вэнь цзи).

Ян Чжисхуа. Материалы по истории литературы. — Шанхай, 1944. (Ян Чжисхуа. Вэньтань шиляо).

НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ КИТАЙСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ

Музыкальная культура Китая зародилась в глубокой древности. Как свидетельствуют документальные источники и подтверждают археологические раскопки, в эпоху Шан-Инь (1766–1122 гг. до н. э.) и в эпоху Чжоу (1122–247 гг. до н. э.) существовала довольно развитая музыкальная культура. Дошли сведения о том, что в периоды «Чуньцю» («Весны и Осени», 770–481 гг. до н. э.) и «Чжаньго» («Воюющие царства», 480–221 гг. до н. э.) уже было известно более 80 видов музыкальных инструментов. Среди них были ударные музыкальные инструменты: колокола *чжун*, барабаны *гу*, трещотки *пайбань*; струнные — *цин*, *эрху*, *пина*, *чжэн*; духовые — *сяо*, *гуань*, *ди*; язычковые — *шэн*, *лушэн* и др.

В период династий Суй (589–617 гг. н. э.) и Тан (618–907 гг. н. э.) музыкальная культура переживала расцвет, это время считалось «золотой эрой», музыкальные инструменты совершенствовались, но основные их виды оставались традиционными, и они существуют и в настоящее время. Оркестры из таких музыкальных инструментов являются непременными участниками народных праздников, свадебных обрядов, похоронных церемоний. Театральные представления, выступления танцевальных коллективов также сопровождаются мелодиями, исполняемыми на традиционных китайских музыкальных инструментах.

Рассмотрим основные виды традиционных китайских музыкальных инструментов и их лексическое выражение.

1. Ударные музыкальные инструменты:

1) тарелки 鐃 *наобо*; имеют также название 銅鈸 *тунбо*; сделаны, как правило, из бронзы 銅 *тун*;

2) гонг 鑼 *ло*; 敲鑼 *цяоло* ‘ударить в гонг’; гонг по краям имеет два отверстия, крепится на веревке;

3) колокол 鐘 *чжун*; 排鐘 *пай чжун* ‘комплект колоколов’; 鐘聲 *чжуншэн* ‘колокольный звон’; 撞鐘 *чжуан чжун* ‘бить в колокол’;

4) колокольчик 鈴 *лин*; 搖鈴 *яолин* ‘звонить в колокольчик’;

5) барабан 鼓 *гу*; 打鼓 *дагу* ‘бить в барабан’;

6) ударный музыкальный инструмент 拍板 *пайбань* (род трещотки); состоит из трех деревянных пластин, соединенных шнуром; служит для отбивания такта [КРС 1977, 660].

II. Струнные смычковые музыкальные инструменты:

1) смычковый инструмент 胡琴 *хуцин*; смычок делается из бамбука, стянутого конским волосом, смычок вставляется между двумя струнами 兩弦 *лян сянь* и при нажатии 軋 *я* издает звук 發聲 *фашэн*;

2) двухструнный смычковый инструмент 二胡 *эрху* (разновидность инструмента *хуцин*); делается из дерева или бамбука, дека из кожи удава или других змей; две струны издают мягкий и приятный звук. На *эрху* играют соло, сопровождение или в оркестре. В современных национальных оркестрах бывают инструменты высокого звучания 高胡 *гаоху*, средние 中胡 *чжунху*, большие 大胡 *даху* и низкого звучания 低胡 *диху* [Цыхай 1989, 14].

III. Струнные щипковые музыкальные инструменты:

1) древнекитайский щипковый музыкальный инструмент 箏 *чжэн*; 彈箏 *тань чжэн* или 撥箏 *чоу чжэн* 'играть (перебирать струны) на *чжэн*' [Цыюань 1950, 564]¹; в древности имел 12 струн, потом 13 струн, позже — 16 струн.

2) трехструнный инструмент 三絃 *саньсянь*. Появился в эпоху Цинь (246–207 гг. до н. э.), особенно широкое распространение получил в эпоху Тан (618–907 гг. н. э.). Гриф делается из дерева, дека из кожи ядовитой змеи, на корпусе имеется подставка для трех струн; звук извлекается ударом ногтя по струнам — 以指甲撥弄發聲 *и чжицзя болун фашэн* [Цыюань 1950, 5–6];

3) струнный инструмент 琴 *цин* (разновидность люгэни). Появился в эпоху одного из мифических императоров Шэн-нун или Фу-си; сначала имел пять струн, потом семь струн, на грифе имеется 13 ладов, звук извлекается ударом пальцев — 以指按而彈 *и чжи ань эр тань* [Цыюань 1950, 481];

4) четырехструнный музыкальный инструмент 琵琶 *пипа*. В древности на нем играли медиатором, в Танскую эпоху стали играть рукой. Сейчас чаще встречается шестиструнный инструмент [Цыюань 1950, 481–482];

5) струнный музыкальный инструмент 瑟 *сэ*²; в древности было 50 струн, потом 25 струн, позже 16 струн; все струны имеют колки

¹ Род цитры [МЭС 1990, 119]; распространен также во Вьетнаме; имеет названия *dàn tranh* и *dàn thập lục* (букв. 'инструмент с 16 струнами').

² Род гуслей [МЭС 1990, 251]; распространен также во Вьетнаме и называется *thập lục* (имеет 16 струн) или *tam thập lục* (имеет 36 струн).

柱 *чжу*, их передвигают для регулирования высоты звука [Цююань 1950, 482].

IV. Духовые музыкальные инструменты:

1) свирель 簫 *сяо*; в древности делалась из бамбука и называлась 排簫 *пайсяо* ('располагать в ряд' + 'флейта, свирель'); большая свирель *пайсяо* состояла из 23 трубок, маленькая — из 16 трубок³, сейчас этот музыкальный духовой инструмент состоит из одной дудочки с пятью отверстиями⁴ [Цююань 1950, 570; Цыхай 1948, 1021–1022];

2) духовой инструмент в виде трубки 管子 *гуаньцзы*; имел шесть отверстий, потом восемь отверстий, в последнее время — семь отверстий, делается из дерева 木 *му* или кости 骨 *гу*, рога 角 *цзюэ*; разновидность *гуаня* — труба 蘆管 *лугуань*; в армии ее использовали для подачи сигнала тревоги; 吹 *чуй* 'дуть (в *лугуань*)' [Цююань 1950, 680];

3) дудочка 笛子 *дицзы*; короткая дудочка с семью отверстиями, делается из бамбука 竹 *чжу*.

V. Язычковые духовые музыкальные инструменты:

1) язычковый духовой музыкальный инструмент 笙 *шэн*⁵; в древности состоял из 13 трубок; сейчас бывает 17 трубок разной длины; звук извлекается путем дутья 吹 *чуй* [Цююань 1950, 560];

2) бамбуковый язычковый инструмент 蘆笙 *лушэн* (родствен *шэн*);

3) 竽 *юй*, разновидность язычкового духового инструмента 笙 *шэн*⁶; имеет 36 язычков 簧 *хуан*;

4) дудочка 簫 *цзя*, делается из камышовых листьев; есть также дудочка 胡簫 *хуцзя*, делается из дерева; имеет три отверстия 三孔 *сань-кун*; оба конца покрыты рогом — 兩端施角 *лян дуань ши цзюэ* [Цююань 1950, 561, 618].

Перечисленные выше основные виды китайских традиционных национальных музыкальных инструментов обозначаются разными иероглифами. Характерно, что китайский иероглиф, неся в себе семантическое значение музыкального инструмента, одновременно представляет собой как бы художественное произведение. С древних

³ По-видимому, род многоствольной флейты Пана.

⁴ Очевидно, разновидность флейты.

⁵ Губной орган, трубки вставлены в крышку чашеобразного корпуса-резервуара, воздух вдвухается через мундштук [МЭС 1990, 649].

⁶ *Лушэн* распространен также во Вьетнаме, название инструмента *khén*, состоит из нескольких соединенных между собой бамбуковых трубок. (Примечания в сносках Е. В. Бариновой.)

времен каллиграфия высоко ценится в Китае как вид искусства. Уместно напомнить, что всего китайская письменность насчитывает 82 тысячи различных китайских иероглифов 漢字 *ханьцзы*. Лингвистическое обозначение китайских национальных музыкальных инструментов уже само по себе является неотъемлемой частью китайской музыкальной культуры и всей богатой китайской культуры в целом.

ЛИТЕРАТУРА

Китайско-русский словарь. — Пекин, 1977. [КРС].

Музыкальный энциклопедический словарь. — М., 1990. [МЭС].

Цыхай. Т. 1. — Шанхай, 1989.

Цюань. — Шанхай, 1950.

ГЛАГОЛЬНЫЕ МОДИФИКАТОРЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ:
КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ¹

Работа посвящена изучению одного из аспектов феномена грамматикализации, который в последние годы все более привлекает к себе внимание лингвистов, в том числе — китаеведов. Здесь будут рассмотрены когнитивные механизмы, лежащие в основе семантических изменений грамматикализуемых единиц.

Предмет исследования. Глагольные модификаторы — это присоединяемые к глаголу глаголы или прилагательные, обозначающие результат действия или направление движения, ср. *xi-bai* ‘стирать’ + ‘белый’ — ‘отстирать добела’, *tiao-xia* ‘прыгнуть’ + ‘вниз’ — ‘спрыгнуть’. Глагол вместе с присоединенным к нему модификатором образует результитивную конструкцию (РК); в некоторых лингвистических традициях (например, в китайской) РК рассматривается как словосочетание, в некоторых (например, в отечественной) — как сложное слово.

Модификаторы могут называться также дополнительными элементами (ДЭ) результата и направления. Класс ДЭ результата открыт; ДЭ направления образуют небольшой закрытый класс из 26 элементов. Некоторые ДЭ результата и направления наряду со своими основными лексическими значениями имеют также метафоризованные значения; в некоторых своих употреблениях они функционируют как аспектуальные показатели, выражая, в частности, значения результитивного завершения действия, начала действия, продолжения действия. Из 26 ДЭ направления грамматические значения подобного типа имеются у 11.

Исследуемый феномен. Феномен существования разных функций/значений у одного и того же модификатора уже давно привлекает внимание исследователей. Характер значения данных единиц ставит перед лингвистами целый ряд проблем. Во-первых, это проблема категоризации описываемых единиц. Во-вторых, это проблема установления взаимосвязи различных значений этих единиц (в частности, знаменательных и служебных значений). В-третьих, это проблема описания сочетаемости этих единиц.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 97-04-06289.

История вопроса. Значительное внимание модификаторам уделено в монографии С. Е. Яхонтова [Яхонтов 1957]. С. Е. Яхонтов отмечает, что модификаторы, восходящие к глаголам направления движения, могут получать более отвлеченное (абстрактное) значение. Модификаторы в отвлеченном значении присоединяются к глаголам, не обозначающим передвижения и несовместимым с представлением о направлении [Яхонтов 1957, 88–89].

Системному анализу значений пространственных модификаторов посвящена работа Дэн Шоусиня [Teng Shou-hsin 1977, 11]. В ней выдвигается идея наличия семантического инварианта, представленного во всех (как лексических, так и грамматических) употреблении глагольных модификаторов, которые он называет глагольными частицами. Автор предлагает формулировки таких семантических инвариантов для восьми модификаторов, используя понятия темы (theme), исходного пункта движения (source) и цели движения (goal). Дэн Шоусинь вводит, в частности, такое понятие, как перемещение темы (movement of a theme); при этом имеется в виду, что перемещение темы не обязательно является пространственным. Это может быть, например, ментальное, эмоциональное или перцептивное движение.

В работе Лю Юэхуа [Liu Yuehua 1989] обосновывается принцип системности описания значений глагольных модификаторов. Рассматривая группу модификаторов, имеющих пространственные и грамматические значения, автор проводит идею наличия метафорических взаимосвязей между различными значениями модификатора, а также наличия парадигматических взаимосвязей (синонимических и антонимических отношений) между различными модификаторами. Описывая значения модификаторов, автор пользуется схемами, на которых указаны начальный и конечный пункты движения, направление движения, перемещающийся объект, положение говорящего и т. п. Значительное внимание уделяется анализу развития (yinshen) более отвлеченных значений из пространственных.

В работах К.-К. Цэ [Tse 1986; 1989] проводится концептуальный анализ ряда модификаторов кантонского диалекта на основе теории А. Кюльоли. Целью является установление взаимосвязей между различными значениями модификатора.

Как ни удивительно, функционирование глагольных модификаторов в китайском языке обнаруживает много общих черт, например,

с функционированием глагольных приставок в русском языке и адвербиальных компонентов фразовых глаголов в английском языке.

Интересно, что исследователи английских фразовых глаголов и русских приставок уже давно обратили внимание на метафорический тип образования значений этих единиц. Целый ряд работ (упомянем лишь некоторые) анализирует метафорику таких приглагольных элементов. Это работы Д. Болинджера [Bolinger 1971], Б. Рудзки-Остин [Rudzka-Ostyn 1985], Л. Янды [Янда 1997], М. Флайера [Флайер 1997] и другие.

В отечественной лингвистике о метафорических механизмах десемантизации глагольных модификаторов в китайском языке (на примере модификаторов *shang* и *dao*) впервые говорилось в работе Антонян [Антонян 1994б; 1995а].

Системному анализу семантики модификаторов уделено значительное место в работах Тань Аошуан [Тань Аошуан 1995; 1996].

Когнитивные механизмы грамматикализации. В данной работе мы рассмотрим механизм десемантизации модификатора с точки зрения взаимодействия фреймов, стоящих за морфемами — составными частями результативной (или результативно-направительной) конструкции.

Эта задача потребует более пристального рассмотрения взаимодействия значений первого и второго компонентов результативной конструкции. Корпус примеров, составляющих материал исследования, был сформирован на основе сплошной расписки словарей «Dongci yongfa cidian» («A Dictionary of Verbal Usages») и «A Dictionary of Chinese Verb-Resultative Complement Phrases». Он включает примеры употребления модификаторов *shang* ('вверх'), *xia* ('вниз'), *dao* ('достигнуть'). (В скобках указаны исходные — пространственные — значения данных единиц.) Для *shang* он составил 1904 предложения, для *xia* — 298 предложений и для *dao* — 1213 предложений.

Всякая глагольная морфема, имеющая знаменательное значение, задает некоторую ситуацию. Если в результативной конструкции участвуют две глагольные морфемы, обе являющиеся знаменательными (если второй компонент еще не десемантизирован), то задаются две ситуации, в каждом конкретном случае по-разному соотносящиеся друг с другом.

Так, в примере (а) *Xiongying fei-shang lantian le* 'Орел взлетел в небо' результативно-направительная конструкция задает две ситуа-

ции: ситуацию *fei* 'лететь' и ситуацию *shang lantian* 'подняться в небо, на небо'. Вторая ситуация возникает как результат первой. Однако связь между ними достаточно произвольна: они взаимосвязаны только в данном конкретном событии. Вообще же говоря, у действия *fei* 'лететь' может быть много различных результатов, ср. *fei-xialai* 'слететь вниз', *fei-jin wu* 'влететь в комнату' и т. п.

В примере (b) *mo-shang you* 'намазать жиром' значение модификатора *shang* соответствует его знаменательному значению 'намазать', 'нанести на поверхность'. Таким образом, ситуации, обозначаемые первым компонентом РК (*mo* 'мазать') и вторым компонентом РК, в значительной степени пересекаются: ситуация, задаваемая *shang*, полностью входит в ситуацию, задаваемую *mo*. *Shang you* 'нанести жир на поверхность' является естественным результатом действия *mo you* 'мазать жиром'. Таким образом, номинативный слой значения *shang* в данном примере дублируется значением *mo* 'мазать'.

В примере (c) *Shangbianr you you, yanse shang-bu-shang* 'Поверхность покрыта жиром, краску не нанесешь' совпадение ситуаций, задаваемых первым и вторым компонентами РК, видно особенно ярко, так как первый и второй компоненты просто совпадают.

Во всех этих примерах модификатор *shang* не привносит никакого номинативного значения, которое не было бы выражено другими элементами предложения. То номинативное значение, носителем которого является ДЭ *shang*, оказывается уже выраженным в значении оформляемого глагола.

Таким образом, уже в подобных примерах, где номинативный слой в ДЭ *shang* еще не пуст, намечается переход от выражения номинативного значения к чистой функциональности.

Взаимодействие ситуаций, задаваемых первым и вторым компонентами РК, может происходить и более сложным путем.

Например, глагол *shai* 'подвергать(ся) воздействию солнечных лучей' (в зависимости от контекста он переводится как 'загорать', 'обжигать на солнце', 'просушивать на солнце' и т. п.), сам по себе не обозначает размещения чего-либо на чем-либо. Но выполнение действия, им обозначаемого, предполагает предварительное размещение предметов, подвергаемых воздействию лучей, на какой-либо поверхности. Это и создает возможность сочетания данного глагола с модификатором *shang*.

Ср. пример (d): *Changyuan dou shai-man le, wo jia de liangshi shai-bu-shang le* 'Двор весь занят (букв. 'двор весь занят разложенным на просушку'), наше зерно не просушишь (т. е. не разложишь на просушку)'.

Сочетаемость глагола *shai* с модификатором *shang* обусловлена не значением глагола *shai* как таковым, а известными носителям языка особенностями ситуации, задаваемой данным глаголом.

За счет существования у второго компонента РК номинативного значения (пусть в той или иной степени метафоризованного) второй компонент задает ту или иную интерпретацию ситуации, задаваемой первым компонентом. Ср. пример (e): *Chexiang-li zai ji-shang liang ge ren* 'Поместить в купе еще двух человек (букв. 'впихнуть в купе еще двух человек')'. Здесь оформляемый глагол *ji* 'теснить(ся)', 'располагаться тесно друг к другу' сам по себе не передает значения некоторой перемены состояния (добавления); это значение создается с помощью модификатора *shang*, номинативное значение которого в этом употреблении восходит к значению «прикрепить», «соединить».

Анализ употреблений *xia*, в которых эта морфема передает значение возможности вместить нечто, показывает, что *xia* в этом значении может сочетаться не только с глаголами, обозначающими размещение, но и с глаголами других типов, например, *ba* 'охлаждать', *chong* 'растворять' и др. Ср. (f) *Zhe ge tong li ba-bu-xia shi ping qishui* 'В этом ведре не охладишь десять бутылок газировки'; (g) *Yi ge xiao wan chong-bu-xia name duo naifen* 'В маленькой чашечке не растворишь столько сухого молока'. Глаголы *ba* 'охлаждать' и *chong* 'растворять' сами по себе не означают размещения чего-то в чем-то; они предполагают такое размещение. Здесь Sit2 «размещение» является необходимым условием осуществления Sit1 (соответственно «охлаждение», «растворение»): Sit2 предшествует Sit1.

В этом случае можно говорить не о метафорическом, а о метонимическом механизме десемантизации.

Если говорить о том, что каждый из компонентов РК обозначает некоторую ситуацию (соответственно Sit1 и Sit2), то можно утверждать, что в рамках общих моделей «действие — результат» и —«действие — направление движения» представлен целый ряд типов соотношений Sit1 и Sit2. В одних случаях Sit2 является внешней по отношению к Sit1 и следует за ней во времени; в других — Sit2 «вкладывается» в Sit1; в каких-то случаях Sit1 и Sit2 частично перекрываются.

Можно выделить следующие типы взаимодействия ситуаций, задаваемых первым и вторым компонентами результативно-направительной конструкции:

(1) Sit2 является внешней по отношению к Sit1 — примеры (а), (е);

(2) Sit2 не является внешней по отношению к Sit1.

Тип (2) делится на следующие подтипы:

(2.1) Sit1 и Sit2 совпадают — пример (с);

(2.2) Sit1 включает Sit2 (Sit2 является естественным результатом Sit1) — пример (b);

(2.3) Sit1 подразумевает Sit2 (Sit2 является необходимым условием Sit1) — примеры (d), (f), (g).

Именно конструкции типа (2) представляют собой отправную точку десемантизации модификатора.

В рамках результативной конструкции происходит взаимодействие номинативных значений первого и второго компонентов. Точнее, как показывают вышеприведенные примеры, происходит взаимодействие не только значений, но целых систем знаний говорящих о ситуациях, обозначаемых этими компонентами (фреймов).

ЛИТЕРАТУРА

- Антонян К. В. Взаимодействие лексического и грамматического в значении глагольного результативного показателя *dao* // Прагматика. Семантика. Грамматика. Материалы конференции научных сотрудников и аспирантов. — М., 1993.
- Антонян К. В. Морфема *dao* в постпозиции к глаголу: непрерывность перехода от пространственного значения к видовому // Актуальные проблемы китайского языкознания. Материалы 7-й Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. — М., 1994а.
- Антонян К. В. Результативные конструкции в современном китайском языке: процессы грамматикализации и лексикализации. Дис.... канд. филол. наук. — М., 1994б.
- Антонян К. В. Результативные конструкции в современном китайском языке: процессы грамматикализации и лексикализации. Автореф. дис.... канд. филол. наук. — М., 1994в.
- Антонян К. В. Результативные конструкции в китайском языке: грамматикализация и синтаксическое перераспределение // 3-я Международная конференция «Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки». — М., 1995.
- Антонян К. В. Семантика глагольного дополнительного элемента *shang*: от лексических значений к грамматическим // Глагольная префиксация в русском языке. Сб. статей. — М., 1997а.
- Антонян К. В. Grammaticalization of complements of direction in Mandarin Chinese: Metaphor and Metonymy // 4-я Международная конференция по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. Тезисы докладов. Ч. 2. — М., 1997.
- Глагольная префиксация в русском языке. Сборник статей. — М., 1997.

- Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка). Дис.... докт. филол. наук. — М., 1995а.
- Тань Аошун. Проблемы скрытой грамматики (на материале типологии китайского языка). Автореф. дис.... докт. филол. наук. — М., 1995б.
- Тань Аошун. Проблема грамматикализации в изолирующем строе (на примере грамматического строя современного китайского языка) // Китайское языкознание. Материалы 8-й Международной конференции. — М., 1996.
- Флайер М. С. Делимитативные приставки в русском языке // Глагольная префиксация в русском языке. — М., 1997.
- Янда Л.-А. Русские глагольные приставки. Семантика и грамматика // Глагольная префиксация в русском языке. — М., 1997.
- Яхонтов С. Е. Категория глагола в китайском языке. — М., 1957.
- Bolinger D. The phrasal verb in English. Harvard Univ. Press. — Cambridge, Mass., 1971.
- A Dictionary of Chinese Verb-Resultative Complement Phrases. — Beijing, 1987.
- Dongci yongfa cidian. — Shanghai, 1987. (Словарь сочетаемости глаголов. — Шанхай, 1987).
- Liu Yuehua. Quxiang buyu de yufa yi (Grammatical meanings of the complements of direction) // Liu Yuehua. Hanyu yufa lunji (Papers on Chinese grammar). — Beijing, 1989.
- Teng Shou-hsin. A grammar of verb particles in Chinese // Journal of Chinese Linguistics. — 1977, Vol. 5, № 1.
- Tse Kwok-keung. Le suffixe verbal mai en Cantonais // Aspects, modalité: Problèmes de categorisation grammaticale. Université Paris 7. Laboratoire de linguistique formelle. — Paris, 1986.
- Tse Kwok-keung. Vers une analyse linguistique de la semantique du suffixe verbal *dzy* en Cantonais // La notion de predicat. Université Paris 7. Laboratoire de linguistique formelle. — Paris, 1989.
- Rudzka-Ostyn B. Metaphoric processes In word formation. The case of prefixed verbs // The Ubiquity of Metaphor: Metaphor In Language and Thought / Ed. by W. Paprotte & R. Dirven. — Amsterdam/Philadelphia, 1985.

SUMMARY

This paper deals with the semantic analysis of the complements of direction in Mandarin Chinese, which demonstrate a wide variety of uses spanning from lexical to grammatical pole. Taken in their original lexical meanings, these morphemes (*shang* and *xia*) represent two basic spatial concepts, resp. «up» and «down». The paper analyzes the types of uses of these morphemes in the postverbal position and investigates the mechanism of their grammaticalization, which involves both metaphor and metonymy.

ПРИВЫЧНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ ФРАЗЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ГРУППА
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Наряду с уже известными и достаточно хорошо исследованными группами фразеологизмов в китайском языке (*чэньюй* — готовые высказывания, *яньюй* — пословицы, *сехоуэй* — недоговорки-иносказания и др.) в повседневном речевом общении широко функционируют краткие фразы, или предложения, названные китайскими лингвистами *коуэй сиюньюй* (привычные разговорные фразы). Они относительно неизменяемы, являются единым целым, имеют модальную окраску и законченный смысл. Так, например, выражение *wo³shuo¹ne⁰* 'понятно' обозначает внезапное понимание того, о чем говорящий уже слышан ранее; *you⁴lai²le⁰* 'ну вот, опять...' указывает на то, что какое-то суждение или явление, повторяющееся многократно, наскучило; *you³wan²mei²wan²* 'ни конца, ни края' выражает недовольство по отношению к затянувшейся ситуации (поведению субъекта или его высказыванию). Подобные выражения являются общепринятыми в речевой практике, передают различные значения и оттенки смысла и характеризуются определенными семантическими особенностями.

2. Такие выражения на протяжении всего речевого употребления эволюционировали в стандартизированную готовую фразу и стали обладать чертами фразеологизма, не смешавшись, однако, с другими фразеологизмами китайского языка. *Коуэй сиюньюй* не только реально существуют в повседневном языковом общении, но и нашли свое отражение в работах китайских лингвистов и словарях. Так, в словарь «*Xiandai hanyu babaici*» вошли некоторые *сиюньюй* (ходячие фразы), среди которых очень многие обладают особенностями *коуэй сиюньюй*, о которых идет речь, как, например, вышеупомянутое выражение *wo³shuo¹ne⁰*. Среди них такие, как *tan³bu⁰zai⁴hul* 'как ни в чем не бывало, нипочем, ухом не вести, трын-трава, как с гуся вода', *shuo¹de⁰guo⁴qu⁰* 'ничего, сойдет, сносно', *shuo¹bu⁰guo⁴qu⁰* 'ни на что не похоже, никуда не годится', *you³de⁰shi⁴* 'очень много, хоть отбавляй', *bie²guan¹* 'безразлично, кто/что', *fan⁴de⁰shang⁴* 'стоит', *fan⁴bu⁰shang⁴* 'не стоит'.

В словаре «*Xiandai hanyu cidian*» также имеются подобные выражения, например: *bi³ci³bi³ci³* 'и вас также', *da⁴qi⁴bu⁰gan²chu¹* 'затаив дыхание', *shui²zhi¹dao⁴* 'кто знает, вопреки ожиданиям'.

3. Способ употребления.

Анализируя данный тип выражений с точки зрения способа употребления, их можно разделить на два вида — *коуной сиюнъюй*, употребляющиеся самостоятельно, и *коуной сиюнъюй*, не употребляющиеся самостоятельно.

3.1. *Коуной сиюнъюй*, употребляющиеся самостоятельно.

(1) Вводные слова, например: *bu⁴tan²ni³shuo¹* 'не скрою от вас, откровенно говоря', *shi²hua⁴dui⁴ni³shuo¹* 'по правде говоря';

(2) Привычные разговорные фразы, часто используемые самостоятельно, но не выступающие в функции предложения, например: *ke³bu⁴shi⁴ma* 'разве не так, а ведь и правда', *qu⁴ni³de⁰* 'да ну...';

(3) Привычные разговорные фразы, выступающие в функции предложения:

а) простого, например: *bu⁴zhi¹hao³dai³* 'не отличать добра от зла, не понимать своей пользы', *you³liang³xia⁴zi⁰* 'молодец, не лыком шит', *bu⁴zen³me⁰* А 'так себе, ничего особенного';

б) сложного, например: *mei²shi⁴zhao³shi⁴* 'искать неприятностей на свою голову';

(4) Привычные разговорные фразы, являющиеся простым предложением внутри сложного предложения: *bu⁴guan³zen³me⁰shuo¹* 'что ни говори', *shi⁴dao⁴ru²jin¹* 'раз дело приняло такой оборот'.

3.2. *Коуной сиюнъюй*, не употребляющиеся самостоятельно, обычно в составе предложения.

(1) Характеризующиеся свободным месторасположением, например: *jiu⁴na²me⁰yi¹shuo¹* 'так уж и быть', *bu ba³* А *fang⁴zai⁴yan³li⁰* 'не ставить кого-л. ни во что';

(2) Характеризующиеся несвободным месторасположением:

а) в начале предложения, например: *bie²shi⁴* 'вдруг, пожалуй', *bu⁴shi⁴shuo¹* 'ведь';

б) в конце предложения, например: *bu⁴jiu⁴xing²le⁰* 'не выйдет, не годится', *cai²guai⁴ne⁰* 'удивительно'.

(3) Используемые в простом предложении внутри сложного для выражения определенных связей между значениями, например: *bie²guan³* 'безразлично', *beng²shuo¹* 'незначем', *bu⁴de²bu⁴* 'волей-неволей', *jiu⁴suan⁴* 'допустим, пусть'.

4. Устойчивость и изменчивость.

Одна и та же привычная разговорная фраза может изменяться, например: *ke³bu⁴shi⁴ma⁰* 'разве не так' и *ke³bu⁴shi⁴* или *ke³bu⁴*, *mei²you³shuo¹de⁰* 'слов нет, безусловно' и *mei²shuo¹de⁰* или *mei²de⁰shuo¹*,

shi⁴zen³me⁰hui²shi⁴ 'в чем дело, что случилось' и *ye³bu⁴shi⁴zen³me⁰hui²shi⁴, wo³shuo¹ne⁰* 'понятно' и *wo³shuo¹ma⁰*.

Как видно из вышеизложенного, у некоторых привычных разговорных фраз одна или две составные части могут изменять форму. В некоторых случаях привычные разговорные фразы из-за своих семантических особенностей и частого употребления в речи могут становиться еще более устойчивыми. Так, фразы типа *A lai² A qu⁴* (например, *nong⁴lai²nong⁴qu⁴* 'делать-подделывать, заниматься') обычно выражают перемены в положении дел; фразы типа *mei² A mei² B* (например, *mei²wan²mei²liao³* 'конца на видать' часто заключают в себе отрицательное значение; фразы типа *kan⁴ A B de²* (например, *kan⁴ni³shuo¹de⁰* 'как тебе/вам кажется') часто выражают некоторую степень несогласия с определенным мнением.

В некоторых привычных разговорных фразах возможность замены составных частей ограничена. Так, в выражении *bu⁴man²ni³shuo¹* 'откровенно говоря' заменяться может только местоимение 2-го лица, например, на *ni³men⁰* или *ge⁴wei⁴*. В выражении *bu⁴zen³me⁰ A* 'никак, никак не...' заменяться могут имена прилагательные и глаголы, стоящие на месте *A*.

5. Производные выражения.

Очень часто по моделям рассматриваемых нами фраз могут создаваться новые. Так, выражение *wo³shuo¹ne⁰* 'понятно' может быть распространено до *wo³shuo¹... ne⁰*, а выражение *shao³de²/bu⁴liao³* 'быть заменимым/незаменимым' — до *shao³ + глагол + de²/bu⁴ + liao³*.

Некоторые привычные разговорные фразы могут порождать новые в привычной готовой форме. Так, из фразы *you³shen²me⁰* образовались выражения *you³shen²me⁰liao³bu⁴qi³* 'велика важность', *you³shen²me⁰ A tour², you³shen²me⁰hao³ A de⁰*.

6. Таким образом, в повседневном непосредственном общении китайцев широко и многообразно используются вышеперечисленные речевые формулы бытового обихода — языковые единицы, которые постоянно воспроизводятся в речи в готовом виде и обладают функционально-стилистическим значением.

SUMMARY

The author deals with a specific group of idioms of the Chinese language. Along with widely known and well-researched groups of idioms (*chengyu*, *yanyu*, *xiehouyu* etc.) these short phrases or expressions, called *kouyu xiyongyu* by the Chinese linguists, are widely used in the colloquial speech. They are relatively invariable, express some meaning, being used in different situations and are characterized by certain semantic peculiarities. These language units are constantly reproduced in speech in finished form and have their own functional-stylistic meaning.

О НЕКОТОРЫХ ВЬЕТНАМСКИХ НАЗВАНИЯХ
КИТАЙСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Китайская культура оказала сильное воздействие на развитие культуры стран Юго-Восточной Азии. Это сказалось, прежде всего, в широком распространении в регионе китайских музыкальных инструментов, что не могло не отразиться в лексике региона. Так, во Вьетнаме, со II в. до н. э. по X в. н. э. находившемся под непосредственным влиянием китайских культурных традиций, наряду с большим количеством самобытных музыкальных инструментов были широко распространены китайские инструменты. Эти музыкальные инструменты имеют вьетнамские названия. По прошествии лет они стали неотъемлемой частью вьетнамской культуры: они входят в состав национальных вьетнамских оркестров, сопровождают различные церемонии, звучат в театрах, на свадьбах и т. д.

При сопоставлении некоторых китайских и вьетнамских названий одних и тех же музыкальных инструментов можно наблюдать:

— совпадение рифм: кит. *zheng* — вьет. *đàn tranh* (струнный щипковый инструмент, род цитры); кит. *zhong* — вьет. *chuông* 'колокол';

— совпадение рифм и количества слогов: кит. *xiao* — вьет. *sáo* (род флейты); кит. *pipa* — вьет. *tí bà* (род лютни; ср. корейск. *pumha*); кит. *sheng* — вьет. *khèn* (язычковый духовой инструмент, род губного органа).

В ряде случаев китайские инструменты во Вьетнаме имеют вьетнамские названия, при этом некоторые компоненты китайских терминов переведены на вьетнамский: кит. *sihu* — вьет. *tứ hồ (đàn tứ)* (*si* — *tứ* 'четыре') (струнный смычковый инструмент с четырьмя струнами); кит. *erhu* — вьет. *nhị hồ (đàn nhị)* (*er* — *nhị* 'два') (струнный смычковый инструмент с двумя струнами); кит. *tunggu* — вьет. *trống đồng (tun — đồng* 'бронза, бронзовый' + *gu* — *trống* 'барабан') 'бронзовый барабан'; кит. *miu* — вьет. *mũ cá (mũ — gỗ* 'дерево' + *yu* — *cá* 'рыба') 'колотушка' (деревянный ударный инструмент).

Для изготовления восточных музыкальных инструментов издревле использовали различные материалы: бронзу (барабаны, гонги), бамбук (флейты, губные органы, ксилофоны), кокосовые орехи (корпус струнных инструментов), камень (ударные инструменты) и др. — все это также находит отражение в терминах: кит. *tunggu* — вьет. *trống*

đồng (барабан из бронзы); кит. *тиуи* — вьет. *mũ cá* (колотушка из дерева); кит. *ehu* (струнный смычковый инструмент с корпусом из кокоса — *e* 'кокосовая пальма'); вьет. *chuông vàng* 'золотой колокол'; кит. *shiqing* (пластиночный ударный инструмент из камня — *shi* 'камень').

Иногда название отражает особенности формы инструмента: кит. *yuqin* — вьет. *đàn nguyệt* (*vue* — *nguyệt* 'луна' + *qin* — *đàn* 'струнный инструмент') 'лунообразная лютня', т. е. с круглым корпусом.

Сведения о вьетнамских инструментах получены путем опроса вьетнамских информантов.

ЛИТЕРАТУРА

Большой русско-китайский словарь (Э хань да цыдянь). — Пекин, 1961.

Глебова И. И., Соколов А. А. Вьетнамско-русский словарь. — М., 1992.

Музыкальные инструменты Китая. — М., 1958.

Музыкальный энциклопедический словарь. — М., 1990.

ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНОТИПОВ
В ОВЛАДЕНИИ ЯЗЫКАМИ: КИТАЙ — РОССИЯ

Учебная деятельность этнотипов в овладении языками предопределена спецификой цивилизационного опыта той или иной этнической группы. Для верификации этого положения в рамках констатирующего эксперимента (Иркутск и Москва) было проведено тестирование (тест Р. Оксфорд), в котором приняло участие 119 китайских и 116 русских студентов.

Для качественного и количественного анализа использовалась шкала отношений, позволившая установить приоритетность учебных стратегий исследуемых этногрупп.

**Абсолютно предпочитаемые китайским и русским этнотипами
учебные стратегии (0,71–1,0):**

1. Когнитивные стратегии:
 - а) формальная тренировка — итеративность действий.
2. Компенсационные стратегии:
 - а) преодоление нехватки речевых средств — ориентация на резервные возможности: ситуацию, контекст, а также синонимию и пояснения (вербальный аспект).
3. Метакогнитивные стратегии:
 - а) организация и планирование учебной деятельности — концентрация внимания

**Абсолютно отвергаемые китайским и русским этнотипами
учебные стратегии (0—0,19):**

1. Стратегия с опорой на память:
 - а) комбинирование звуков и образов — отказ от «рифмы», отвержение звуко-образного ассоциирования;
 - б) создание смысловых связей — отказ от использования семантических гнезд
 - в) использование действий — отвержение жестов в познавательной деятельности
2. Аффективные стратегии:
 - а) измерение эмоционального состояния — отказ от демонстрации чувств.

Одностороннее предпочтение китайским и русским этнотипами учебных стратегий (0,71–1,0):

1. Метакогнитивные стратегии:

- а) организация и планирование — организованность (самостоятельность) (русские);
- б) целенаправленность учебной деятельности — Самостоятельность, тщательность, ориентация на системность (китайцы)

2. Аффективные стратегии:

- а) снятие напряжения — Самоконтроль (расслабление) и самоуправление (китайцы).

Одностороннее отвержение китайским и русским этнотипами учебных стратегий (0–0,19):

1. Стратегия с опорой на память:

- а) комбинирование звуков и образов — отказ от звуко-образного ассоциирования (русские);
- б) структурированное повторение — отказ от последовательностей итеративности (русские)

2. Аффективные стратегии:

- а) комбинирование звуков и образов — отказ от дополнительной практики в письменной системе (китайцы)

3. Компенсационные стратегии:

- а) преодоление нехватки речевых средств — отвержение конструирования (русские);
- б) языковая догадка — отказ от языковой догадки, ориентация на зрительный образ (китайцы).

Анализ выявленных учебных стратегий с учетом фоновых позволил обнаружить общие и частные (специфические) признаки учебной деятельности двух культур. Общие признаки учебной деятельности китайского и русского этнотипов:

- в когнитивном багаже изучающихся культур присутствует итеративность, но у русских ее показатель меньше, чем у китайцев;
- как у китайцев, так и (чуть меньше) у русских обнаруживается большой компенсационный потенциал: ситуативность, контекстуальность, в языке это проявляется через пояснительный контекст и

развитую синонимию. Наличие данного признака — свидетельство развитой интуиции в культурах;

- организованы, развит самоконтроль, но у китайцев показатель выше, очевидно, за счет мощного волевого фактора;
- эмоциональны, но чувства отказываются демонстрировать; у китайцев степень проявления данного признака выше;
- в обозначенных культурах не используются такие стратегии памяти, как жесты, рифма и семантические гнезда;
- звуко-образное ассоциирование отвергается, но больше всего русскими, чем китайцами.

Специфические признаки учебной деятельности русских студентов

- демонстрируется высокий показатель использования когнитивных стратегий. В основе русской когниции лежит европейский логос;
- социально ориентированы больше, чем китайцы;
- развита языковая догадка;
- присутствует абстрактная визуализация;
- наблюдается рост эмоционального и компенсационного потенциалов.

Специфические признаки учебной деятельности китайских студентов

- избегают использовать логические операции;
- зрительная модальность, конкретная визуализация;
- нет языковой догадки (предпочитают опору на родной язык);
- невнимание к фонетическому аспекту.

Результаты проведенного исследования позволили сформулировать следующие рекомендации в обучении китайского и русского этнотипов, обучающихся иностранному языку:

1. Одной из причин итеративности является ориентация технологии обучения языкам на объем. Необходимость удержания большого объема информации в памяти требует тщательной ее тренировки.

2. Избегание китайским этнотипом учащихся логических операций оправдывает разработку специальной системы переориентационных упражнений, расширяющих их когнитивный потенциал. Целесообразно знакомить китайских студентов с европейской системой логики (анализом, синтезом, обобщением, доказательством и т. д.).

3. Ситуативно-контекстуальная ориентация и эмоциональный аспект важны в обучении как китайских, так и русских студентов. При чем речь идет не только о лексике, но и грамматике.

4. Зрительная модальность учебной деятельности китайцев диктует необходимость использования большого количества визуальных опор — схем, таблиц, пиктограмм, текстов, а также обучение по образцам. В этом случае использование принципа устного опережения исключается. Это условие не распространяется на русских студентов.

5. Холистическое мышление китайцев ориентирует их на объемное восприятие учебного материала (по форме, содержанию и функции одновременно). Этого не следует допускать в обучении русских студентов.

6. Важно разработать систему упражнений, которая способствовала бы развитию у китайских учащихся языковой догадки.

7. Своеобразие китайской вербальной системы допускает использование перевода в обучении китайцев русскому языку.

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА КИТАЙСКОГО ЭТНОТИПА И ЕЕ РОЛЬ
В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Изучение форм презентации и усвоения знаний в современной китайской лингвокультурной общности проводилось с помощью тестов-опросников, ориентированных как на студентов, так и на преподавателей. Всего в исследовании приняло участие 238 человек (студенты и преподаватели вузов Москвы и Иркутска). Из них — 112 китайцев и 116 русских (в связи с этим см. [Бобрышева 1996; Бобрышева, Сорокин 1996]).

- В ходе констатирующего эксперимента решались следующие задачи:
- определить формы презентации знаний в современной методике преподавания иностранных языков в Китае;
 - установить формы накопления и преобразования знаний в китайской лингвокультурной общности;
 - выявить специфику организации учебно-педагогического взаимодействия;
 - сформулировать методические рекомендации относительно учета национальной специфики в процессе преподавания русского языка китайским студентам.

Анализ экспериментальных данных показал, что занятия в Китае обычно проводятся по следующей схеме: проверка домашнего задания, объяснение нового материала и его «отработка».

Приоритетными оказались такие приемы:

- опора на письмо и чтение, а также на перевод и истолкование;
- сопоставление фактов изучаемого языка с аналогами родного (реже английского). Основной способ ознакомления с грамматическим материалом — дедуктивный (ориентация на аксиомы);
- тщательная «отработка» языкового материала в подстановочных упражнениях и в упражнениях по аналогии (образцу);
- преимущественно речевые (вопросно-ответные) упражнения и диалоги; относительное невнимание к творческим заданиям.

Хотя китайская методическая технология ориентирует учащихся преимущественно на усвоение системы иностранного языка (грамматическая направленность), она не обходит вниманием и лексический материал, подчеркивая важность заучивания.

Китайские учебники опираются на следующие принципы:

- принцип обучения по моделям: обучающийся овладевает речевыми навыками и умениями с помощью стандартного набора образцов;
- детерминированности: учащийся неукоснительно следует предложенным моделям;
- принцип квазианализируемости: сознательное усвоение языка с помощью схем, таблиц и тренировочных упражнений;
- принцип квазинтегрированности: предпочтение отдается чтению, затем письму и аудированию. Говорение малозначимо;
- принцип квазикоммуникативности: ориентация на грамматику; приоритетными считаются действия по образцу, на подстановку, а также перевод и вопросно-ответные задания;
- принцип системности: четкая организация учебного материала, представление нового материала на основе старого, «объемность» языковых фактов (максимум функций).

Стиль познавательной деятельности китайских учащихся (формы усвоения знаний) определялся с помощью теста Р. Оксфорда, позволяющего выявить учебные стратегии (т. е. способы оперирования учебным материалом). Полученные данные сопоставлялись с показателями русской этнической группы, что позволило установить следующее:

- у китайских студентов оказался выше показатель эффективности запоминания, но они уступают русским по показателю использования когнитивных операций;
- китайские студенты опережают русских в использовании компенсационных средств;
- русские учащиеся менее эмоциональны, но не умеют управлять своими чувствами; они больше, чем китайские студенты, ориентированы на овладение языком не только с помощью преподавателя, но и носителя языка;
- общие средние показатели этногрупп достаточно близки.

Данное сопоставление помогло выявить некоторые специфические установки китайских и русских студентов. Если русские учащиеся удерживают в памяти только графический образ слова (знака), то китайские — и графический, и конкретный (представляют предмет, иногда рисуют). Это подтверждается сопоставлением мо-

дальностей памяти (зрительной, слуховой, моторной), указывающим на преимущественное использование китайскими студентами зрительной и моторной памяти.

Другой специфической чертой китайских студентов является невысокий когнитивный потенциал: используется итеративность и отклоняются сложные логические операции (анализ, синтез, абстрагирование, умозаключение и т. д.). Этот недостаток возмещается компенсационным потенциалом (интуицией, контекстом и ситуативным чутьем).

Третьей особенностью китайского этнотипа можно назвать специфическую организацию эмоциональной сферы: с одной стороны, они эмоциональны (импульсивны), с другой — интровертны и сдержанны в общении.

В дальнейшем в нашем исследовании определялся коэффициент положительного отношения этногруппы к каждой учебной стратегии: исходя из шкал отношений устанавливались абсолютно положительные и абсолютно отрицательные величины. Они и позволили выявить приоритетные и неприоритетные учебные стратегии китайской этногруппы.

Предпочитаемые учебные стратегии китайских студентов:

1. Когнитивные стратегии:
 - а) тренировка — итеративность действий, ориентация на зрительный образ;
2. Компенсационные стратегии:
 - а) преодоление нехватки речевых средств — ориентация на свои резервные возможности;
 - б) догадка — ситуативная и контекстуальная зависимость наряду с инсайтом;
3. Метакогнитивные стратегии:
 - а) целенаправленность учебной деятельности — самостоятельность, тщательность, внутренняя мобилизация, направленное внимание;
 - б) планирование процесса — организованность, самостоятельность;
4. Аффективные стратегии:
 - а) снятие напряжения — самоконтроль.

Таким образом, базовыми элементами китайской учебной стратегии являются компенсационный потенциал (ситуация, контекст, интуиция, волевой фактор) и самостоятельность.

Отвергаемые китайскими студентами учебные стратегии:

1. Стратегия с опорой на память:
 - а) создание смысловых связей — отказ от группировки, от анализа и синтеза;
 - б) комбинирование «звуков» — отказ от «рифмы»;
2. Когнитивные стратегии:
 - а) тренировка — отказ от «звукового дрилла»;
3. Компенсационные стратегии:
 - а) преодоление нехватки речевых средств — отказ от жестов (сдержанность);
 - б) догадка — отказ от нее, ориентация на словарь;
4. Аффективные стратегии:
 - а) измерение эмоционального состояния — сдержанность в демонстрации чувств.

Иными словами, своеобразие представителей китайского этнотипа сводится к следующему:

- китайские учащиеся менее креативны в учебной деятельности, предпочитают использовать репродуктивные тактики усвоения знаний;
- знания накапливают за счет итеративности;
- уклоняются от логических операций, а если их и используют, то на интуитивном уровне;
- предпочитают дедуктивный способ усвоения материала;
- располагают большим компенсационным потенциалом;
- самостоятельны, активны, тщательны, целеустремленны (волевой фактор);
- умеют управлять чувствами; у них развит самоанализ и самоконтроль;
- сдержанны (интроверты).

Исследование учебно-педагогического взаимодействия в китайской лингвокультурной общности показало, что китайского преподавателя характеризуют четыре приоритетных признака: трудолюбие, доброта,

дисциплинированность, требовательность; отмечается также важность поощрения и деликатно высказанной критики (фактор «сохранения лица»). Создание и поддержание положительного эмоционального тона расценивается как одна из главных заслуг преподавателя.

Китайские студенты предпочитают групповое обучение индивидуальному, общий результат — личному. Они очень активны и скрупулезны. В свою очередь преподаватели указывают на четыре признака, характеризующие китайскую группу: верна учителю, самостоятельна, дисциплинирована, честна.

Анализ результатов позволил сформулировать перечень рекомендаций, учитывающих специфику вербального и невербального поведения китайских студентов при обучении их русскому языку:

- китайский этнотип ориентирован на получение прежде всего информации о языке как системе, а затем на его практическое применение. Поэтому целесообразно обучать китайских студентов по принципу опережающей презентации грамматики (грамматическое опережение);
- традиция одновременного представления иероглифа (графического знака), обозначаемого им понятия и его звучания позволяет говорить о необходимости комплексной характеристики языковых единиц (принцип комплексности);
- холистическое мышление — ключ к китайской ориентации на системность: для китайского этнотипа важно, чтобы учебный материал был внутренне связан, а его части естественно переходили друг в друга. Существенно также систематическое реанимирование старого материала и использование нового на его основе;
- холистическое мышление ориентируется также на восприятие учебного материала по принципу комплексной функциональности (максимум функций);
- ориентация китайцев на зрительную модальность диктует необходимость использования большого количества зрительных опор — схем, таблиц, пиктограмм и т. д. (принцип зрительной доминанты);
- ситуативно-контекстуальная зависимость предполагает скоординированность языковых фактов с контекстом и ситуацией. И при обучении не только лексике, но и грамматике (принцип ситуативности);
- ориентация на авторитеты и действия по аналогии в свою очередь предопределяют дедуктивный способ подачи материала и обуче-

- ние по моделям и образцам, ср. также ориентацию на устойчивые словосочетания, клише и штампы (принцип аналогии);
- поскольку китайская этногруппа предпочитает не логические, а компенсационные стратегии, необходима специальная система переориентационных упражнений, расширяющих когнитивный потенциал китайских учащихся. Целесообразно знакомить их с логическими «приемами»: анализом, синтезом, обобщением и т. д.;
 - переориентацию китайских учащихся на новые учебные стратегии следует осуществлять постепенно, увеличивая количество упражнений, ориентирующих на развитие языковой догадки и речепроизводства (принцип последовательного замещения стратегий);
 - конфуцианский принцип самообразования актуален и сегодня: в Китае поощряется самостоятельная работа даже в рамках учебных часов. Этот опыт можно использовать и в условиях русской языковой среды (принцип самостоятельности);
 - не рекомендуются действия, которые ведут к «потере лица», например публичное порицание (принцип «сохранения лица»);
 - китайский этикет обязывает учащихся контролировать эмоции и скрывать факты личной жизни. Поэтому следует использовать в учебном процессе только те ситуации, которые не нарушают эти нормы (принцип эмоциональной сдержанности);
 - китайские учащиеся ориентированы на трудолюбивого, дисциплинированного, доброжелательного, но в то же время требовательно преподавателя (принцип статуса);
 - необходимо учитывать паралингвистическую специфику китайского поведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобрышева И. Е. Учет национальных лингвометодических традиций в обучении русскому языку как иностранному китайских учащихся в условиях русской языковой среды (начальный этап). Дис. ... канд. пед. наук. — М., 1996
- Бобрышева И. Е., Сорокин Ю. А. Китайские национальные лингвометодические традиции: когнитивный стиль познавательной деятельности // Китайское языкознание. VIII Международная конференция. — М., 1996.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Учебные стратегии и их коэффициенты*

1) 0,42	11) 0,33	21) 0,32	31) 0,63	41) 0,77	51) 0,57	61) 0,65	71) 0,32
2) 0,28	12) 0,1	22) 0,63	32) 0,5	42) 0,16	52) 0,53	62) 0,58	72) 0,69
3) 0,2	13) 0,47	23) 0,29	33) 0,13	43) 0,62	53) 0,4	63) 0,52	73) 0,54
4) 0,47	14) 0,37	24) 0,56	34) 0,27	44) 0,38	54) 0,39	64) 0,58	74) 0,55
5) 0,13	15) 0,63	25) 0,39	35) 0,42	45) 0,54	55) 0,64	65) 0,82	75) 0,22
6) 0,46	16) 0,71	26) 0,33	36) 0,33	46) 0,79	56) 0,5	66) 0,59	76) 0,31
7) 0,34	17) 0,37	27) 0,17	37) 0,63	47) 0,63	57) 0,29	67) 0,68	77) 0,42
8) 0,34	18) 0,5	28) 0,16	38) 0,65	48) 0,54	58) 0,58	68) 0,66	78) 0,47
9) 0,1	19) 0,42	29) 0,35	39) 0,58	49) 0,79	59) 0,55	69) 0,28	79) 0,41
10) 0,24	20) 0,14	30) 0,32	40) 0,41	50) 0,8	60) 0,77	70) 0,12	80) 0,66

Перечень учебных стратегий

А. Абсолютно предпочитаемых китайцами:

16. Чтобы запомнить новые выражения, я несколько раз пишу или устно повторяю их (0,71):
— когнитивная стратегия: тренировка.
41. Когда я не понимаю слов, которые слышу или читаю, я стараюсь схватить основной смысл, использую любую доступную мне подсказку: контекстуальную, ситуативную и т. д. (0,77):
— компенсационная стратегия: догадка (ситуативная и контекстуальная зависимость наряду с инсайтом).
46. Когда я не могу найти правильное выражение, я стараюсь передать смысл, используя синонимы, описательные обороты и т. д. (0,79):
— компенсационная стратегия: преодоление нехватки речевых средств.
49. Просматриваю каждый урок в учебнике, чтобы получить общее представление о материале, о том, как он организован, как он соотносится с тем, что я уже знаю (0,79):
— метакогнитивная стратегия: целенаправленность учебной деятельности (самостоятельность).
50. Стараюсь сконцентрироваться на том, о чем идет речь и отогнать мешающие понимание мысли (0,8):
— метакогнитивная стратегия: целенаправленность учебной деятельности (саморегуляция).
60. Считаю, что подыскивание возможностей для практики является моей обязанностью (0,77):
— метакогнитивная стратегия: планирование процесса учения (самостоятельность).
65. Стараюсь расслабиться, когда чувствую, что я волнуюсь, перед тем как заговорить на изучаемом языке (0,82):
— аффективная стратегия: снятие напряжения (саморегуляция).

* Коэффициенты от 0 до 0,19 указывают на абсолютно отрицательное отношение к учебной стратегии, коэффициенты от 0,71 до 1,0 — на абсолютно положительное. Всего стратегий — 80.

Б. Абсолютно отвергаемых китайцами:

5. Когда я учу новое слово (слова), то использую рифмы (0,13):
— стратегия опоры на память: комбинирование звуков (и образов) (реально: отказ от «рифм»).
9. Когда я учу новое слово (слова), то составляю список слов, которые связаны с новым словом, и провожу линии, показывающие их зависимость (0,1):
— стратегия опоры на память: группировка (реально: отказ от анализа, синтеза).
12. Когда я учу новое слово (слова), то проигрываю его (их) движением, жестом (0,1):
— компенсационная стратегия: преодоление нехватки речевых средств (реально: отказ от жестов/сдержанность).
20. Практикуюсь в произношении звуков изучаемого языка и повторяю алфавит (0,14):
— когнитивная стратегия: коррекция звуковой системы (реально: отказ от коррекции).
21. Читаю для удовольствия художественную литературу на изучаемом языке (0,17):
— когнитивная стратегия: рецепция и трансляция сообщений (реально: отказ от дополнительной письменной практики).
28. Пишу записки, письма, веду дневник на изучаемом языке (0,16):
— когнитивная стратегия: рецепция и трансляция сообщений (реально: отказ от дополнительной письменной практики).
33. Составляю краткий обзор пройденного языкового материала (0,13):
— стратегия опоры на память: компрессия (структурирование) (реально: отказ от синтеза, анализа, абстрагирования и т.д.).
42. Продолжаю читать, не глядя в словарь, если встречаю незнакомое слово (0,16):
— компенсационная стратегия: языковая догадка (реально: отказ от нее, ориентация на словарь).
70. Веду дневник, журнал, где записываю ощущения, связанные с изучением языка (0,12):
— аффективная стратегия: измерение эмоционального состояния (реально: отказ от демонстрации чувств, интровертность).

Ответный лист*

Пол: мужской

Страна: Китай

Возраст: 19 лет

Когда и что закончил: школа, 1992 г.

Национальность: китаец

1) 3	11) 3	21) 5	31) 5	41) 4	51) 5	61) 3	71) 2
2) 3	12) 3	22) 5	32) 4	42) 1	52) 2	62) 4	72) 4
3) 2	13) 2	23) 4	33) 1	43) 4	53) 1	63) 4	73) 4
4) 4	14) 2	24) 4	34) 4	43) 4	54) 2	64) 4	74) 2
5) 1	15) 4	25) 4	35) 5	45) 4	55) 4	65) 5	75) 1
6) 4	16) 4	26) 4	36) 5	46) 5	56) 1	66) 4	76) 1
7) 2	17) 5	27) 1	37) 5	47) 5	57) 1	67) 5	77) 4
8) 1	18) 2	28) 1	38) 4	48) 5	58) 5	68) 4	78) 5
9) 2	19) 2	29) 2	39) 5	49) 5	59) 2	69) 4	79) 2
10) 4	20) 2	30) 5	40) 5	50) 4	60) 5	70) 1	80) 1

* Цифровые показатели: 1 — никогда так не делаю, 2 — редко, 3 — в равной мере (нейтральный показатель), 4 — часто, 5 — всегда.

Ответный лист

Пол: мужской

Возраст: 30 лет

Национальность: китаец

Страна: Китай

Когда и что закончил: институт, 1986 г.

1) 4	11) 5	21) 4	31) 4	41) 4	51) 5	61) 5	71) 5
2) 3	12) 1	22) 4	32) 2	42) 1	52) 4	62) 4	72) 5
3) 2	13) 5	23) 1	33) 1	43) 4	53) 5	63) 2	73) 4
4) 4	14) 4	24) 3	34) 2	44) 4	54) 5	64) 4	74) 4
5) 1	15) 4	25) 1	35) 2	45) 4	55) 4	65) 5	75) 2
6) 5	16) 5	26) 2	36) 1	46) 3	56) 4	66) 5	74) 1
7) 4	17) 5	27) 1	37) 5	47) 5	57) 4	67) 4	77) 4
8) 4	18) 5	28) 1	38) 5	48) 5	58) 5	68) 5	78) 4
9) 1	19) 2	29) 2	39) 5	49) 5	59) 5	69) 4	79) 2
10) 3	20) 3	30) 4	40) 2	50) 5	60) 5	70) 1	80) 4

Ответный лист

Пол: женский

Возраст: 30 лет

Национальность: китаянка

Страна: Китай

Когда и что закончил: университет, 1986 г.

1) 3	11) 4	21) 2	31) 4	41) 5	51) 3	61) 4	71) 3
2) 3	12) 1	22) 3	32) 5	42) 1	52) 5	62) 5	72) 4
3) 1	13) 5	23) 4	33) 1	43) 5	53) 5	63) 5	73) 5
4) 3	14) 5	24) 3	34) 4	43) 1	54) 5	64) 5	74) 5
5) 1	15) 3	25) 2	35) 2	45) 3	55) 5	65) 5	75) 1
6) 2	16) 5	26) 3	36) 3	46) 5	56) 5	66) 5	76) 3
7) 5	17) 3	27) 1	37) 5	47) 3	57) 4	67) 4	77) 5
8) 3	18) 5	28) 1	38) 3	48) 3	58) 3	68) 3	78) 4
9) 1	19) 3	29) 2	39) 3	49) 5	59) 5	69) 4	79) 2
10) 3	20) 1	30) 3	40) 4	50) 5	60) 5	70) 1	80) 5

ЭТНОСЕМАНТИКА И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

Человек живет одновременно в трех мирах — мире реальности, мире своего сознания и мире языка. Последний выступает как мир-посредник, реализуя, в известной мере, принцип дополнительности по отношению к реальному миру и активно участвуя в формировании мира сознания.

Говоря о мире языка, мы не можем не признавать его неразрывную связь с индивидуальностью как частью общества, называемой этносом. Реализуясь в речевых поступках конкретного индивида, языковой мир формируется прежде всего как феномен этнический.

Являясь основным носителем и в значительной мере формирующим началом этнокультуры, язык выполняет функцию того, что Гумбольдт назвал «мировидением». Задачами последнего является, с одной стороны, «уточнение» картины мира, с другой — обозначение компонентов этой картины.

Картезианское стремление к универсализму в значительной степени нарушает гносеологические отношения между универсальным и уникальным. При этом следует иметь в виду, что если этнокультуру отдельного этноса рассматривать как уникальное, то это уникальное есть в свою очередь единство бесконечных индивидуальных различий.

Идея Витгенштейна о глоссированности мира может быть подтверждена, модифицирована или опровергнута главным образом через изучение этнокультуры, или, точнее, этносемантики как части языкового мира представителей того или иного этноса.

Разное мировидение охватывает как мир реальности, так и мир «нереальности», оборотничества. Различия в номинации мира реальности прекрасно видны из анализа, сделанного А. Л. Семеновым на материале группы глаголов с общей семой «восприятие мира с помощью органов зрения». Из 57 китайских глаголов, подвергшихся анализу, более половины переводятся на русский язык через описание, что свидетельствует об их уникальных этносемантических характеристиках.

Этносемантическая самобытность и многообразие этноса ярко подтверждается сочетанием мира языка с миром сознания в мифически-оборотническом плане. Это часть мира, когда, по словам А. Ф. Лосева, «эмпирическая жизнь личности совпадает с одной из сторон идеального состояния личности, а именно в связи с ее вездеприсутствием и бесконечным разнообразием».

Эмпирическая самобытность проявляется в этимологии гиперсемантических единиц этого поля. В приложение к китайскому языку это проявляется в грамматолого-семантической этимологии. Так, знак 鬼 трактуется как «человек в маске и с украшением в виде хвоста» либо как «полух-получеловек». Знак 神 можно трактовать как «молния как выражение воли Неба». В русском языке *черт* возводится к индоевропейскому корню (s)ker- 'резать, обрезать', 'отсекать', а *святой* — к индоевропейскому корню k'uēn- 'праздновать'.

Что касается разнообразия, то словарь 中国神话传说词典 дает 2375 лексических единиц, которые разбиты на шесть семантических семей (人, 物, 天地, 书, 事, 其他), каждая из которых делится на ряд групп. М. Власова в «Новой абеверге русских суеверий» выделяет следующие группы: «хозяева» подземных недр; детские страшилища; предвестники судьбы; смерть; существа, персонифицирующие болезни, опасное время, случайности; нечистая сила неясного облика.

Этносемантическое своеобразие проявляется не только в лексическом и грамматологическом, но и в текстовом аспектах языка. Этномораль и этномировидение имеют знаково-текстовую основу. Для анализа нами взяты начала двух текстов, которые сыграли значительную роль в этногенезе. Для европейцев это Библия, для китайцев — 道德经 (老子). Первый текст взят из «Holy Bible New International Version» с анализом по словарю «Vine's Complete Expository Dictionary of Old and New Testament Words». Текст из «道德经» взят из книги «老子他说» 南怀瑾著.

Текст из Библии: *In the beginning God created the heavens and the earth. Now the earth was formless and empty, darkness was over the surface of the deep, and the spirit of God was hovering over the water.*

Характеристики текста: перцептуальность (описание событий), персональность (наличие субъекта действия), обладает категориями времени и пространства.

Текст: 道德经. 道可道, 非常道. 名可名, 非常名. 无, 名天地之始. 有, 名万物之母. 故常无, 欲以观其妙. 常有, 欲以观其微. 此两者, 同出而异名. 同谓之玄. 玄之又玄, 众妙之门.

Характеристика текста: концептуальность (построение модели), не-персональность (отсутствие действующего субъекта), носит вневременной и внепространственный характер.

SUMMARY

The way people perceive surrounding world and reflect it through language system is unique for every ethnos. Linguistic analysis yields in a certain ethno-cultural component on every language level including semantics.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ КАК РАЗДЕЛ СТИЛИСТИКИ

В настоящее время широко обсуждаются вопросы связи грамматики и стилистики на материале разных языков, таким образом, изучение грамматических синонимов приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Изучить синонимичные отношения между разнообразными синтаксическими конструкциями, определить условия взаимозамены, оттенки в выражении значений и стилистической окраске — основные задачи грамматической стилистики.

О тесной связи и взаимообусловленности грамматики и стилистики говорится в работах китайских лингвистов У Шивэня, Фэн Пина [У Шивэнь, Фэн Пин 1985]. В ходе творческой дискуссии по проблемам грамматики и стилистики ряд китайских лингвистов считает необходимым признать синонимичные средства языка основным объектом стилистики [Хуан Юэчжоу 1985].

Каждый стиль характеризуется своими выразительными возможностями и средствами разных уровней языковой системы. Для научно-технического и общественно-публицистического стилей характерны отвлеченность, обобщенность и официальность. Особенностью данных стилей является употребление глагольно-именных словосочетаний типа *цзяи фэньси* 'подвергать анализу', *цзинсин яньцзю* 'проводить исследования', синонимичных по значению словам *фэньси* 'анализировать, анализ', *яньцзю* 'исследовать, исследования'.

В произведениях публицистического стиля также наблюдается употребление словосочетаний типа *бяоши ганьсе* 'выразить благодарность', *цзяи шомин* 'дать пояснение, пояснить', соотносимых по значению соответственно со словами *ганьсе* 'благодарить', *шомин* 'пояснять, пояснение'. Слова обычно указывают лишь на само действие (предмет), а словосочетания дают добавочную характеристику, внося оттенок официальности, делая предложение более ритмически организованным.

Подобные словосочетания могут образовываться и с другими глаголами: *гэйи банчэжу* 'оказать помощь'; *юйи чэжиши* 'оказывать поддержку'; *цзяи (юйи) пипин* 'подвергнуть критике'; *цзо доучжэнь* 'вести борьбу'; *шоудао (цзешоу), цзаошоу (иньсян)* 'попасть под влияние' [Ли Линьдин 1988].

Рассмотрим особенности употребления подобных структур на примерах *цзинсин цзюй* и *цзяи цзюй* [Ли Линьдин 1988]. Предложения *цзинсин цзюй* имеют ряд особенностей:

1) глаголы могут быть переходные и непереходные, но определенной семантики (*чжидао* 'проводить, направлять', *бяоцзюэ* 'голосовать', *похуай* 'разрушать', *гайгэ* 'преобразовывать', *таньпань* 'договариваться', *яньцзю* 'исследовать', *сюньлянь* 'тренировать' и др.);

2) видо-временные показатели *ла*, *го*, *чжэ* употребляются после *цзинсин*;

3) дополнением к *цзинсин* становится опредмеченный глагол с различными определениями (*цзинсин идяр яньцзю*; *цзинсин жэньчжэнь ды яньцзю* и др.)

В предложениях *цзяи цзюй* употребляются только двусложные переходные глаголы, при функционировании конструкции существуют большие ограничения, чем у предложений *цзинсин цзюй*:

1) после *цзяи* не употребляются счетные слова и числительные, указывающие время;

2) не употребляются видо-временные суффиксы *ла*, *го*, *чжэ*, но наречия *чжэньцзай* 'как раз', *ицзин* 'уже' могут стоять перед *цзяи*;

3) определения перед опредмеченным глаголом в роли дополнения ограничены небольшим кругом имен прилагательных, в связи с чем иногда конструкция с *цзяи* является единственно возможной и не имеет синонимичной трансформации;

4) наречия перед *цзяи* должны быть двусложными (*дацзя ды цзяньи вомэнь идин цзяи жэньчжэнь каолуй*). Если наречие односложное, то употребляется только *цзя* (*до цзя чжэу*).

Для синонимичных трансформаций предложений *цзинсин цзюй* и *цзяи цзюй* в предложения без этих глаголов, т. е. в стилистически не отмеченные, могут быть представлены списки условий их взаимозамен (характер глаголов, возможности постановки определений, употребление счетных слов, наречий, их конверсионные возможности и т. д.). В отдельных случаях употребление названных словосочетаний является обязательным. Например, при инверсии дополнения (*дуй чжэ се взньти цзинсин фэньси*, *дуй чжэ се взньти цзяи фэньси*).

В китайском языке важным является «смысловая подборка» слов, которая иногда одна решает возможность/невозможность употребления конструкции и ее трансформационные возможности.

ЛИТЕРАТУРА

Ли Линьдин. Ханькой бицзяо бяньхуань юйфа. — Beijing, 1988.

У Шивэнь, Фэн Пин. Сюцы юйфа сюэ. — Цзилинь, 1985.

Хуан Юэчжоу. Сяньдай ханькой ды исе тун'и юйфа синши // Юйянь цзяосюэюйянь-цзю, 1985, № 1.

SUMMARY

Every style of a language is characterized by its expressive means on different levels of the language system.

The main tasks of stylistic grammar are to discover synonymies relation (grammar synonyms), to determine the conditions of the transformations, nuances of meaning and stylistic coloring.

ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ
РУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Формально-семантическая структура слова может характеризоваться с трех точек зрения: морфологической, морфемной и словообразовательной, что дает основание говорить о соответствующих частных его структурах. В первом случае анализируется слово в целом, которое может быть изменяемым либо неизменяемым, во втором и третьем — только его основа, маркируемая соответственно как членимая либо нечленимая и производная либо непроизводная (подчеркнем еще раз, что речь идет о членимости/нечленимости и производности/непроизводности только основы).

С учетом этих трех параметров намечается восемь теоретически возможных типов словных структур: 1) изменяемое, членимое, производное; 2) изменяемое, членимое, непроизводное; 3) изменяемое, нечленимое, производное; 4) изменяемое, нечленимое, непроизводное; 5) неизменяемое, членимое, производное; 6) неизменяемое, членимое, непроизводное; 7) неизменяемое, нечленимое, производное; 8) неизменяемое, нечленимое, непроизводное.

В русском языке лишь один из них, а именно шестой, нереализуем практически, поскольку неизменяемые, но членимые лексические единицы (предлоги, союзы, частицы, междометия, звукоподражания, наречия, модальитивы и предикативы, а также деепричастия и компаративы, относимые некоторыми учеными наряду с причастиями к самостоятельным частям речи [Основы 1966, 106–111; Шанский, Тихонов 1987, 88]) не могут быть непроизводными. Они (например, *в-следстви[ж-э]*, *по-эт-ому*, *по-вид-им-ому* и др.) потому только и членимы, что производны. Остальные семь типов представлены конкретными образцами: 1) *стол-ик*, *не-здеш-н-ий*, *рас-член-и-ть* — ср. *рас-член-и-л-а*; 2) *куп-и-ть* — ср. *куп-ят*, *агит-ирова-ть* — ср. *агит-аци[ж-а]*, *говяд-ин-а* — ср. *говяж-ий*, *баб-ушк-а* — ср. *баб-ул-я*; 3) *спец, зам*; 4) *вод-а*, *пе-ть*; 5) *на-всегда*, *по-нов-ому*, *в-последстви-и*; 6) —; 7) *метро*, *авто*; 8) *там*, *ведь*, *но*, *из*, *ах*, *пальто*, *беж*. Если же придерживаться бытовавшего некогда представления об инфинитиве не как об одной из форм глагола, а как о самостоятельной части речи [Виноградов 1972, 342–343], было бы найдено соответствие и 6-му типу

(*куп-и-ть, брос-и-ть, реш-и-ть, жд-а-ть* и т. п.). Возможно, членность инфинитива при его непроеизводности служит еще одним свидетельством в пользу того, что в русском языке это не самостоятельный лексико-грамматический класс слов, а именно лишь одна из глагольных форм.

В дунганском языке даже без этой возможной поправки на русский инфинитив структурных лакун больше. Они составляют более трети всех исчисляемых типов. В частности, здесь отсутствуют третий, шестой и седьмой типы. Третий и седьмой потому, что дунганскому языку несвойствен такой способ словообразования, как усечение основ вроде приведенного выше (*специалист — спец, заместитель — зам, метрополитен — метро, автомобиль — авто* и под.), достаточно широко используемое в русском языке, прежде всего в разговорной речи. Остальные пять представлены следующими образцами (примеры здесь и далее в основном заимствованы из работ [Цунвазо 1956; 1961; 1965; КДРС 1968; РДС 1959; 1981; Имазов 1982], кроме того, использованы также материалы личной картотеки по результатам обследования межреспубликанской газеты «Шыйуэди Чи»):

1) *фын-чуан-ни* 'в самолете' (*фын* 'ветер', *чуан* 'корабль', *-ни* — окончание локатива), *ще-жся-му-ди* 'писателей' (*ще* 'писать', *жся* — суффикс лица, *-му* — суффикс мн. ч., *-ди* — окончание генитива) (о трактовке *-ни* и *-ди*, а также *-шон* как падежных окончаний см. в работе [Имазов 1982, 10, 28–29], хотя она, конечно, и небесспорна, но то, что существительные, во всяком случае определенная часть из них, изменяются по числам, как и, скажем, глаголы — по временам, не подлежит никакому сомнению, правда, соответствующие показатели, и суффикс *-му* в особенности, выполняют не формосвязывающую, т. е. не реляционную, или синтаксическую [Солнцев 1992, 99; 1995, 18, 26], а чисто формообразующую, номинативную функцию);

2) *зан-ха-ли* 'остановились' (*зан* 'стоять', *-ха* — модификатор сов. в., как считает М. Х. Имазов, [Имазов 1982, 98–99], *-ли* — суффикс прош. вр.); сюда же, по-видимому, относится и *фу-лин-ни* 'в лесу' (*фу* 'дерево', *лин* — уточняющий деомонимизатор, *-ни* — окончание локатива), десемантизованный компонент которого *лин*, не употребляясь самостоятельно и выступая, по мнению Ю. Цунвазо, лишь в уточняюще-семантической, а не в словообразовательной функции — в качестве средства снятия омонимии компонента *фу* (ср.: *фу* I 'книга', 'плыть', 'чесать', 'созреть', 'хорошо сварить', 'слепой',

‘привычный’, ‘дубить’, ‘проигрывать’, ‘повторять’, ‘опираться’, ‘поддерживать’, ‘вручать’, ‘выкупать’, ‘счастье’; *фу* II ‘считать’; *фу* III ‘дерево’, ‘богатый’, ‘изобильный’, ‘богатство’, числительная частица — счетный суффикс [КДРС 1968, 126]), обладает только так называемой остаточной, или косвенной, выделяемостью, являющейся следствием прямой, непосредственной выделяемости соседнего компонента [Смирницкий 1952, 193; Земская 1997, 318], хотя в китайском языке семантически и позиционно он вполне самостоятелен и значит ‘лес’ [Цунвазо 1956, 57];

3) —;

4) *ще* ‘писать’ — *ще-ли* ‘писал’ (-ли — суффикс прош. вр.), *те* ‘железо’ — *те-ди* ‘железа’ (-ди — окончание генитива);

5) *куэ-куэ*, *куэ-куэ-ди*, *куэ-куэ-р* ‘быстро’ (*куэ* ‘быстрый’, -ди и -р — суффиксы качественных наречий), *куан-куан*, *куан-куан-ди*, *куан-куа-р* ‘широко’ (*куан* ‘широкий’);

6) —;

7) —;

8) *жер* ‘сегодня’, *тэ* ‘очень’, *сан* ‘три’.

Как показывают наблюдения, значительная часть лексических заимствований в дунганском языке из русского языка (как правило, это существительные — почти 100%) относится к четвертому структурному типу, т. е. к разряду слов грамматически изменяемых, но с нечленимой и непроеизводной основой. Они изменяемы, поскольку, являясь существительными в русском языке, остаются таковыми же и в дунганском и потому изменяются по падежам и числам подобно тому, как изменяются по этим же категориям исконные существительные [Имазов 1982, 43–49], даже если в русском языке они неизменяемы. При этом исконные формальные элементы присоединяются к заимствованным словам в целом (не к основам!). Иначе говоря, их соединение, как и следовало ожидать, носит чисто механический характер, что непосредственно вытекает из специфики языков изолирующего типа (или формоизолирующего, по терминологии В. М. Солнцева), к каковым относится и дунганский язык: свойственной им в целом агглютинативной (сополагающей) техники связывания морфем, в том числе и формообразовательных, в пределах слова [Солнцев 1995, 14]. Например: *пальтони* ‘в пальто’ *коммуникешон* ‘в коммунике’, *ООН-ди* ‘ООН’ (генитив ед. ч.), *ТАССди* ‘ТАСС’ (генитив ед. ч.), *отпускди* ‘отпуска’ (генитив ед. ч.), *уровеньди* ‘уровня’, *выставкашон* ‘на вы-

ставка', заводшюн 'на заводе', участокишон 'на участке', ударникму 'ударники', следопытму 'следопыты', республикади 'республики' (генитив ед. ч.), парламентму 'парламенты', республикаму 'республики' (номинатив мн. ч.), республикамуди 'республик' (генитив мн. ч.); в последние несколько десятилетий наряду с именами лиц в сферу оппозиции единственное/множественное число втягиваются все новые и новые разряды существительных, что практически привело к разрушению категорий личности/неличности и — шире — одушевленности/неодушевленности [Задорожный 1992]). Вместе с тем заимствованные лексемы, обладая любой степенью членимости и производности в русском языке, как правило, длительное время не осознаются в качестве таковых носителями дунганского языка, иначе говоря, не разлагаются на кратчайшие смысловые единицы — морфемы [Задорожный 1994 (1995); Задорожный 1996].

В свое время, анализируя слова-двуслоги, Ю. Цунвазо предложил две схемы классификации дунганской лексики по степени членимости.

Согласно первой схеме двусложные основы (слова) распадаются на три группы [Цунвазо 1961, 5].

Первая группа — это, говоря языком современной дериватологии, бесспорно, абсолютно членимые основы, т. е. основы первой степени членимости [Словообразование 1968, 214; Панов 1975, 236; Земская 1997, 317]. Ее составляют слова, состоящие из однослогов, каждый из которых в равной мере обладает способностью к изолированному употреблению в том же значении, что и в составе бифлекса. Например: лаган 'оглобли' (ла 'тянуть' ган 'жердь'; второй компонент, как кажется, только будучи оформленным суффиксом предметности -зы: ганзы) и даже чалаган с тем же значением (ча 'телега'), фынчуан 'самолет' (фын 'ветер', чуан 'корабль'). Ю. Цунвазо, правда, не называет в данном случае такого признака безоговорочной, ясной членимости основы, как встречаемость составляющих ее морфем в том же значении с другими морфемами — аффиксальными либо корневыми [Земская 1997, 317]. Но изолированное употребление морфемы — это частный случай ее встречаемости в ином морфемном окружении. Именно поэтому М. В. Панов к формулировке «Встречается ли корень А в других словах, т. е. в сопровождении других аффиксов?», определяющей выделяемость корневой морфемы, добавляет в сноске: «В том числе и в сопровождении аффиксального нуля, т. е. при отсутствии аффикса» [Панов 1975, 235]. Впрочем, для дунганского языка со сло-

восложением как ведущим способом словообразования [Цунвазо 1956, 53; 1961, 4, 7; Имазов 1975, 17; 1993, 45] «при отсутствии» и «в сопровождении» это, вероятно, одно и то же, поскольку потенциально любая свободная основа может в принципе вступить в словообразовательный альянс с другой свободной либо аффигированной основой или же с аффиксом. Это подтверждают и приведенные примеры, по крайней мере один из них — *фынчуан*. В частности, слогоморфема *фын* выступает в качестве составного компонента еще таких, например, сложных слов, как *фынбанзы* ‘пропеллер’ (*банзы* ‘доска’; или же *бан* ‘тянуть к себе’), *фынжонзы* ‘парус’ (*жон* ‘поднимать, поддерживать’), *фынзы* ‘воздушный змей’ (*зы* ‘бумага’), *фынмэ* ‘ветряная мельница’ (*мэ* ‘молоть, мельница’) [КДРС 1968]. Встречается в ином окружении и корнеслог (корнеморфема) *чуан*. Например: *жунвучуан* ‘военный корабль’, *фичуан* ‘корабль, судно’, *хуалунчуан* ‘корабль, пароход’.

Третья группа — это абсолютно нечленимые основы. Они состоят из однослогов, не употребляющихся самостоятельно, изолированно и не поддающихся этимологизации. Например: *маза* ‘кузнецик’, *бынлу* ‘лоб’. Несколько перефразируя Ю. Цунвазо [Цунвазо 1965, 96], можно сказать, что слова, не поддающиеся этимологизации с точки зрения современного дунганского языка, имеются не только среди существительных, но и среди других знаменательных частей речи — глаголов, прилагательных, наречий. В частности, двусложных наречий, не поддающихся морфемному анализу в результате их опрощения [Богородицкий, 1935, 99], т. е. утраты былой формально-семантической членимости, или дестимологизации, по терминологии Л. А. Булаховского, т. е. разрыва с течением времени смысловой, а значит, и формальной связи со своими производящими некогда производных слов [Булаховский 1953, 82-83], в современном дунганском языке, по наблюдениям Ю. Цунвазо, почти половина. Причина этого явления кроется, по его справедливому мнению, в том, что «во-первых, один или оба компонента вышли из употребления в качестве самостоятельных лексических единиц, во-вторых, неизвестно, в каком значении взята та или иная морфема при образовании данного наречия» [Цунвазо 1965, 96].

Вторая группа основ занимает промежуточное положение. В этих основах одна из односложных корнеморфем встречается в свободном виде, а другая — нет. Так, в слове *нянлуй* ‘слеза’ в том же значении самостоятельно или с другими морфемами употребляется только ком-

понент *нян* 'глаза'. Компонент же *луй* не способен употребляться самостоятельно и в сочетании с другими морфемами.

Более ранним вариантом этой классификации основ по степени членимости является трехчленная схема, в которой в качестве основополагающего признака формально-семантической выделяемости компонентов сложного слова также выдвигается способность их к изоляции, но с существенным, как, возможно, представлялось ее автору, уточнением, касающимся демаркации второй группы. Выглядит данный вариант следующим образом: «В зависимости от способности слагаемых компонентов к изоляции, т. е. к самостоятельному употреблению в качестве слов, двусложные существительные можно разделить на три группы:

1) двусложные существительные, оба компонента которых способны к изоляции, т. е. являются самостоятельными словами;

2) двусложные существительные, один из которых является словом, а второй — корневой морфемой, которая в качестве самостоятельного слова требует оформления соответствующим суффиксом предметности;

3) двусложные существительные, оба компонента которых не способны к изоляции, т. е. не обладают признаками слова [Цунвазо 1956, 54].

Встречаться только в сопровождении аффикса предметности — значит быть связанным. Но быть связанным вовсе не значит не быть вычленимым, тем более если другой корнекомпонент встречается в том же значении в полностью свободном, т. е. изолируемом, виде и, кроме того, тот же суффикс предметности регулярно связывается с широким кругом иных основ. Но тогда и первая, и вторая группа — это полностью членимые основы, обладающие, по терминологии Н. А. Янко-Триницкой, полной свободной (первая группа) и полной связанной (вторая группа) членимостью [Земская 1997, 317–318]. Следовательно, фактически разграниченными оказываются только две группы основ: членимые и нечленимые. Вероятно, поэтому Ю. Цунвазо при дальнейшем анализе ориентируется не на данную схему, а на предложенную там же четырехчленную, согласно которой распределение субстантивов-двуслогов по группам таково [Цунвазо 1956, 57–58].

В первую группу входят существительные, легко разложимые на части. При этом значение таких существительных часто складывается

из значений их компонентов. Например: *шуцин* 'ладонь, середина ладони' (*шу* 'рука', *цинзы* 'сердцевина, стержень'), *мыйцо* 'солома' (*мыйзы* 'пшеница', *цо* 'трава, сено, солома').

Ко второй группе относятся основы, которые также легко разлагаются на части, но их значение не складывается из значений составляющих компонентов, один из которых выступает в качестве уточнителя другого, имеющего то же значение, что и бисиллаб в целом. Например: *фижцин* 'колодец' (*фи* 'вода', *жцин* 'колодец'), *жсүэбу* 'шаг' (*жсүэ* 'нога, ступня', *бу* 'шаг'). Таким образом, разграничение первой и второй группы основано на оппозиции «складывается или не складывается значение композита из значений компонентов».

Третья группа состоит из основ, которые не поддаются расчленению на составные части, хотя значение одного из компонентов известно. Например: *нянлуй* 'слеза' (известно только значение компонента *нян* 'глаза'), *хуэян* 'пламя' (известно только значение компонента *хуэ* 'огонь'). Впрочем, что касается второго примера, то наряду со значением компонента *хуэ* известно и значение компонента *ян* 'дым, дымить', встречающегося к тому же, как и его сосед, в свободном виде. Ср.: *Мэ фын бу чи лон* (*ву ян мэ хуэ*) 'Нет дыма без огня'.

В принципе же такие двуслоги возможны не только чисто теоретически, но и, как свидетельствует первый пример, существуют, причем в достаточном количестве, как вполне конкретные лексические единицы. Ср. хотя бы уже упоминавшееся слово *фулин* 'лес' с десемантизованным компонентом *лин*, а также: *пешынзы* 'вожки', где в качестве десемантизованного деомонимизатора выступает компонент *пе* (*шын* 'веревка, аркан', но и 'звук', 'божество', 'глубокий' и еще ряд значений), в отличие, скажем, от *тешын* 'цепь', где семантически нагружены оба однослога (*те* 'железо'); *шудуан* 'умение, мастерство' (*шу* 'рука', *дуан* — семантически опустошенный деомонимизатор, во всяком случае, если и соотносимый по смыслу с включающим его комплексом, то довольно отдаленно; ср. другие его значения: 'подавать', 'прямой', 'недоставать', 'короткий'), в отличие от *дуэдуан* 'перерубить' (*дуэ* 'рубить', *дуан* 'отрезать') и др.

Четвертую группу образуют существительные абсолютно нечленимые, поскольку они совершенно не поддаются синхронной этимологизации, так как оба компонента утратили свое самостоятельное значение и употребление: *досы* 'священник', *йүасы* 'ключ'.

Как видим, из этой классификации как бы вынесено в пресуппози- тивное, закадровое поле (поле «само собой разумеемости») такое осно- вополагающее для определения морфемной членимости/нечле- нимости слов начало, как изолируемость/неизолируемость составляю- щих частей двуслогов. По крайней мере оно не выражено здесь экс- плицитно. Кроме того, вторая группа, как явствует из ее доминантной характеристики, является по существу разновидностью первой: и в том, и в другом случае соответствующие композиты «легко разлага- ются на части». Возможно, поэтому позднее Ю. Цунвазо останавлива- ется на трехчленной схеме, в которой на первый план в качестве ди- агностирующего выдвинут параметр изолируемости/неизолируемости строительного материала биплексов [Цунвазо 1961, 5].

Эксплицитно трехчленная, а имплицитно четырехчленная класси- фикация структурных типов дунганского слова была разработана М. Х. Имазовым [Имазов 1982, 9–12]. По сравнению с типологией Ю. Цунвазо она носит более общий характер, так как слова в ней рас- сматриваются независимо от их частеречной принадлежности.

Согласно этой классификации, в которой прежде всего анализи- руются структурные типы простого слова (автор именует их морфоло- гическими), к первому типу относятся слова морфологически (точнее было бы сказать — морфематически) нечленимые и грамматически неизменяемые. В качестве примеров таких слов приводятся числи- тельные *йи* ‘один’, *эр* ‘два’ и *сан* ‘три’.

Во вторую группу входят слова, морфологически нечленимые, но грамматически изменяемые, в частности, такие как существительные *бэли* ‘стекло’, *луэбу* ‘редька’ — *бэлиди* ‘стекла’, *луэбуди* ‘редька’, *бэлишон* ‘на стекле’, *луэбушон* ‘на редьке’.

Третий тип представлен словами, морфологически членимыми и грамматически изменяемыми. К ним относятся, например, двуслож- ные простые глаголы *занха* ‘остановиться’ и *вонха* ‘забыть’ — *занхали* ‘остановились’, *вонхали* ‘забыли’, *занхани* ‘остановятся’, *вонхани* ‘за- будут’ (*зан* ‘стоять’, *вон* ‘забывать’; *-ли* и *-ни* соответственно показа- тели прош. и буд. вр.; *-ха*, как полагает автор, маркер сов. в.).

Относительно элемента *-ха* необходимо отметить следующее: гла- голы с ним, как показывают данные словарей, в равной мере могут выражать значение как совершенного, так и несовершенного вида. Ср.: *занха* (*тынха*, *жэуха*) ‘остановиться’ и ‘останавливаться’, *вонха* ‘забыть’ и ‘забывать’, *шынха* ‘оставить’ и ‘оставлять’, *цинцуанха* ‘ос-

вежить' и 'освежать', *луйха* (*дуйха*) 'навалить (в беспорядке)' и 'наваливать', *поха* (*янха*) 'намочить' и 'намачивать', *жоха* (*нинха*) 'намотать' и 'наматывать', *дуйха* 'наводнить (заполнить в большом количестве)' и 'наводнять', *гуха* (*талаха*) 'наклониться' и 'наклоняться', *гаха* 'накопать' и 'накапывать', *занха* (*дуйха*, *йунха*) 'накопиться' и 'накапливаться', *даха* 'накосить (травы)' и 'накашивать', *махуа* 'накраситься' и 'накрашиваться', *жѣха* (*жоха*) 'накрутить (изготовить)' и 'накручивать', *даха* 'намолотить', 'намолоть' и 'намолачивать', *хоха* 'наметить (поставить метку)' и 'намечать', *гѹха* 'нанять' и 'нанимать' и мн. др. Кроме того, значение совершенного и несовершенного вида может передаваться глаголами и без оформления этим либо каким бы то ни было другим аффиксом в аналогичной функции. Например: *чын* 'взвесить' и 'взвешивать', *мэ* 'продать' и 'продавать', *зѹ* 'делать' и 'сделать', *нян* 'читать' и 'прочитать', *фабий* 'белить' и 'побелить', *шонлэ* (*чѹлэ*) 'взойти (подняться)' и 'всходить', *чыбо* 'наестся' и 'наедаться' и т. п. [РДС 1981]. Более того, если в словаре [РДС 1959] каждая из видовых форм толкуется (переводится на дунганский язык) непосредственно, то в более позднем, причем коллективном, словаре [РДС 1981] такое толкование получают только формы совершенного вида. Прямые же дефиниции форм несовершенного вида как таковые отсутствуют, последовательно заменяясь отсылкой «см.» к перфективным параллелям.

Двухпараметровая матрица с двумя состояниями (значениями) каждого из параметров порождает еще один логически возможный структурный тип слов: морфологически (морфематически) членимые, но грамматически неизменяемые. Но это могут быть лишь производные слова, в частности сложные и сложно-суффиксальные наречия, такие как *бийвон* 'напрасно' (*бий* 'напрасно', *вон* 'напрасно'), *танман* 'медленно' (*тан* 'медленно', *ман* 'медленно'), *манманди* (*танманди*) 'медленно'. Они, разумеется, рассматриваются М. Х. Имазовым, но не включены явным образом в классификационную схему. Рассматриваются также и производные других основных частей речи (существительные, прилагательные, глаголы), которые (за исключением прилагательных), должны быть, естественно, отнесены к типу морфологически членимых и грамматически изменяемых слов.

Восьмичленная схема является обобщением схем Ю. Цунвазо и М. Х. Имазова, ориентированных на разные, но пересекающиеся основания: членимость/нечленимость, производность/непроизводность

и членимость/нечленимость, изменяемость/неизменяемость, соответственно. Логическое объединение этих оснований, т. е. «операция, в результате которой получается новое множество из всех тех и только тех элементов, которые принадлежат хотя бы одному из объединяющихся множеств» [Кондаков 1975, 401], позволяет учесть все базовые параметры формально-семантического строения слова и смоделировать на этой основе более тонкую его классификацию.

Поскольку речь идет о заимствованиях в основном существительных, то во всех рассмотренных схемах русские лексические заимствования (как, впрочем, и из других языков), будучи на первом этапе их освоения дунганским языком нечленимыми и непроеизводными, т. е. опрошенными [Богородицкий 1935, 99], дестимологизированными [Булаховский 1953, 82–83], займут только одну ячейку: последнюю в схемах Ю. Цунвазо, вторую в схеме М. Х. Имазова и, как уже отмечалось, четвертую в восьмичленной схеме.

Но опрошенность — это не единственно возможное структурное состояние заимствований. Со временем в силу различных как вне-, так и внутриязыковых факторов этап опрошения сменяется этапом усложнения, т. е. проявления их морфемных границ, прежде всего на последнем деривационном шаге, а значит, и морфемно-словообразовательной прозрачности той или иной степени [Задорожный 1994 (1995); 1996]. В результате начнут заполняться и другие структурные ниши, в частности именуемые «изменяемое, членимое, непроеизводное» и «изменяемое, членимое, проиеизводное». Но в четырехчленной и в трехчленных схемах такие комплексные ниши отсутствуют. Преимущества восьмичленной схемы, обладающей большей детализированностью, а значит, и большей гибкостью, в этом отношении очевидны.

Еще ббльшим эвристическим потенциалом обладает схема, выводимая с включением в моделирующую матрицу наряду с рассмотренными параметрами (или без них) таких специфически существенных для дунганского слова характеристик, увиденных, но не полностью «задействованных» Ю. Цунвазо, как: 1) изолируемость/неизолируемость компонентов двуслога (а в принципе полислога любой размерности); 2) свободная изолируемость (без сопровождения морфем-классификаторов)/связанная изолируемость (в сопровождении таких морфем)/свободная и связанная изолируемость; 3) изолируемость в том же значении, что и в биплексе,

или в соотносимом со значением последнего/в другом значении;
4) инверсируемость/неинверсируемость.

В самом упрощенном варианте — при отвлечении от семантического и грамматического параметров, а также от параметров инверсируемости/неинверсируемости и порядка компонентов (последний должен обязательно учитываться при индивидуализации компонентов, например, при их характеристике как опорного и зависимого, взаимозависимых или, напротив, взаимонезависимых в том или ином отношении и т. п.) — эта матрица порождает шесть типов формально-семантической структуры двусложного дунганского слова, устанавливаемых здесь и далее по формуле сочетаний с повторениями [Виленикин 1969, 50]: 1) оба компонента изолируются в свободном виде, т. е. как чистые корни; 2) один из компонентов изолируется в свободном виде, другой — в связанном (в сопровождении суффикс-классификатора, например, суффикса предметности); 3) оба компонента изолируются в связанном виде; 4) один из компонентов изолируется в свободном виде, другой — не изолируется; 5) один из компонентов изолируется в связанном виде, другой — не изолируется; 6) ни один из компонентов не изолируется.

Примеры: 1) *дамын* 'ворота' (*да* 'большой', *мын* 'дверь'), *фынчуан* 'самолет' (*фын* 'ветер', *чуан* 'судно, корабль'), *хуончун* 'саранча' (*хуон* 'желтый' *чун* 'червь'), *чинжун* 'вес' (*чин* 'легкий', *жун* 'тяжелый'); 2) *фуцин* 'письмо' (*фузы* 'письмо', *цин* 'письмо'), *тешын* 'цепь' (*те* 'железо', *шынзы* 'веревка'), *шыхуэй* 'известь' (*шыту* 'камень', *хуэй* 'зола'), *зыжя* 'ноготь' (*зыту* 'палец', *жя* 'панцирь, броня'); 3) *цонфон* 'амбар' (*цонзы* 'закром', *фонзы* 'дом'), *дүдэ* 'подпруга' (*дүзы* 'живот', *дэзы* 'пояс, ремень'), *хэсан* 'шинель' (*хэзы* 'сукно', *санзы* 'рубаха'); 4) *фулин* 'лес' (*фу* 'дерево', *лин* 'Ø', хотя ср. *линзы* 'балка, поперечное бревно'), *тещян* 'железная лопата', 'лопата', *мущян* 'деревянная лопата' (*те* 'железо', *му* 'дерево', *щян* 'Ø', хотя ср. *щянбанзы* 'лопатка' — анатомич.), *тоншо* 'сахарная свекла' (*тон* 'сахар', *шо* 'Ø'), 5) *янмый* 'овес', *дамый* 'ячмень' (*ян* 'Ø', *да* 'Ø', *мыйзы* 'пшеница'); 6) *маза* 'кузнечик' (*ма* 'Ø', *за* 'Ø'), *бынлу* 'лоб' (*бын* 'Ø', *лу* 'Ø'), *насуэ* 'мусор' (*нэ* 'Ø', *суэ* 'Ø'), *гуйжү* 'дисциплина' (*гуй* 'Ø', *жү* 'Ø'), *досы* 'священник' (*до* 'Ø', *сы* 'Ø'), *йүгэсы* 'ключ' (*йүгэ* 'Ø', *сы* 'Ø').

Первые пять типов можно интерпретировать соответственно как свободную (или абсолютную, полную), полусвободную, связанную,

остаточно-свободную и достаточно-связанную членимость, шестой — как абсолютную нечленимость.

В том же, упрощенном варианте число теоретически возможных структурных типов трехсложных слов, составляющих довольно значительную часть дунганского лексикона, равно десяти: 1) все три компонента изолируются в свободном виде; 2) два компонента изолируются в свободном виде, один — в связанном; 3) один компонент изолируется в свободном виде, два — в связанном; 4) все три компонента изолируются в связанном виде; 5) два компонента изолируются в свободном виде, один — не изолируется; 6) один компонент изолируется в свободном виде, один — в связанном, один — не изолируется; 7) два компонента изолируются в связанном виде, один — не изолируется; 8) один компонент изолируется в свободном виде, два — не изолируются; 9) один компонент изолируется в связанном виде, два — не изолируются; 10) ни один из компонентов не изолируется.

Четырехсложные слова, число которых, если учитывать не только существительные, также достаточно представительно (*бавэдигы* 'особенно', *бажэузыди* 'восьмиугольный', *байишэзы* 'гармонь', *байүэниди* 'августовский', *балонгүзы* 'барабанчик на руке с двумя подвесками', *бансыла-хуэ* 'полусмерть', *бантянзыди* 'полдневный', *баницукунни* 'в воздухе', *бобозытон* 'конфета', *бийхуа-дэди* 'заплесневелый' и мн. др.) укладываются в 15 структурных типов: 1) все четыре компонента изолируются свободно; 2) три компонента изолируются свободно, один — связанно; 3) два компонента изолируются свободно, два — связанно; 4) один компонент изолируется свободно, три — связанно; 5) все четыре компонента изолируются связанно; 6) три компонента изолируются свободно, один — не изолируется; 7) два компонента изолируются свободно, один — связанно, один — не изолируется; 8) один компонент изолируется свободно, два — связанно, один — не изолируется; 9) три компонента изолируются связанно, один — не изолируется; 10) два компонента изолируются свободно, два — не изолируются; 11) один компонент изолируется свободно, один — связанно, два — не изолируются; 12) два компонента изолируются связанно, два — не изолируются; 13) один компонент изолируется свободно, три — не изолируются; 14) один компонент изолируется связанно, три — не изолируются; 15) ни один из компонентов не изолируется.

Имеются в дунганском языке и пятисложные лексические единицы, в том числе и существительные, хотя и не в таком количестве, как

слова меньшей размерности. Например: *бансылахуэди* 'полуживой', *буян-бучуанди* 'безмолвный', 'исподтишка', *чыйёнуэуэди* 'напрасно, зря', *бийпон-люцинди* 'полный и свежий (вид)', *бийхуванзыни* 'захолустье', *бынжүэ-быншуди* 'неловкий', *бынту-бынноди* 'неуклюжий', *ванванзыхади* 'изогнутый', *ванванниннинди* 'искривленный, изогнутый', *ван-ван-чучуди* 'крайне извилистый' и др. Теоретически возможных типов пятисложных слов — 21.

Пятисложность, скорее всего, предел глубины исконного дунганского слова. Что же касается заимствованных русизмов, то они могут быть и большей размерности. Ср.: *БАМ, банк, герб, грамм, ГУМ, класс, Кремль, курс, метр, мир, план, полк, слёт, стенд, съезд, ТАСС, трест, цех, ЦУМ, штаб* (односложные); *актив, артель, архив, завод, колхоз, кружок, лётчик, сенаж, силос, совхоз, писарь, слесарь, токарь, ядро* (двусложные); *бригада, ведомство, выставка, наводчик, путёвка, партия, рубрика, практика, радио, ударник, фабрика* (трехсложные); *республика, тематика, правление, агротехник, академик, миномётчик, оператор* (четырёхсложные); *библиотека, биология, механизатор, олимпиада, педагогика, приключение, радиотехник, сельхозтехника, университет, управление* (пятисложные); *администрация, винсовхозкомбинат, интеллигенция, консерватория, радиотехника* (шестисложные); *госкомсельхозтехника, интенсификация, специализация* (семисложные); *зооветеринария* (восьмисложное). Кроме того, все они могут быть удлинены еще по крайней мере на один-два слога при словообразовании и/или словоизменении. Но в любом случае ни один из компонентов этих и подобных слов, являющихся, как правило, не слогоморфемами, а просто слогами, не может быть изолирован как реально функционирующая лексическая единица дунганского языка ни в свободном, ни в связанном виде.

При подключении параметра инверсируемости/неинверсируемости количество типов только двусложных исконно дунганских слов возрастает до девяти (впрочем, как кажется, ни о каких других словах в данном случае говорить не приходится), семантического — до 41, того и другого — до 77 и т. д. При этом инверсируемость компонентов русизмов, слоговая граница которых лишь чисто случайно может совпасть с морфемной границей, даже не проблематична, а попросту невозможна ни при каких обстоятельствах. Впрочем, это утверждение нуждается в проверке, ибо семантическая опустошенность слогокомпонентов и, следовательно, немотивированность комплекса в целом в

равной мере способствует как его целостности, незыблемости, так и разрушению, деструктуризации [Соссюр 1977, 104—111], в том числе и пермутируемости.

Моделирование и «испытание» исчисляемых типов на их конкретную реализуемость/нереализуемость как на исконном, так и на заимствованном материале представляют несомненный теоретический и практический интерес в монологальном и билингвальном плане.

ЛИТЕРАТУРА

- Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. — М., 1935.
- Виленкин Н. Я.* Комбинаторика. — М., 1969.
- Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. Изд. 2. — М., 1972.
- Задорожный М. И.* Разрушение категории личности-неличности (одушевленности-неодушевленности) в дунганском языке как результат морфологического калькирования // Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы VI Всероссийской конференции. — М., 1992.
- Задорожный М. И.* Опрошение заимствуемых слов как результат их адаптации к иноязыковой системе: На материале дунганско-русского языкового взаимодействия // Актуальные проблемы китайского языкознания: Материалы VII Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. — М., 1994 (1995).
- Задорожный М. И.* Условжение заимствуемых слов как этап их вживания в иноязыковую систему: На материале дунганско-русского языкового взаимодействия // Китайское языкознание: Материалы VIII Международной конференции. — М., 1996.
- Земская Е. А.* Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. Изд. 3, испр. и доп. — М., 1997.
- Имазов М. Х.* Фонетика дунганского языка. — Фрунзе, 1975.
- Имазов М. Х.* Очерки по морфологии дунганского языка. — Фрунзе, 1982.
- Имазов М. Х.* Грамматика дунганского языка. — Бишкек, 1993.
- Кондаков Н. И.* Логический словарь-справочник. — Изд. 2, испр. и доп. — М., 1975.
- Краткий дунганско-русский словарь / Сост. Ю. Яншансин. — Фрунзе, 1968. [КДРС 1968].
- Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. — М., 1966. [Основы].
- Панов М. В.* О степенях членимости слов // Развитие современного русского языка 1972. — М., 1975.
- Русско-дунганский словарь / Сост. Ю. Яншансин и Л. Шинло. — Фрунзе, 1959. [РДС 1959].
- Русско-дунганский словарь в 3-х томах. — Фрунзе, 1981. [РДС 1981].
- Словообразование современного русского литературного языка: Социолого-лингвистическое исследование. — М., 1968.
- Смирницкий А. И.* К вопросу о слове: Проблема «отдельности слова» // Вопросы теории и истории языка. — М., 1952.
- Солнцев В. М.* Еще раз об основных единицах современного китайского языка // Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы VI Всероссийской конференции по китайскому языкознанию. — М., 1992.

- Солнцев В. М.* Введение в теорию изолирующих языков: В связи с общими особенностями человеческого языка. — М., 1995.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. — М., 1977.
- Цунвазо Ю.* О двусложных существительных в современном дунганском языке // Вестник АН КазССР. Вып. 8. — Алма-Ата, 1956.
- Цунвазо Ю.* Об основных структурных типах и способах образования двусложных наречий в дунганском языке // Вестник АН КазССР. Вып. 5. — Алма-Ата, 1961.
- Цунвазо Ю.* Словообразование существительных в дунганском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Алма-Ата, 1961. -
- Шанский Н., Тихонов А.* Современный русский язык. — Ч. II: Словообразование. Морфология. — Изд. 2, испр. и доп. — М., 1987.

ОБ ОМОНИМАХ В КИТАЙСКОМ И ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Существует расхожее мнение, что поскольку китайское письмо идеографическое, то в китайском языке нет омонимов или, по крайней мере, их не так много.

Приведем несколько определений омонимов и посмотрим, что в китайском языке (с его идеографическим письмом) и что в дунганском, близкородственном китайскому (с его фонетическим письмом), подпадает под эти определения, сопоставим их и выясним, в какой мере упомянутое мнение соответствует действительности.

Приводимые ниже определения сформулированы, по всей видимости, исходя из материалов русского языка, и поэтому посмотрим сначала, что в русском языке подпадает под эти определения.

О. С. Ахманова определяет омонимы как «две или более разные языковые единицы, совпавшие по звучанию (т. е. в плане выражения)» [Ахманова 1969, 287]. Данное определение применительно к русскому языку охватывает лексические омонимы, фонетические омонимы (омофоны) и грамматические омонимы (омоформы). За рамками его остаются графические омонимы (омографы), т.е. слова, по-разному звучащие, но одинаково пишущиеся (напр.: *мука́* — *мука* и т. д.).

Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова определяют омонимы как «слова, принадлежащие к одной и той же части речи и одинаково звучащие, но различные по значению» [Розенталь, Теленкова 1985, 176]. За рамками этого определения в русском языке остаются графические омонимы (омографы), а также некоторая часть грамматических омонимов (омоформ) типа *три*, *трём* (формы числительного) и *три*, *трём* (формы глагола).

Л. Л. Касаткин, Е. В. Клобуков и П. А. Лекант определяют омонимы как «слова, одинаковые по звучанию и/или написанию, но не связанные по значению» [Касаткин и др. 1995, 31]. Это определение по сути дела охватывает все виды омонимов в русском языке: лексические, фонетические, грамматические и графические.

Под первое определение (О. С. Ахмановой) в китайском (и устном, и письменном) языке подпадают все слова, одинаковые по звучанию (одинаковые по звуковым и тональным характеристикам), но разные по значению, например: хэ 'река' — хэ 'пить' и др. Говорящие и слушающие различают их по контексту, а пишущие и читающие — по иероглифам.

В дунганском языке под это определение подпадают лексические омонимы (напр.: *мо* 'кошка' — *мо* 'шерсть'), грамматические омонимы (напр.: *ча* 'вытирай' — *ча* 'чай') и фонетические омонимы (напр.: *гур* 'собачка' < *гу* 'собака' — *гыр* 'стебелек' < *гын* 'корень'), т. е. все виды омонимов, кроме графических (напр.: *фа́зы* 'торф' — *фазы́* 'щетка'). (Здесь и ниже все дунганские примеры даются в обычной дунганской орфографии.)

В китайском письменном языке под данное определение не подпадают также только графические омонимы (омографы). В нем сама природа иероглифического письма исключает появление омографов, и слово на письме может быть прочитано по-разному разве что только носителями разных диалектов.

В китайском устном языке великое множество одинаково звучащих, но разных по значению слов. Однако особой проблемы их разграничения, на наш взгляд, не существует. Говорящие и слушающие, как правило, и не подозревают о наличии таких слов, если специально не акцентировать внимания на них. Возможные сложности, возникающие из-за них, сразу же снимаются еще на ранней стадии, в самом начале разговора между говорящим и слушающим и конкретной ситуацией, и контекстом.

Китайское иероглифическое письмо, как и любое другое письмо, предполагает чтение, т. е. произношение, звучание. Именно поэтому, если и говорить об отсутствии омонимов в китайском языке вследствие наличия иероглифов, то лишь об их отсутствии в письменном китайском языке, причем только об отсутствии одного вида омонимов — графических (омографов). Все же остальные виды омонимов (лексические, грамматические и фонетические) вследствие наличия указанного свойства письма (быть произнесенным) в письменном китайском языке существуют. Другое дело, что проблемы их дифференциации здесь почти нет. Сама система иероглифического письма, помимо контекста, исключает возможность их смешения. Причем четко разграничиваются не только разные первичные лексемы одинакового звукового состава и одинаковой тональной характеристики, но и сложные лексические комплексы, близкие по значению (синонимы), например: *кугун* 'тяжелая, каторжная работа' (*кугун* 'большие усилия', 'упорный труд'. (Примеры заимствованы у А. Л. Семенас [Семенас 1992, 60].)

Под второе определение (Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой) в китайском (и устном, и письменном) языке подпадает только часть лексических омонимов. Даже слова типа *ши* 'десять' и *ши* 'полный' выходят за рамки данного определения, поскольку относятся к разным частям речи.

И в дунганском языке под это определение подпадает только часть лексических омонимов, например: *чён* 'стена' — *чён* 'ружье' и др. А слова типа *ла* 'свеча' — *ла* 'тянуть' также по той же причине уже не подпадают под данное определение.

В третьем определении (Л. Л. Касаткина и др.) между словами «звучание» и «написание» употреблены одновременно союз «и» и союз «или». Первый означает взаимообусловленность соединяемых понятий, а второй — взаимоисключение. Под данное определение с союзом «или» в китайском устном языке, исключаящем, естественно, понятие «написание», подпадают все виды омонимов, кроме графических. Для китайского письменного языка оно вообще не подходит, поскольку предполагает наличие в нем разных языковых единиц, одинаковых по написанию, что противоречит природе иероглифического письма.

Это определение с союзом «или» охватывает все виды омонимов в дунганском языке: лексические (*ди* 'земля' — *ди* 'передавать'), фонетические [*Мар* (имя) — *мор* 'кошечка'], грамматические (*чон* 'длинный' — *чон* 'пробуй') и графические (*дозы* 'нож' — *дóзы* 'неочищенный рис').

Посмотрим теперь, что в китайском и дунганском языках подпадает под данное определение с союзом «и». Отметим сразу, что для китайского устного языка оно вообще не подходит, поскольку предполагает наличие понятия «написание». А в письменном китайском языке сама природа иероглифического письма исключает появление слов, одинаковых по звучанию и написанию, но разных по значению.

В дунганском языке под это определение подпадают лексические омонимы (напр.: *чин* 'родной' — *чин* 'легкий' и др.) и грамматические омонимы (напр.: *шонди* 'гордый' — *шонди* 'раны' и др.).

Таким образом, при дефиниции таких понятий, как «омонимы», по всей видимости, учет и устной, и письменной формы языка не обязателен, если письмо, обслуживающее данный язык, фонетическое; но такой учет принципиально необходим, если письмо, обслуживающее его, — идеографическое.

Все изложенное позволяет заключить следующее:

1) термин «омонимы», как и другие лингвистические термины, может быть определен исходя из материалов устной (или письменной) формы конкретного языка и использован при изучении и описании устной (или письменной) формы данного языка;

2) термин «омонимы», как и другие лингвистические термины, может быть определен исходя из материалов только устной формы всех или большинства известных языков.

Т. е. в зависимости от характера работы, ее цели и задач дефиниция понятия «омонимы» (как и других) может варьироваться. Наиболее общее определение пригодно для распознавания и понимания рассматриваемого явления в любом языке, в том числе и в китайском; другие же — пригодны, как правило, для его распознавания и понимания в конкретном языке. Иными словами, при дефиниции того или иного понятия, как и при исследовании того или иного явления, было и остается верным то, что следует идти от частного к общему, а от общего — к частному. Без частного не было бы общего, а без общего частное было бы менее заметно. Именно поэтому каждое из рассмотренных определений применимо в каждом конкретном случае. А насколько, в какой мере каждое из них пригодно для распознавания и понимания явления омонимии в китайском и дунганском языках, мы и попытались здесь рассмотреть.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Советская энциклопедия, 1969.
- Касаткин Л. Л., Клобуков Е. В., Лекант П. А. Краткий справочник по современному русскому языку. Изд. 2, испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1995.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. — М.: Просвещение, 1985.
- Семенов А. Л. Лексикология современного китайского языка. — М.: Наука, 1992.

АКТАНТНАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ
В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЭЛЛИПСИС

Актанты обычно выделяются в противоположность сирконстантам обязательностью соответствующих валентностей вершинного глагола. Известно, однако, что определенные условия — морфосинтаксические, семантические, прагматические — создают возможность для опущения актантов, при этом в разных языках эта возможность реализуется в неодинаковой степени. Так, в английском языке первый актант эллиптируется чрезвычайно редко, и такое опущение сильно маркировано стилистически, в то время как в испанском или итальянском стилистически немаркировано, скорее наблюдается отсутствие первого актанта. Во французском языке и первый и второй актант обнаруживают весьма высокую степень устойчивости.

В связи со сказанным возникают по крайней мере пять разноплановых задач: (1) более полное и точное описание фактической стороны дела, т. е. статистическое обследование текстов на разных языках, разных жанров и т. д. с точки зрения полноты/неполноты реализации актантной структуры в глагольных конструкциях; (2) изучение связи между классом глагола и правилами опущения его актантов; (3) анализ конкретных условий — морфосинтаксических, семантических, прагматических, которые способствуют/препятствуют опущению актанта при глаголах данного класса; (4) установление корреляции между закономерностями опущения/сохранения актантов и типологическими особенностями языка; (5) выяснение возможного соотношения правил опущения актантов, в особенности первого, с типом культуры, свойственной носителю соответствующего языка.

Наконец, следует отдельно обозначить еще одну проблему (6): какая из существующих лингвистических теорий лучше «приспособлена» для интерпретации расхождения между языками по указанному признаку?

Разумеется, в небольшом сообщении невозможно даже раскрыть полностью сущность сформулированных выше вопросов, тем более — предложить сколько-нибудь детальные ответы; некоторые из них уже освещались — в разной степени — в предыдущих публикациях авторов [Касевич, Никитина 1994; Kasevich 1994; 1996; 1997; см. также Муковский 1996]. Здесь мы намерены привести новую серию количе-

ственных данных по древнекитайскому и современному китайскому (путунхуа) языкам, а также предварительно обсудить проблемы, соответствующие пунктам (2), (4) и (6).

Прежде всего стоит отметить, что несмотря на заметные расхождения в грамматическом строе древнекитайского и современного китайского языков такой параметр, как возможность опущения первого актанта, остается достаточно стабильным. Так, в сопоставимых по объему выборках из «Исторических записок» Сыма Цяня и интервью современного писателя Лю Биньяна [журнал «Вэньхуй юэкань», 1988, № 9] первый актант при переходных глаголах опущен в 72–73% случаев. В то же время в конструкциях с глаголами появления и существования для древнекитайского текста случаев опущения первого актанта не отмечено вообще, в современном же языке обнаружено чуть больше 10% таких случаев. При глаголах других классов в древнем языке опущение первого актанта характеризуется величинами от 30% (глаголы свойства и состояния, речи) до почти 90% (глаголы давания и отнимания); другие глаголы дают средние показатели в 50–60%. Для современного языка соотношение количественных показателей применительно к глаголам разных классов несколько отличается от данных по древнекитайскому языку: здесь, в пределах нашего материала, опущение первого актанта при глаголах речи, давания/отнимания достигает 60–70%. Однако средние показатели по всем классам глаголов для древнего и современного языков практически совпадают: в древнем языке конструкции с эллиптированным первым актантом составляют, без учета класса, 54%, а в современном — 52%.

Итак, первый вывод должен заключаться в том, что тенденция к опущению первого актанта в глагольных конструкциях китайского текста обнаруживает высокую устойчивость в диахронии и при этом отчасти регулируется принадлежностью вершинного глагола к тому или иному семантико-синтаксическому классу.

Что касается опущения второго актанта, то общая картина принципиально иная. Так, в современном языке лишь при глаголах называния второй актант (отвечающий на вопрос *кого?*) опущен в 37% случаев (впрочем, абсолютные числа невелики), для всех же остальных глаголов второй актант отсутствует в среднем в 10% случаев. Древний язык демонстрирует аналогичное распределение выраженности/невывраженности второго актанта: в обоих языках второй актант, без учета класса, опускается в 15% случаев.

Указанная асимметричность первого и второго актантов в китайском языке, сохраняющаяся в диахронии, на материале современного языка обнаруживает свой путь становления в онтогенезе. Опускание первого актанта в речевых произведениях детей, вероятно, является универсалией для раннего этапа овладения языком. Однако ситуация со вторым актантом уже не столь единообразна. Если в речи китайских детей второй актант опускается столь же систематически, сколь и первый, то для речи американских детей того же возраста это явление нехарактерно: они опускают первый актант, но не второй [Qi Wang et al. 1992; Hoeksma, Nyams 1996 и др.].

Иначе говоря, синтаксическая связь, возникающая при заполнении второй валентности глагола, обнаруживает в известной степени большую «силу» в сравнении со связью, объединяющей глагол с первой именной составляющей, как при внутриязыковом сопоставлении (второй актант опускается значительно реже), так и при межкультурном (на ранних этапах овладения языком лишь опускание первого актанта, но не второго, выступает, предположительно, универсалией).

Здесь уместно вспомнить, что в ряде влиятельных теорий, прежде всего в так называемой Government-Binding Theory [Chomsky 1981], правила присвоения тематических ролей (θ -roles) актантам предполагают, что первая (leftmost) именная составляющая, обычно отвечающая первому актанту, характеризуется как «внешняя» (external argument) по отношению к структуре предложения, к механизмам управления. Это отличает соответствующие теории от более традиционных, которые не выводят первый актант ни с синтаксической, ни с семантической точки зрения за рамки предложения и его внутренних связей, определяемых валентностями вершинного глагола

Можно думать, однако, что эти два подхода не обязательно составляют альтернативу, где приходится выбирать лишь один из них. Не вдаваясь в обсуждение причин, по которым соответствующие теории характеризуют первый актант как «внешний аргумент», следует вспомнить, что линейно первая именная составляющая безусловно может не входить в синтаксическую структуру предложения в языках с особой ролью тема-рематических отношений (topic-prominent languages) — к которым, среди прочих, принадлежит и китайский; см. об этом [Касевич 1988].

Тема, как известно, есть категория текста, отсюда большая функциональная нагруженность межсентенциальных отношений в сравне-

нии с внутрисентенциальными, что и проявляется в распространении темы на последовательность предложений, в «вычислении» темы на основании текстовой (и внетекстовой) информации.

Согласно Хуан Яну [Huang 1994], китайский принадлежит к «дискурсно-ориентированным» языкам. Если эту квалификацию понимать как указание на близость правил, управляющих построением китайского текста, к закономерностям диалогической речи, на повышенную зависимость интерпретации текста от фоновых знаний коммуникантов, то более адекватным определением будет «диалого-центрический» язык [Касевич 1996]. Если же иметь в виду меньшую — в сравнении, например, с германскими языками, — автономность предложения с его относительно жесткой внутренней структурой и, соответственно, большую роль сверхфразового единства, абзаца, текста как особых языковых единиц, то определение Хуан Яна, вероятно, следует принять. Как отмечено выше, дискурсная ориентированность глубинно связана также с приоритетностью структур, отражающих тема-рематическое членение, по отношению к собственно синтаксическим структурам.

ЛИТЕРАТУРА

- Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. — М., 1988.
- Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. — СПб., 1996.
- Касевич В. Б. Культурно-обусловленные различия в структурах языка и дискурса // XVI Congrès International des Linguistes. Séances plénières: Textes. — Paris, 1997.
- Касевич В. Б., Никитина Т. Н. Дейксис и анафора в древнекитайском тексте (в сравнении с русским) // Актуальные вопросы китайского языкознания: VII Всероссийская конференция. — М., 1994.
- Муковский О. Л. Анафорические и дейктические характеристики текста (на материале английского, русского и испанского языков // Вестник СПбГУ. Т. I. Вып. 2. 1996.
- Chomsky N. Lectures on government and binding. — Dordrecht, 1981.
- Heukstra T., Hyams N. The syntax and interpretation of dropped categories in child language: A unified account // The Proceedings of the Fourteenth West Coast Conference on Formal Linguistics / Ed. J. Camacho et al. — Stanford, 1996.
- Huang Y. The syntax and pragmatics of anaphora: A study with special reference to Chinese. — Cambridge, 1994.
- Kasevich V. B. Burmese and Karen: The *pro-drop* issue // 27ème Congrès International sur les Langues et la Linguistique Sino-Tibétaihes. — Sèvres, 1994.
- Qi Wang, Lillo-Martin D., Best C., Levitt A. Null subject versus null object: Some evidence from the acquisition of Chinese and English // Language Acquisition. Vol. 2. № 3. 1992.

SUMMARY

In this paper, statistical data are provided for both Archaic and Modern Chinese concerned with distribution of dropped actants. The data demonstrate a pronounced tendency to drop the first actant but not the second one. This asymmetry is fairly stable in time, the percent values for Archaic and Modern Chinese being practically identical. At the same time, there is certain correlation between the ease of dropping actants and the semantic and syntactic class of the head verb.

The observed preference for non-occurrence of the first actant is explained in terms of two interrelated features of the Chinese language, viz. its being a topic-prominent language rather than a subject-prominent one and a discourse-oriented language rather than a sentence-oriented one.

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ
ПРИВЫЧНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (ГЮЮ)

Привычные выражения (ГЮЮ) представляют собой разновидность китайских фразеологизмов, гораздо менее изученную, чем чэньюй, сехоуэй, пословицы и поговорки. С формальной стороны ГЮЮ — единица, большая, чем слово, представляющая, преимущественно, трехсложное образование. С семантической стороны — это сочетание «первичных лексем» [Семенов 1992], эквивалентное слову. Являясь, таким образом, лексическими единицами, ГЮЮ, как правило, фиксируются современными словарями.

С одной стороны, ГЮЮ обладают набором характерных признаков, типичным для фразеологической единицы (ФЕ), как то: идиоматичность значения, постоянство компонентного состава, регулярная воспроизводимость в речи в готовом виде, экспрессивность и метафоричность. С другой стороны, привычным выражениям присущи специфические признаки, позволяющие выделять их в самостоятельный класс китайской фразеологической системы.

Так, в отличие от чэньюй и сехоуэй часть ГЮЮ допускают возможность: а) вставки, разрыва другими элементами (伤脑筋 *букв.* 'ломать голову', 伤了脑筋 'долго ломал голову'), б) изменения привычного порядка следования компонентов (开夜车 *букв.* 'вести ночной поезд', 夜车不要开得太多 'не надо часто заниматься по ночам'), в) синонимических замен некоторых компонентов (拖拉后腿 *букв.* 'толкать/тянуть/тащить за ногу', *в знач.* 'вставлять палки в колеса'; 扯摆架子 *букв.* 'вытаскивать/выставлять высокомерие', *в знач.* 'важничать, задирать нос'; 吃宽定心丸 *букв.* 'съесть успокаивающую/облегчающую сердце пилюлю', *в знач.* 'перестать беспокоиться'; 炒剩冷饭 *букв.* 'поджаривать оставшийся/холодный рис', *в знач.* 'говорить о старом'); г) существования «квантитивных вариантов» [Войцехович 1992] (扯皮 ⇒ 扯皮子 *букв.* 'растягивать кожу', *в знач.* 'тянуть волюнку'; 拍马 ⇒ 拍马皮 *букв.* 'похлопывать коня', *в знач.* 'подхалимничать'; 吹牛 ⇒ 吹牛皮 *букв.* 'надувать воловью шкуру', *в знач.* 'хвастать, бахвалиться').

Такие не совсем обычные для других видов китайских ФЕ свойства, на наш взгляд, объясняются принадлежностью и функционированием большей части ГЮЮ в сфере разговорно-просторечного язы-

ка. Они пользуются популярностью у народа, их отличительная черта — шутка и юмор, например: 抱佛脚 букв. 'обнимать ноги Будды', в знач. 'вспоминать о боге только в трудную минуту' (ср. русск. *пока гром не грянет, мужик не перекрестится*); 喝西北风 букв. 'пить северо-западный ветер', в знач. 'жить впроголодь, положить зубы на полку'; 两脚书橱 'книжный шкаф о двух ногах' (образно о человеке, имеющем только теоретические познания).

Перевод ГЮЮ сопряжён с определёнными трудностями, связанными с неповторимой образностью ГЮЮ, а также с присутствием в их составе топонимов, антропонимов, слов-реалий, отражающих специфическое мировоззрение китайского народа, особенности исторического развития, элементы национальной культуры. Найти переводной эквивалент не всегда легко, так как полного соответствия образной основы у разных народов может и не быть, в этом случае приходится прибегать к описательному переводу. Например, выражение 坐冷板凳 букв. 'сидеть на холодной скамье'. Для лиц, не знакомых с китайскими реалиями, не совсем понятно, каким образом сидение на холодной скамье связано со значением «оказать холодный прием». В данном случае требуется пояснение, что в жилищах китайцев в холодное время скамьи подогреваются, посадить гостя на холодное место значит показать нежелательность присутствия последнего.

Вышеуказанные особенности семантики позволяют рассматривать привычные выражения как ценный лингвострановедческий материал.

В европейской культуре со словом 龙 'дракон' тесно связаны представления о зле, свирепости и несправедливости. Китайцы же почитают дракона как символ могущества и благосостояния, что и находит свое отражение во фразеологии. Например, 跳龙门 букв. 'прыгнуть через драконовы ворота', в знач. 'сделать карьеру'; 一条龙 букв. 'единый дракон', в знач. 'сплоченный, дружный коллектив'. Нам известны также ГЮЮ, связанные с ритуальными театрализованными представлениями, например: 跑龙套 букв. 'нести одно из звеньев тела дракона', в знач. 'быть на побегушках'; 舞龙头 букв. 'управлять головой дракона', в знач. 'играть ведущую роль'. Данные ФЕ своим происхождением обязаны китайскому традиционному «танцу дракона» (舞龙), который исполняется только группой актеров, так как тело дракона может достигать длины до 50 метров. Артист, управляющий головой дракона, является ведущим, а остальные участники представления — ведомыми, выполняющими второстепенную роль.

Представляется целесообразным в целях выяснения специфики семантики привычных выражений исследовать данные ФЕ на предмет их классификации по семантическим группам. Методом сплошной выборки из словаря ГЮЮ под ред. Ван Дэчуня [新惯用语词典 1996] было отобрано 704 ФЕ, которые образовали три большие семантические группы:

1. Человек, его достоинства и недостатки.

а) личностные качества человека (особенности поведения, эмоциональное состояние, внешний вид): 夜游神 букв. 'ночью бродящий дух', в знач. 'полуночник'; 醋瓶子 букв. 'бутылка с уксусом', в знач. 'ревнивый человек'; 五味瓶 букв. 'флакон с пятью ароматами', в знач. 'смешанные чувства';

б) отношения между людьми: 穿小鞋 букв. 'одевать маленькую обувь', в знач. 'чинить препятствия, придирааться'; 打太极拳 букв. 'делать гимнастику тайцзицюань', в знач. 'делать что-либо очень долго, тянуть канитель'; 敲边鼓 букв. 'стучать по краю барабана', в знач. 'поддержать кого-либо, замолвить словечко';

в) мужчина и женщина, семья: 吃醋 букв. 'пить уксус', в знач. 'завидовать, ревновать'; 鹊桥会 букв. 'встреча на сорочьем мосту', в знач. 'свидание супругов после долгой разлуки'; 七姑八姨儿 букв. 'седьмая тетя по отцу да восьмая тетушка по матери', в знач. 'дальний родственник, седьмая вода на киселе';

г) профессия, род занятий: 喝墨水 букв. 'пить чернила', в знач. 'учиться'; 孩子王 букв. 'король детей', в знач. 'учитель начальной школы'; 红帽子 букв. 'красная шапка', в знач. 'чиновничья должность' (в древнем Китае головной убор чиновника украшался красным помпоном).

2. Общественно-политическая жизнь: 新长征 букв. 'новый Великий поход', в знач. 'политика «четырёх модернизаций»'; 三级跳 букв. 'тройной прыжок', в знач. 'головокружительная карьера'; 塞红 букв. 'вручить красный сверток', в знач. 'дать взятку'.

3. Нравственные абстрактные понятия (счастье-страдание, труд-безделье, ум-глупость, богатство-бедность): 吹糖人 букв. 'выдувать сахарных человечков', в знач. 'заниматься пустячным делом'; 活字典 букв. 'живой словарь', в знач. 'эрудированный человек'; 钱串子 букв. 'веревка для нанизывания чохов', в знач. 'жадный, прижимистый человек, скряга'.

Количественный анализ материала показал, что самую многочисленную группу (65% от выборки) составили ГЮЮ, отражающие раз-

личные характеристики человека, и его отношение к другим людям. На втором месте оказались привычные выражения, имеющие отношение к общественно-политической тематике (25%). В сравнительно небольшую семантическую группу вошли ФЕ, обозначающие отвлеченные нравственные категории (10%), вероятно, по той причине, что такого рода понятия более свойственны языковой афористике.

Относительно недавно появились такие выражения, как 小锅菜 букв. 'еда из маленького котла', в знач. 'привилегии, льготы'; 保护伞 букв. 'защитный зонтик', в знач. 'протекция'. Процесс образования новых ФЕ идет постоянно. Во время работы с газетным материалом нами было обнаружено несколько сочетаний первичных лексем, которые по своим характеристикам целесообразно отнести к разряду гуаньюньюй: 腰杆弯 букв. 'гибкий в пояснице', в знач. 'изворотливый'; 两面人 букв. 'человек с двумя лицами', в знач. 'двуличный человек, лицемер'. Данные ФЕ появились совсем недавно и еще не зафиксированы словарями.

Таким образом, мы видим, что привычным выражениям присущи свои формально-грамматические и семантические особенности (яркая образность, шутка и юмор, присутствие национально-культурных компонентов в составе, соотнесение с определенной тематической группой).

ЛИТЕРАТУРА

- Войцехович И. В. Вариативность и синонимия китайских гуаньюньюй // Актуальные вопросы китайского языкознания / Под ред. Солнцева В. М. — Москва, 1992.
- Семенов А. Л. Лексикология современного китайского языка. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992.
- Ван Дэчунь. Новый словарь гуаньюньюй. — Изд-во Шанхай ципучубаньшэ, 1996.

SUMMARY

The article deals with one of the Chinese idiomatic expressions — so-called *guanyongyu*. The author gives a brief description of *guanyongyu* and reveals their semantic peculiarities.

О СИНГАРМОНИЗМЕ ГЛАСНЫХ
В ЛХАССКОМ ДИАЛЕКТЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

К типологически значимым чертам лхасского диалекта тибетского языка (ТЯ) помимо фонологически значимого тона относятся такие суперсегментные явления, как ударение и сингармонизм гласных. Обычно «... гармонизируются морфемные объединения, которые характеризуются агглютинативным сцеплением» [Виноградов, Реформатский 1969, 123].

Гармония ТЯ прежде фрагментарно освещалась в некоторых научных исследованиях зарубежных тибетологов [Miller 1966; Simon 1974; Goldstein 1977; Hu Tan 1984]. В данном сообщении мы стремились дать более систематическое описание этого важного, на наш взгляд, явления, коим является сингармонизм гласных в тибетском языке.

Прежде чем обратиться к рассмотрению гармонических последовательностей гласных в тибетском языке, целесообразно рассмотреть основные способы словообразования, на фоне которых разворачивается данное явление.

Основными морфологическими способами словообразования в тибетском языке являются аффиксация, словосложение и редупликация. Производные слова, а также сложные слова и повторы характеризуются сложными и многообразными отношениями с такими языковыми уровнями, как фонологический, морфологический и лексический.

Словообразованию тибетского языка посвящен ряд исследований отечественных и зарубежных ученых (Ю. Н. Рерих, Ю. М. Парфионович, Б. В. Семичов, Р. Э. Миллер, А. Рона-Таш, Ху Тань, Тань Кэжань и др.). Способ соединения корневых и аффиксальных морфем, как правило, имеет агглютинативный характер (нарушаемый лишь в отдельных случаях): *thak¹pa¹* 'веревка', (*thak⁴* — корн. морф., *pa¹* — суф.), *tho¹po¹* 'высокий' (*tho¹* — корн. морф., *po¹* — суф.), *nga¹mo¹* 'прежде, раньше' (*nga¹* — корн. морф., *mo¹* — суф.).

Среди способов словообразования в тибетском языке преобладает суффиксация. Суффиксы *pa¹*, *po¹*, *ma²*, *mo²*, *wa²*, *wo²*, *ya²⁸*, *ngen¹*, и др. способны обозначать предметность, процессуальность, признаковость, встречаясь в составе разных лексико-грамматических классов: *qang¹pa¹* 'любитель вина цян' (ячменный алкогольный напиток, суц.),

je¹po¹ 'любимый' (прил.), *te²wa¹* 'счастье' (сущ.), *qu¹wo¹* 'река' (сущ.), *na²ya²* 'болезнь' (сущ.), *lep¹ngen¹* 'ученик' (сущ.).

При словосложении образуются слова, состоящие из двух или нескольких лексически значимых компонентов и характеризующиеся двусторонней структурно-семантической связью с исходными лексическими единицами. При словосложении соединение лексических единиц также имеет агглютинативный характер. Например, сложные слова

1) атрибутивной модели: *ce¹xing¹* 'огород' < *ce¹* 'овощи' + *xing²* 'поле'; *qəp¹khung¹* 'канал' < *qəp⁴* 'вода' + *khung¹* 'отверстие'; *qəp¹ser¹* 'гной' < *qəp⁴* 'вода, жидкость' + *ser¹* 'желтый'; *pu²ma¹* 'червяк' < *pu²* 'насекомое' + *ma¹* 'красный';

2) сложные слова объектно-предикативной модели, состоящие из именной и глагольной морфем: *sung¹xe²* 'червяк' < *sung¹* 'речь' + *xe²* 'говорить'; *chak²tong¹* 'эхо' < *cha²* 'голос, звук' + *tong¹* 'оставлять'; *xa¹zi¹* 'вилка' < *xa¹* 'мясо' + *zi²* 'держать'.

3) сложные слова субъектно-предикативной модели, образующиеся при сложении именной и адъективной морфем или именной и глагольной морфем: *ngo²ca¹* 'краснеть (от стыда)' < *ngo²* 'лицо' + *ca¹* 'жаркий'; *qəp¹khø¹* 'кипяток' < *qəp⁴* 'вода' + *khø¹* 'кипеть'; *nam²lang⁴* 'рассвет' < *nam²* 'ночь' + *lang³* 'подниматься, поднимать'.

Тибетские повторы, являясь продуктивным способом словообразования, представляют различные лексико-грамматические классы слов: *qam¹qam¹* 'прогулка' (сущ.), *tem²tem¹* 'гибкий' (прил.), *qe¹qe¹* 'беспорядочно' (наречие), *kyhor¹kyhor¹* 'махать, качаться'.

Редуцированные образования представлены двумя типами: тождественные повторы с одинаковым фонемным и тонемным составом (*ten¹ten¹* 'обязательно', *sung¹sung¹* 'защищать') и дивергентные повторы, состоящие из компонентов, которые подверглись различным морфонологическим преобразованиям и не совпадают материально.

Варьирование морфем наблюдается на сегментном и суперсегментном уровнях. Альтернирующую часть дивергентных повторов могут составлять инициалы и финалы (централы и терминалы), а также тонемы. Например, чередование инициалей *hl > l*: *hlang¹lang¹* 'блестящий', чередование централей *a > e*: *cha²che¹* 'лохмотья', чередование терминалей *p > ʔ*: *lep³le²* 'плоский', чередование тонем: III низкий восходяще-нисходящий тон — II низкий восходящий тон (III тон → II тон): *kor³ > kor²kor⁴* 'неспособный'.

В следующих примерах производных слов зафиксированы явления сингармонизма гласных: $chu^2 + pa^1 > chu^2pa^1$ 'лодочник', $nyi^2 + ma^1 > nyi^2ma^1$ 'солнце', $pang^2 + ku^2 > pəng^2ku^1$ 'муха'.

В структурах сложных слов также наблюдается оформление слова с помощью явления сингармонизма: hla^1 'бог, дух' + yu^2 'страна, район' > $hlə^1yu^1$ 'рай, земля обетованная'; $thong^1$ 'смотреть' + $qung^1$ 'мало' > $thung^1qung^1$ 'презирать, пренебрегать'; na^3 'черный' + qu^1 'вода' > $nək^2qu^1$ 'река Накцю'.

Суперсегментная организация повторов, как видим, не обходится без сингармонизма гласных: $ram^2 + rum^1 > rəm^2rum^1$ 'мелочь'; $xam^2 + xim^2 > xəm^2xim^1$ 'затяжной'; $kyang^2 + kyīng^2 > kyəng^2kyīng^1$ 'высокомерный'.

В производных словах, сложных словах и дивергентных повторах наблюдается тесная взаимосвязь между составляющими компонентами с точки зрения сингармонизма гласных.

Гармония гласных заключается в артикуляционном сближении гласных звуков обоих слогов по нескольким признакам, в частности, сингармонический характер связи морфем в тибетском слове организует вокалическую структуру слов по признаку подъема гласных. Обратимся к составу вокализма в тибетском языке.

В тибетском вокализме 17 монофтонгов: [i, i:, y, y:, u, u:, e, e:, ε, ε:, o, o:, ø, ø:, a, a:, ə].

Тибетский вокализм характеризуется признаками а) трех рядов (переднего, среднего, заднего), б) трех степеней подъема (высокого, среднего, низкого), в) лабиализацией передних гласных и г) двумя модальными признаками (долготы и назализации).

Поскольку нас интересует гармония гласных по признаку подъема, приведем соответствующую классификацию гласных:

Классификация тибетских гласных по признаку подъема

Гласные высокого подъема	i: y: u: i y u
Гласные среднего подъема	e: ε: ø: o: e ε ø o ə
Гласные низкого подъема	a: a

В двусложных словах имеет место как прогрессивная, так и регрессивная ассимиляция, при которой устойчивыми являются только

гласные высокого подъема [i, i:, у, у:, и, и:], которые влияют на гласные [а, а:, е, е:, о, о:, ø, ø:] первого слога, или, наоборот, второго слога слова, последние принадлежат к среднему и низкому подъему.

Как удалось установить, в тибетских двусложных словах существует девять моделей сочетаемости гласных высокого, среднего и низкого подъема.

Есть пять исходно сингармонических устойчивых моделей сочетаемости гласных:

[u + i]	гл. выс. подъема	+	гл. выс. подъема	<i>ku¹si.¹</i>	‘мерзнуть’
[e + e]	гл. ср. подъема	+	гл. ср. подъема	<i>khe¹phen¹</i>	‘польза’
[o + a]	гл. ср. подъема	+	гл. низ. подъема	<i>kho¹rang¹</i>	‘он’
[a + o]	гл. низ. подъема	+	гл. ср. подъема	<i>kyam²co¹</i>	‘море’
[a + a]	гл. низ. подъема	+	гл. низ. подъема	<i>ka.¹ma¹</i>	‘звезда’

В четырех вокальных моделях наблюдаются следующие чередования гласных:

гл. выс. подъема	+	гл. ср. подъема	→	гл. выс. подъема	+	гл. выс. подъема
гл. выс. подъема	+	гл. низ. подъема	→	гл. выс. подъема	+	гл. ср. подъема
гл. ср. подъема	+	гл. выс. подъема	→	гл. выс. подъема	+	гл. выс. подъема
гл. низ. подъема	+	гл. выс. подъема	→	гл. ср. подъема	+	гл. выс. подъема

Приведем примеры:

[o → u]:	(<i>khung² + mo²</i>)	>	<i>khung²mu¹</i>	‘средний палец’
[a → ə]:	(<i>zhum³ + ta²</i>)	>	<i>zhum¹ta¹</i>	‘револьвер’
[o → u]:	(<i>lo¹ + yu¹</i>)	>	<i>lu¹yu¹</i>	‘трахень’
[a → ə]:	(<i>kə¹ + tu²³</i>)	>	<i>kə¹tu²⁴</i>	‘страдать’

Гласные [о, а] подвергаются действию качественной и количественной модификации, а в последнем примере чередование гласных [а – ə] представляет собой чередование гласных, принадлежащих одному и тому же ряду, но различным уровням подъема: низкий подъем → средний подъем.

Двусложные слова, фиксируемые в словарях в своей графической форме, сохраняющей исходные негармонические последовательности гласных, демонстрируют тем не менее в транскрипционном виде сингармонические преобразования слов нескольких видов: гласные среднего подъема устремляются к высокому подъему, а гласные низкого подъема подтягиваются к среднему подъему.

Схематически это выглядит таким образом:

гласные высокого подъема	<u>i y u</u>		<u>i y u</u>
гласные среднего подъема	<u>e ø o</u>	↑	<u>ə</u>
гласные низкого подъема	<u> </u>		<u>а</u> ↑

Как мы видим, переход гласных при суперсегментной сингармонической организации возможен на одну (следующую) ступень подъема.

В первом слоге двусложного слова:

1) гласные среднего подъема не сочетаются с гласными высокого подъема второго слога, поэтому однорядные гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема:

гласные ср. подъема + гласные выс. подъема → гласные выс. подъема + гласные выс. подъема: [o + i] → [u + i], [o + i:] → [u + i:], [o + u] → [u + u], [ø + y] → [y + y];

2) гласные низкого подъема не сочетаются с гласными высокого подъема второго слога, поэтому однорядные гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

гласные низ. подъема + гласные выс. подъема → гласные ср. подъема + гласные выс. подъема: [a + i] → [ə + i], [a + i:] → [ə + i:], [a + u] → [ə + u].

Во втором слоге двусложного слова:

1) гласные среднего подъема не сочетаются с гласными высокого подъема, поэтому однорядные гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема:

гласные выс. подъема + гласные ср. подъема → гласные выс. подъема + гласные выс. подъема: [i + o] → [i + u], [u + o] → [u + u], [i + ø] → [i + y];

2) гласные низкого подъема не сочетаются с гласными высокого подъема, поэтому однорядные гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

гласные выс. подъема + гласные низ. подъема → гласные выс. подъема + гласные ср. подъема: [i + a] → [i + e], [i: + a] → [i: + e], [u + a] → [u + ə].

Исходя из вышеизложенного, негармоническими сочетаниями гласных, имеющими шансы чередоваться с гласными более высокого уровня подъема и переходящими соответственно на более высокую степень подъема, являются: в первом слоге [o + i], [o + i:], [o + u], [ø: + y], [a + i], [a + i:], [a + u], во втором слоге [i + o], [u + o], [i + ø], [i + a], [i: + a], [u + a].

В итоге мы наблюдаем следующую картину: в первом и во втором слогах двусложных слов гласные среднего подъема чередуются с гласными высокого подъема, а гласные низкого подъема чередуются с гласными среднего подъема:

[a-ə]	<i>kha</i> ¹	‘рот, порт’	→	<i>chu</i> ² <i>ka</i> ¹	‘порт, переправа’
[o-u]	<i>ko</i> ²	‘голова’	→	<i>ku</i> ² <i>ry</i> ²⁴	‘череп’
[ø-y]	<i>chø</i> ²³	‘беседа’	→	<i>chy</i> ² <i>tu</i> ¹	‘обсуждение’
[e-i]	<i>ke</i> ²	‘добро, молитва’	→	<i>ki</i> ² <i>chu</i> ²⁴	‘ученик, послушник’

Всякий раз вне зависимости от места реализации в слове гласным высокого подъема [i, i:, u, u:, y, y:] принадлежит «пальма первенства», и они задают тон в двусложном слове, способствуя передвижению гласных на более высокий близлежащий уровень по подъему, что и определяет тип тибетского сингармонизма: компактный сингармонизм гласных или сингармонизм гласных по подъему.

Проф. Ху Тань зафиксировал редкие случаи обратного воздействия гласных среднего подъема на гласные высокого подъема [Hu Tan 1984, 10]:

[u-o]	<i>phu</i> ²	‘ребенок’	→	<i>pho</i> ² <i>mo</i> ¹	‘девочка’
	<i>lu</i> ²³	‘норма, порядок’	→	<i>lok</i> ² <i>sø</i> ¹	‘нормы поведения, порядок’
[i-e]	<i>nyi</i> ¹	‘два’	→	<i>nye</i> ² <i>tong</i> ¹	‘две тысячи’
	<i>mi</i> ²	‘человек’	→	<i>me</i> ² <i>ze</i> ¹	‘жизнь’

Следует отметить, что в двусложных словах также встречаются негармонические последовательности гласных, которые, следуя законам тибетского сингармонизма гласных, должны были бы участвовать в процессе чередований, но избегают этого, сохраняя константную вокалическую структуру. При этом гласные высокого и среднего подъема, а также высокого и низкого подъема мирно сосуществуют: *ngu*²*xo*¹ ‘плакать’, *ngu*¹*khang*¹ ‘банк’, *qu*¹*khang*¹ ‘бассейн, ванна’.

Подобные негармонические структуры в индонезийском языке отметила Л. Г. Зубкова: «... слова, имеющие негармоническую вокалическую структуру... свидетельствуют о неустойчивости гармонии гласных в индонезийском языке, о том, что гармония гласных в индонезийском языке не является фактором, целиком определяющим вокалическую структуру индонезийского слова» [Зубкова 1970, 228].

Все, что говорилось выше, относится к лхасскому диалекту ТЯ. Что касается архаичного, атонального диалекта Амдо, не особенно затронутого фонетическими инновациями и сохранившего стечения со-

гласных в начале и конце слога, изучение фонетической структуры слов показывает, что явление сингармонизма гласных в диалекте Амдо почти отсутствует. Например, *xaui* 'ребенок', *atui* 'отец', *laju* 'перец', *thurma* 'палочки для еды'¹.

Отличия тибетского сингармонизма гласных от сингармонизма гласных классического типа и алтайских языков можно свести к двум параметрам: общему характеру сингармонизма и месту его реализации в двусложном слове. В тюркских языках, а также в монгольском, калмыцком, бурятском и др. есть два вида сингармонизма гласных: палатальная (нёбная) по признаку ряда и лабиальная по признаку огубленности. Например, после корневой морфемы с передними (или задними) гласными выступают аффиксальные морфемы, содержащие гласные переднего (или заднего) ряда. Иными словами, в сингармонических моделях классического типа ведущая роль принадлежит корневой морфеме, вокалический состав аффиксальной морфемы определяется гласными корня: тофаларский язык — *ирик* 'гнилушка', *ириктерни* 'гнилушек'.

Суммируем сказанное в таблице:

	По признаку подъема	По признаку ряда	По огубленности	По месту реализации в слове	
				корневая морфема	аффиксальная морфема
Тибетский сингармонизм гласных	+	—	—	+	+
Сингармонизм гласных классического типа	—	+	+	—	+

Сингармонизм гласных является одним из средств цельнооформленности слова, выступая «маркером единства слова в синтагматическом плане» [Виноградов, Реформатский 1969, 123]. Сингармонические модели, реализуемые в двусложных словах лхасского диалекта тибетского языка подтверждают, что на суперсегментном уровне существует тесная взаимосвязь между морфемами различного типа — между знаменательными морфемами, а также между знаменательными и незнаменательными морфемами.

¹ Примеры взяты из работы [Hu Tan 1988, 83].

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. А., Реформатский А. А. Сингармонизм, ударение и просодия слова // Вопросы языкознания, 1969, № 1.
- Зубкова Л. Г. О гармонии гласных в индонезийском языке // Языки Юго-Восточной Азии. — М., 1970.
- Goldstein M. C. Modern Literary Tibetan. — New Delhi, 1977.
- Hu Tan. You shendiao zang yu he wushendiao zang yu zhi bijiao // Languages and History in East Asia. Festschrift for Tatsuo Nisida on the Occasion of his 60-th Birthday. — Kyoto, 1988.
- Hu Tan. Zang yu yusu bianyi he yuyin bianqian // Minzu yuwen, 1984, № 3.
- Miller R. A. Early evidence for vowel harmony in Tibetan // Language, 1966, № 42.
- Simon W. Vowel alternation in Tibetan // Asia Major, 1974, № 19.
- Zang han duizhao Lasa kouyu cidian. — Beijing, 1983.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ
ПРИ ОПИСАНИИ СОЧЕТАЕМОСТИ ФОРМАНТОВ
С ИМЕННЫМИ ЕДИНИЦАМИ В СКЯ.

I. В предыдущих своих работах автор рассматривал особенности образования и функционирования в СКЯ семантически тождественных пар слов с одинаковой основой, отличающихся только тем, что второй член пары образован с помощью одного из именных суффиксов: *-цзы*, *-эр* или *-тоу*. Лексикографические обследования и анализ примеров из письменных источников убедительно показали, что выбор одной из форм часто определяется внутриязыковыми причинами [Актуальные вопросы... 1996, 79–83]. При этом рассматривались две разные позиции использования членов пары: в рамках сложного слова и в качестве самостоятельного члена предложения.

Но анализ только письменных источников не может дать достаточно полного ответа на вопрос о причинах появления в текстах различного вида (в тех или иных ближайших контекстах) то одного, то другого члена пары. Поэтому на втором этапе исследования было предпринято изучение данного вопроса методами полевой лингвистики с привлечением информантов, при этом встречающиеся члены пары рассматривались как единицы текста, а суффиксы — как некие форманты. Работа с информантами строилась таким образом, чтобы получить ответ на вопрос об условиях формантной сочетаемости исследуемых единиц. Особенности употребления единиц с формантом и без него, как правило, специально не уточняются в словарях. Без анализа современного разговорного узуса невозможно ответить и на вопрос, чем объясняется выбор того или иного варианта при построении фразы, а так же, возможно ли в каждом конкретном случае употребление обеих форм, но с предпочтением одной из них.

II. Опрос был проведен среди информантов — носителей литературной нормы. Состав информантов был подобран из китайцев — носителей языка с учетом хорошего уровня владения русским языком и имеющих высшее филологическое образование. В работе принимали участие семь информантов, среди которых были жители южной и северной части Китая.

Для заполнения информантам была предложена анкета, составленная из нескольких карточек с примерами из современной худо-

жественной литературы с пропусками в тех местах, где в источнике стоял (или не стоял) формант при именной единице. Предъявленная лексика разделялась на три группы: именные единицы, выявленные на первом этапе исследования как употребляющиеся с формантом и без него, именные единицы, появляющиеся только в сопровождении форманта, именные единицы, которые по другим источникам употребляются без форманта. При предъявлении карточек с примерами информантам предлагалось заполнить оставленные пропуски и, если возможно альтернативное заполнение, — приписать его на полях.

III. Ответы информантов показали, что при выборе той или иной формы они руководствуются группой факторов. Большую роль играет фактор традиционной стилистики текста — так называемое правило «соответствия» — *дуйчэнь*, которое определяет количественный состав выбора варианта и тип двусложной единицы. Проверяемые единицы в своем большинстве сосуществуют в языке в ряду синонимической «цепочки»: кроме однослога и образованного с его помощью форманта двуслога есть еще двуслог, образованный с помощью другого односложного элемента, а это подразумевает возможное двоякое заполнение оставленного пробела в случае выбора двусложной единицы. Например, «деревня»: *цунь*, *нунцунь*, *цунь чэжуан* и *цуньцзы*; «комар»: *вэнь* (требует специальных условий употребления как однослог), *вэньцзы* и *вэньчун*; «завод»: *чан*, *чанцзы*, *гунчан*. Часто при выборе варианта *дуйчэнь* бывает релевантен именно как количественный фактор: если, например, через союз «и» соединены два однородных существительных с определениями, одно из которых может употребляться с формантом и без него, то выбор будет сделан исходя из количественного состава соотносимой единицы. С этой точки зрения показателен пример со словом *вэньцзы* 'комар' (единица, существующая в языке только с формантом). В предложении *Цинва чи вэнь ин* 'Лягушки питаются комарами и мухами' пропущенная позиция после слова *вэнь* 'комар' осталась незаполненной потому, что это два соотносимых понятия и оба должны быть либо в односложной — *вэнь ин*, либо в двусложной форме — *вэньцзы хэ цан'ин* (слово «мухи» было представлено в односложном варианте). Предложения с перечислением номинативных единиц продемонстрировали выбор количественной формы исходя из количественного состава остальных участников перечисления: если они были односложные — то про-

веряемая единица тоже оставалась односложной, если двусложные — количественный состав проверяемой единицы «дотягивался» до двусложного.

Для выбора правильной формы информантами учитывался и функционально-стилистический характер текста, в котором встречается высказывание. Так, в предложении «Зайцы приносят три-четыре помета в год», по мнению информантов, в зависимости от того, научный это текст или устное высказывание, меняется количественный состав проверяемой единицы «заяц»: *ту* или *туцзы* (хотя как единица вокабуляра «заяц» дается в словарях только с формантом).

В некоторых случаях на выбор определенной формы оказывало влияние место рождения и проживания носителя языка: пекинцы без обдумывания называют форму, более употребительную на севере страны, а уроженцы Шанхая — на юге. Таким образом, фактор территориальной дифференциации тоже оказался релевантным при выборе необходимой формы.

Проверяемые единицы продемонстрировали ситуативную вариативность. Так, единица «стол» с соответствующим определением может появляться то в односложной, то в двусложной форме («примитивный стол» в сочетании с послелогом позволяет двойное употребление). Единица со значением «ящик» в предложении «Что лежит в ящике?» (*Сянцзы ли чжуан дэ жи шэммэ дунси?*) позволяет единственно возможное употребление с формантом. Но если подобный вопрос будет задан в конкретной ситуации (например, во время таможенного осмотра), то единица *сян* будет употреблена в односложной форме: *Чжэ сян чжуандэ ши шэммэ?* (для этого употребления необходимо сочетание с остенсивным фактором).

На выборе необходимой формы сказывается и различие между разговорной (устной) и письменной формами речи. Единица «ложка» (существующая в языке в односложном варианте) в разговорной речи в предложении «Я купил две ложки» употребляется с формантом. В предложении «Две деревни недалеко отстоят друг от друга» в письменной речи возможно употребление *лян цунь*, а в устной — *лянэ цуньцзы* (с формантом). В предложении «Этот завод в техническом отношении опередил другие заводы» в письменной речи возможно употребление *чжэге чан ли*, а в устной речи — *чжэге чанцзы*.

Вместе с тем в некоторых примерах информанты отметили возможность двойного употребления проверяемых единиц (например,

Цун тамэн чан ли /цун тамэн чанцзы ли кэи сюэдао хэн до дунси 'У них на заводе есть чему поучиться'), а также возможность употребления словарной единицы с формантом в роли определения к другой именной единице («заячья клетка» и «зайчатник» — только тулун и туфан, «полипы в носу» — только бисижоу) и употребление словарной единицы с формантом в двусложном варианте с соотносимым односложным словом («Летом крыша сарая была покрыта листьями и лозой сиреневого винограда» — ...и цен цзы путао тэнъе, хотя как единица словаря «листья» существуют с формантом -еуцзы). Последние примеры свидетельствуют о существовании в СКЯ двух видов номинаций —вокабулярной и реляционной, в тексте.

Выявленная многофакторность появления в тексте формантов определяет перспективу дальнейшего исследования роли каждого из них

ЛИТЕРАТУРА

Актуальные вопросы китайского языкознания // Материалы VIII Международной конференции. — М., 1996.

ПРЕДИКАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ И ПРОЦЕСС ПРЕДИКАЦИИ
КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ
МНОГОМЕРНОЙ ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА

Предикативное отношение (ПО) лежит в основе минимальной коммуникативно автономной единицы языка (структуры) предложения. Сущность ПО заключается в том, что один из компонентов бинарной оппозиции — предизируемый (ПК1) — вводит то, о чем говорится: предмет, лицо, целое суждение или событие и пр., а второй — предизирующий (ПК2) — характеризует его, т. е. как-то его описывает или что-то о нем сообщает, причем таким образом, что эта характеристика утверждается актом речи (чем предикативное отношение отличается от атрибутивного, которое, однако, можно рассматривать как «свертку» первого).

Рассматривавшиеся под различными углами зрения компоненты предикативной оппозиции получали различные названия: субъект—предикат, психологический субъект—психологический предикат, референт—предикат, подлежащее—сказуемое, данное—новое, тема—рема, топик—фокус, топик—комментарий, предиканд—предикатор и т. д. На наш взгляд, проблема заключается в универсальности ПО, которое присуще всем прообразам/«постобразам» предложения на всех уровнях реальной (т. е. психологической) глубинности/поверхности при порождении/восприятии. «Двучленность суждения, видимо, генетически обусловила двучленность простого предложения и саму ядерную структуру простого предложения» [Солнцев 1984, 8]. Предложение «в чистом виде» есть элементарный знак, материальный объект [Солнцев 1977], лишь подлежащий осмыслению («означиванию»), т. е. поэтапному снижению степени «поверхностности». Обычно под «поверхностной» понимается синтаксическая структура, которая на самом деле таковой является лишь условно, поскольку чистая поверхностность — материальность (в отвлечении от носителя знака). Таким образом, материальный знак мы принимаем за нуль отсчета по горизонтальной оси порождения (направление «минус») — восприятия (направление «плюс»). Иными словами, когда мы говорим о структуре, мы уже имеем дело с глубиной. Именно этим объясняется онтологическое противоречие, постоянно возникающее при попытках определения лингвистического статуса фигурирующих в прикладном языкознании

«глубинных структур» [Солнцев 1976]. Таким образом, при условном первом («±1») отражении знака мы имеем дело с целостным объектом, который затем «распадается» («±2») на «синтаксические» ПК1 и ПК2, при дальнейшем «осмыслении» последовательно переходящие в «семантические» («±3, 4, 5... n») пары ПК1_к—ПК2_к. На определенном уровне «глубины» ПК-структура перестраивается в теньеровскую схему «предикат + совокупность равнотеневых актантов» (актант ПК1 теряет свое коммуникативное превосходство), а затем структура становится вообще неязыковой, т. е. визуальной («картинной»), — переходит в образ ситуации, где актантам соответствуют образы предметов, а предикату — осознаваемые связи между ними. Так язык участвует в создании системной картины мира. Процесс преобразований $0 \rightarrow \pm 1 \rightarrow \pm 2 \rightarrow \pm 3 \rightarrow \pm 4 \rightarrow \pm n \dots$, т. е. коммуникативно обусловленный перманентный взаимный переход бинарных структур, мы называем предикацией, а саму последовательность — предикационной цепью. Предикация представляет собой «техническую» основу коммуникации. Материальный знак («нуль отсчета по горизонтали») представляет собой центральное звено при движении от «картинки» в сознании говорящего к «картинке» в сознании слушающего через серию преобразований бинарных структур ПК1_к—ПК2_к.

Предикативная оппозиция наиболее явно выражена в высказываниях «расчлененного» типа, которые употребляются, например, в литературном и разговорном китайском языке, преобладают в спонтанной русской речи. По данным экспериментальных исследований [Ахутина 1989], разделенный тип структуры является базовым или, по крайней мере, обязательным при порождении/восприятии.

Как показано нами ранее [Курдюмов 1993], подавляющее большинство вариантов структурных отношений генетически производны от предикативного. Опять же, наиболее эксплицитно это прослеживается в китайском языке, где существует категория так называемых глаголов-предлогов, а предикативный тип словосочетания не обязательно формирует ядро предложения, поскольку может полностью входить в состав ПК2. Иными словами, синтаксическая/семантическая структура уровней ниже исходного («нулевого» — уже по вертикали) предложения: словосочетание, слово, морфема — сводимы к бинарной структуре предложения. С другой стороны, уровни «выше» предложения: ССЕ, текст, супертекст, интертекст — семантически развертывают некую идею или совокупность идей говорящего и подлежат

обратному свертыванию в сознании слушающего. Таким образом, предикативная структура первична и универсальна для всех языковых уровней: над предложением («нуль по вертикали») мы имеем дело с «развертками» («плюс»), а под ним — со «свертками» («минус»). Ось предикационной цепи и ось уровней формируют двухмерную систему, в которой могут быть локализованы многие традиционные лингвистические понятия, например, лексические денотат (х — «картинка» предикационной цепи, у — уровень слова) и сигнификат (х — любая из структур ПК1–ПК2; у (уровень слова) и т. п.

Третью ось динамической модели образует синтактика — линейная последовательность одноранговых знаков. При помощи этой оси описываются: речь (х — нуль предикационной цепи), языковое ($x_1, 2, 3, \dots, n$ — все ПК-структуры предикационной цепи) и неязыковое ($x_1, 2, 3, \dots, n$ — все «картиночные» структуры предикационной цепи) сознание.

Фонемное и «денотативное» «наполнение» динамических структурных рамок могут интерпретироваться либо как дополнительные оси (система становится многомерной), либо как некие «вещественные» среды, «псевдоматерия», «эфир» языка.

Таким образом, перемещение «центра системы» с лексического на предикативный уровень и введение понятия предикационных преобразований позволяет создать многомерную динамическую системную модель языка как идеальной объекта изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахутина Т. В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. — М.: Изд-во МГУ, 1989.
- Курдюмов В. А. Предикация и предикативность в китайской и русской речи. Дисс.... канд. филол. наук. — М.: ВАЭФП, 1993.
- Солнцев В. М. Грамматическая структура и актуальное членение предложения // Восточное языкознание: грамматическое и актуальное членение предложения. — М.: Наука, 1984.
- Солнцев В. М. Относительно концепции «глубинной структуры» // ВЯ. 1976. № 5.
- Солнцев В. М. Языковой знак и его свойства // ВЯ. 1977. № 2.

ОБРАЩЕНИЯ ПО ПОРЯДКУ СТАРШИНСТВА
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Своего рода микросистему в системе родственных обращений составляют обращения, содержащие указание на порядок по старшинству *пайхан*, т.е. на последовательность рождения адресата в данной группе родственников того или иного поколения. Термины родства при этом получают дополнительные детерминативы: *да* 'старший', *эр* 'второй', *сань* 'третий' и т.д. Эта группа родственных обращений имеет свои истоки в древности.

Обращения по порядку старшинства занимают важное место в системе обращений и у современных китайцев. Китайский лингвист Лу Цзяньцзи приводит пример такого рода обращений к адресату, родившемуся до 1949 года третьим сыном в большой семье:

1. Детское имя адресата: *сяосаньэр*, *саньэр*, *саньдэ*...

II. Родственники обращались к нему следующим образом:

В детстве:

а) представители старшего поколения: *саньсяоцзы* 'третий сын'; *саньэр* 'третий сын';

б) старшие братья и сестры: *саньди* 'третий младший брат';

в) младшие братья и сестры: *саньгэ* 'третий старший брат';

г) двоюродные братья и сестры: *саньбяогэ* 'третий двоюродный старший брат'; *саньбяоди* 'третий двоюродный младший брат';

д) старшие и младшие братья отца: *саньчжицзы*, *саньчжиэр* 'третий племянник';

е) братья и сестры матери: *саньвайшэн* 'третий племянник'.

Во взрослые годы:

а) представители старшего поколения и старшие братья и сестры: *лаосань*;

б) дети братьев: *саньшу*, *саньбофу*, *саньдабо*, *саньдае* 'третий дядя', 'третий старший дядя';

в) дети сестры: *саньцзю* 'третий дядя'.

III. Неродственники могли обращаться к нему следующим образом:

В детстве:

а) уважительно: *саньшаоэ* 'третий молодой барин';

б) неофициально: *сяосаньэр*, *саньэр*.

В молодости:

а) уважительно: *саньшаое* 'третий молодой барин', *санье* 'третий барин';

б) неофициально: *лаосань*.

В зрелом возрасте:

а) слуги и другие: *саньлаое* 'третий почтенный господин'.

В почтенном возрасте:

а) слуги и другие: *саньлаодае* 'третий почтенный господин'.

Приведенный выше пример является типичным, но в реальной жизни данная система гораздо сложнее. Порядок старшинства индивидуума остается неизменным. Но брачные отношения могут придать этому порядку «двойственность», так как супруги кровных родственников, например, нумеруются в соответствии с детерминативом в терминах своего мужа или жены. Например, если жена в своем родительском доме по старшинству вторая, то родственники из ее семьи обращаются к ее мужу: *эргуе* 'муж второй дочери', *эрнюйсюй* 'зять', *эрцзефу* 'муж второй старшей сестры', *эрмэйфу* 'муж второй младшей сестры', *эръифу* 'муж второй тети' (по материнской линии) и т. д.

Если муж по старшинству третий в семье, то его родственники обращаются к его жене: *саньсифу*, *саньэрсифу* 'невестка, жена третьего сына', *саньдимэй* 'жена третьего младшего брата', *саньсао(цзы)* 'жена третьего старшего брата, невестка', *саньдама*, *саньбомэй* 'третья тетя' (по линии отца).

В обращениях по порядку старшинства детерминатив *да* имеет значение 'первый, старший'; *сяо* и *лао* имеют значение 'самый последний'. Обычно *сяо* и *лао* в этой функции взаимозаменяемы, например: *сяогуйнюй* и *лаогуйнюй* обозначают одно и то же лицо — 'самая младшая последняя дочь'. Но в некоторых условиях такая замена невозможна, например, в обращении *сяоди* 'младший брат' *сяо* не может быть заменено на *лао*, поскольку в *лаоди* *лао* не является показателем порядка по старшинству, а само обращение *лаоди* означает 'дружище'.

Обращения по порядку старшинства имеют несколько формул:

1) «фамилия + обращение по порядку старшинства», например: *Ли сые* 'четвертый дедушка Ли'; *Ван лаоу* 'пятый Ван'; *Чэнь сяосаньэр* 'третий младший Чэнь';

2) «х *цзя* + обращение по порядку старшинства», например: *Чжан цзя сышаое* 'четвертый молодой барин из семьи Чжан'.

Эта формула используется только для именованя третьего лица, но не может использоваться в качестве прямого обращения;

3) «физиологические особенности + обращение по порядку старшинства», например: *тобэй ушаое* 'горбатый пятый молодой барин'; *кэба саньшу* 'заикающийся третий дядя';

4) «пространственная особенность + обращение по порядку старшинства», например: *лиюань дацзе* 'старшая сестра из внутреннего двора'; *сяоу дашу* 'старший дядя из маленькой комнаты'.

Такого рода обращения могут использоваться, как правило, к неродственникам как для их именованя, так и для прямого обращения.

Существуют определенные закономерности в постановке ударения в рассматриваемых обращениях. Ударение в таких обращениях падает, как правило, на термин родства, а не на морфему, обозначающую порядок старшинства, например: *саньцзю́* 'третий дядя (брат матери)'; *саньшү́* 'третий дядя (брат отца)'.

Но в разговоре при противопоставлении ударение может сместиться на морфему, обозначающую порядок старшинства, например: *во чжао сáнь цзю́*, *бу чжао сү́ цзю́* — Я ишу третьего дядю, а не четвертого.

Если формула «сяо/лао + числительное» используется как обращение, то ударение падает на числительное, например: *лаосáнь*; *сяоэр*.

В формулах «далао + обращение» смещение ударения играет смысловозначительную роль, например: если в обращении *дагу́нян*, ударение падает на *да*, то *да* обозначает порядок старшинства — 'старшая', если ударение падает на *гу* (*дагу́нян*), то *да* в этом случае не выражает порядок старшинства, а означает 'взрослая'.

Соответственно, обращение *дагу́нян* имеет в этом случае значение 'взрослая дочь'.

Аналогично, если в обращении *лаогу́нян* ударение падает на *лао*, (*лаогу́нян*), то оно имеет значение 'последняя младшая дочь'; в случае ударения на *гу* (*лаогу́нян*) — 'старая дева'.

Обращения по порядку старшинства предназначены главным образом для обозначения родственников внутри семьи или семейного клана, но существуют и исключения из этого правила. Например, до образования КНР такие обращения использовались между названными братьями, членами феодальных цехов. В публичных домах хозяйка давала девушкам обращения по порядку старшинства. Обращения по порядку старшинства использовались среди представителей некото-

рых профессий и людей определенного социального статуса. Например, еще во время династии Сун хозяина лавки называли *дагэ* 'старший брат', а приказчика или компаньона — *эргэ* 'второй старший брат'; постепенно образовались такие обращения, как *дяньсяозэр* и *сяозэргэ* 'приказчик'. Рулевого на корабле *дошоу* называли *чуаньлаода*.

В китайском языке существует ряд эвфемизмов, имеющих форму обращений по порядку старшинства. Как правило, это диалектизмы. Например, в Сычуане бандитов называют *лаозэр* 'второй' или *баньэрье* букв. 'дубина второй дед'. Посетителей публичных домов в Пекине раньше называли *эрье* 'второй батюшка'. В диалектах Северо-Восточного Китая волка называют *чжансань*. Особенностью таких эвфемизмов является то, что в языке нет соответствующих обращений.

Некоторые обращения по порядку старшинства в различных диалектах имеют особое значение и носят характер табу. Например, в некоторых районах Шаньдуня избегают обращения *лаода* 'старший' и *дагэ* 'старший брат'. Причина заключается в том, что эти обращения ассоциируются с персонажем У Даланом, который не только имел неприятную внешность, но и жена была ему не верна. Чтобы избежать неприятных ассоциаций исключили из использования даже обращение *лаозэр*, так как им должен был именоваться младший брат У Далана. Поэтому в этой местности указанные обращения являются табу, но имеется обращение *лаосань*, к незнакомому мужчине можно обратиться *саньгэ* 'третий старший брат'. А в некоторых диалектах Северного Китая табу является обращение *лаозэр*, так как этот эвфемизм используется в этих местах для обозначения мужского полового органа. Таким образом, выше приведенные примеры свидетельствуют о различии в системах обращений в путунхуа и диалектах Китая.

SUMMARY

The article deals with one type of modern Chinese addresses. Conditions under which order-of-seniority addresses function are analysed.

АФФИКСАЦИЯ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Традиционно древнекитайский язык считается изолирующим языком, т. е. языком без аффиксации. Однако уже Карлгрен в 1934 г. на основе своей реконструкции составил список возможных чередований, как морфологических, так и морфонологических. В дальнейшем наличие аффиксации отмечалось многими авторами [Яхонтов 1959; Pulleyblank 1962, 1963, 1973; Forrest 1965; Старостин 1989], но ими приводились лишь отдельные примеры без семантического анализа этих морфем. Некоторые авторы [Чжоу Цзumo 1957; Ван Ли 1982a, 1982b], хотя и не писали об аффиксации, отмечали семантические изменения, вызванные сменой среднекитайских тонов.

В общей сложности было отмечено наличие следующих аффиксов: суффиксов **-h* и **-ʔ*, падение которых в среднекитайском привело к образованию падающего и восходящего тонов соответственно и медиали (интерфикса) **-r-* (данная работа основана на реконструкциях С. А. Старостина).

Нами был проведен анализ этих морфем и были получены следующие результаты.

I. Суффикс **-h* восходит к архаическому суффиксу **-s*, который мог сочетаться с любой терминалью. В доклассическом языке *-s* перешел в *-h* [но *-ks*, *-s* > *-h*, *-ps*, *-ts*, *-js* (после узких неогубленных гласных) > *-č*]. Ранее отмечалось, что у этого суффикса есть не одно, а как минимум два значения: преобразование существительного в глагол и глагола в существительное, что позволило провести параллель между ним и тибетским *-s*.

Вопрос о частях речи в древнекитайском языке вызывает много споров, так как морфологических критериев для их выделения не существует. Большинство слов может выступать в любой синтаксической позиции, поэтому можно говорить лишь о семантических частях речи. Те глаголы и существительные, о которых говорилось выше, являются семантическими, а не синтаксическими частями речи. (В дальнейшем под словами «имя» и «глагол» будут пониматься именно семантические части речи.)

У нас имеется четыре случая словообразования: имени и глагола от глагола и имени и глагола от имени. Следует подчеркнуть, что образованные имена отличаются по смыслу от образующих их глаголов

в позициях актантов. Другими словами, если некоторое слово, которое, исходя из частоты употребления в позиции предиката, переводится в словаре глаголом, занимает в предложении позицию актанта, то оно является отглагольным именем, т. е. S(0) по Мельчуку. В рассматриваемых нами случаях образованное от глагола имя выступает в роли его актанта, т. е. происходит смена модели управления. О глагольном словообразовании следует сказать следующее. Если слово N, статистически считающееся именем, попадает в предикативную позицию, оно приобретает значение «*быть N*», «*использоваться в качестве N*» и т. д. В рассматриваемых нами случаях, как будет показано ниже, образованный глагол не всегда имеет значение, типичное для существительного в предикатной позиции.

Данные преобразования очень напоминают лексические функции, описанные Мельчуком, только происходящие на семантическом уровне. Поэтому, нам кажется, их было бы естественно назвать семантическими функциями. (Название этих функций, да и сам этот термин нельзя считать окончательными. В дальнейшем, когда эта область семантики будет более исследована, этот термин может быть заменен на более точный. Но поскольку работ по теории номинации, касающихся этих проблем, нет, мы придерживаемся этой терминологии.)

Итак, рассмотрим функции, чьей областью действия являются глаголы. Когда областью значения также являются глаголы, они, в большинстве случаев, синонимичны или квазисинонимичны исходным. Возможно, детальное исследование контекстов позволит определить эту функцию, а значит, и значение суффикса.

В случае же образования имени можно говорить о нескольких функциях. (Следует отметить, что к некоторым словам, например *хранить*, могут применяться две разные функции и образовываться два разных слова — *запасы*; *то, что хранят и хранилище*.)

1) S(2) — имя обозначает прямое дополнение, например, *сесть, ехать в повозке* — *повозка*;

2) Instr — имя обозначает инструмент в самом широком смысле слова, например, *стрелять* — *праща*;

3) Loc — имя обозначает место действия (в случае стативного глагола): *прятать, хранить* — *хранилище*, либо конечную точку (в случае динамичного): *подниматься* — *верх*;

4) Res — имя обозначает результат: *выставить, расставить* — *боевой порядок*.

5) S(1) — в отличие от предыдущих случаев, имя является не объектом, а первым актантом: *следовать* — *последователь, сопровождающий*.

Теперь рассмотрим преобразования имени. Как и в случае с глаголами, образованное от имени имя является либо его синонимом, либо квазисинонимом. Говоря об образовании глаголов, можно выделить три функции:

1) Func — глагол обозначает действие, для которого предназначено, которое производят с помощью имени или осуществляется именем: *соль* — *солить*, *дождь* — *идти (о дожде)*;

2) Res — глагол обозначает действие, результатом которого является имя: *траур*, *похоронный ритуал*, *тело покойного* — *умереть*; *утрачивать*, *жена* — *выдать замуж*;

3) Mov — глагол обозначает движение к точке, обозначаемой именем: *низ* — *опускаться*.

II. Слов, которые образуются с помощью суффикса *-ʔ и медиали *-r-, меньше, чем слов, образованных суффиксом *-h. Как показывают полученные данные, они имеют практически те же значения, что и *-h. Возможно, что эти морфемы своего значения не имели, а использовались для маркирования новых слов по аналогии с этим суффиксом.

Таким образом, можно сказать, что в древнекитайском языке происходили следующие процессы. В некоторых случаях от семантического имени или глагола образовывались семантически с ним связанные глагол или имя. Механизм образования можно описать с помощью конечного числа семантических функций.

Впоследствии этот новый смысл оформлялся морфологически суффиксом *-h, приводя к появлению нового слова, которое либо продолжало записываться тем же иероглифом, либо приобретало новое начертание. Следует подчеркнуть, что это никак не сказывалось на их синтактике, т.е. и «старое», и «новое» слово могли употребляться в любой синтаксической позиции. Такое смысло- и словообразование было нерегулярным, и область действия функций задается списком. Тем не менее оно позволяет говорить о наличии в древнекитайском семантических частей речи и словообразовательной морфологии, что, в свою очередь, позволяет провести сравнение древнекитайской морфологии с морфологиями других сино-тибетских языков.

ЛИТЕРАТУРА

- Старостин С. А. Реконструкция древнекитайской фонологической системы. — М., 1989.
- Яхонтов С. Е. Фонетика китайского языка I тысячелетия до н. э. (система финалей) // Проблемы востоковедения. — М., 1959.
- Forrest C. A. D. The Chinese language. — London, 1965.
- Pulleyblank E. G. The consonantal system of Old Chinese // Asia Major. V. 9. Pt. 1. 1962; Pt. 2. 1963.
- Pulleyblank E. G. Some new hypotheses concerning word families in China // Journal of Chinese linguistics. V. 1. Pt. 1. 1973.
- Ван Ли. Тунхой цзыдянь. — Пекин 1982а.
- Ван Ли. Ханхой иньюэсюэ. — Пекин, 1982б.
- Чжоу Цзумо. Ханьюй иньюнь луньвэнь цзи. — Шанхай, 1957.

SUMMARY

For a long time Chinese was considered to be a language without affixation, although many scientists noted the existence of some affixes.

Our research allows to prove the occurrence of such affixes as suffixes *-h* and *-ʔ* and interfix *-r-*.

Suffix *-h* has two functions: it forms semantic nouns from semantic verbs and vice versa. All the nouns formed with the suffix can be divided into 5 groups according to their meanings: direct objects, instruments, locatives, results and second actants. The verbs can be divided into 3 groups: functors, results and movements. The suffix *-ʔ* and the interfix *-r-* almost in all cases have the same meaning as suffix *-h*.

The process of forming new words can be described in the following way. A semantic noun (or verb) gets the new meaning of a verb (noun). Then the new meaning is marked by the suffix and becomes a new word. This new word can be written by the «old» character or by a new one. It should be underlined that we speak about semantic parts of speech and in the text the word with the suffix and without it can be a predicate or a subject/object according to the syntactic position.

Although this suffix is not productive and operates on several dozens of words it can not diminish its significance for the following research. The existence of the suffix *-h* allows us to continue research in that field which gives an opportunity to investigate the Sino-Tibetan morphology.

ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ МАТЕРИКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИКОНИЧНОСТИ

Типологическая классификация языков может строиться по разным основаниям. В данном случае в ее основе лежит принцип иконичности, под которым подразумевается соответствие между структурой высказывания и отражаемой ею структурой внеязыковой действительности. Следует отметить, что практически полного одно-однозначного соответствия между ними никогда не наблюдается, иначе высказывание получилось бы чрезвычайно громоздким и неудобным для передачи и хранения информации. Вместе с тем нет языков, структура которых не имела бы ничего общего со структурой реального мира. «Моделируя действительность», — пишет Н. Д. Арутюнова (1983), — язык всё больше от нее отделяется, становится всё более абстрактным», но в то же самое время действительность в свою очередь «давит на язык, стремясь запечатлеть в нем свои черты; в ходе осуществления референции язык ищет путь к действительности, аккумулируясь в речи».

Между перцептивной действительностью и готовым высказыванием находится процессор в виде головного мозга, который в ходе операции мышления производит обработку уже имеющейся в нем или вновь поступающей информации и выдает ее в переработанном виде. в форме вербальной речи. Мозг можно сравнить с предприятием, занятым переработкой сырья и превращением его в готовую продукцию.

У разных народностей степень переработки в мозгу информации неодинакова. В ходе освоения сознанием внешнего мира и обработки полученной информации происходят категоризация фактов и переранжировка событий и явлений. В конечном итоге в результате мыслительных операций на выходе (в речи говорящего) действительность предстает в той или иной мере в искаженном виде. В одних случаях она находит более полное, прямое отражение, а других, напротив, более переработанное, препарированное по логическим схемам. Хотя в обоих случаях информация на выходе может быть адекватной в содержательном плане, языки первого типа называются аналогическими, или иконическими, а второго типа — логическими, или абстрактными.

Степень переработки и как результат этого несоответствие между объективной действительностью и языковой манифестацией в различ-

ных языках служат основанием для их сравнения и типологической характеристики по этому признаку.

В настоящем докладе предметом обсуждения служат изолирующие языки материковой Восточной и Юго-Восточной Азии, как то: китайский, вьетнамский, кхмерский и тайские в лице лаосского. Эти языки сопоставляются сквозь призму иконичности, более того, сопоставляются не их структуры в целом, а только фрагменты их структуры, а именно глагольно-объектные конструкции с опосредованной связью.

В качестве опосредующих, или связующих, элементов в этих языках выступают преимущественно слова (морфемы) глагольного происхождения. Слова такого рода у различных авторов имеют разные названия: предлоги, глаголы-предлоги, окказиональные предлоги, предглаголы, постглаголы и т. д. Для данной работы дефиниции этих слов нерелевантны. Условно назовем их «параглаголы». Главное — это их этимологическая прозрачность, узнаваемость, позволяющие проследить эволюцию синтаксических форм.

Данные обследуемых языков свидетельствуют о том, что порядок расположения компонентов в предикатно-актантных структурах в большинстве случаев соответствует очередности событий в реальной действительности. Ниже приводятся примеры иконических структур, по три от каждого языка.

кит. *dui wo zhao shou* 'помахать мне рукой' (букв. стоять лицом к я махать рука); *deng zai bozi shang* 'написать в тетради' (букв. записывать находиться тетрадь верх); *fiao guo zhe zhangai* 'преодолеть это препятствие' (букв. прыгать пересекать это препятствие).

вьет. *ném đá vào sân* 'бросить камень во двор' (букв. швырять камень входить двор); *lấy chân đập vào cửa* 'ударить ногой в дверь' (букв. брать нога ударять входить дверь); *đặt gánh ở trên thềm* 'положить коромысло на крыльцо' (букв. класть коромысло находиться крыльцо).

лао. *khii⁵ lot³ maa²* 'приехать на машине' (букв. ехать верхом машина приходить); *at¹ pa¹tuu² sai⁵ ka-see²* 'закрыть дверь на замок' (букв. закрывать дверь класть замок); *muu¹juu⁵ khəək hɔ̀ng uut⁵-iit⁵* 'свинья визжит в загоне' (букв. свинья находиться загон кричать визг).

кхм. *dam sreu jəək kroap* 'сажать рис на зерно' (букв. сажать рис брать зерно); *nijeai dak muk* 'сказать в лицо' (букв. говорить класть в лицо); *dae trontron neu kraom chat* 'дрожа идти под зонтом' (букв. идти дрожа находиться под зонт).

Как следует из вышеприведенных примеров, актанты вместе со связующими морфемами могут располагаться как в препозиции, так и в постпозиции относительно основного глагола в соответствии с порядком следования событий и явлений в концептуальном мире. Это значит, что между иконичностью/неиконичностью данной предикатно-актантной структуры и местоположением в ней актанта того или иного рода нет прямой зависимости.

Для китайского языка в целом характерно препозиционное расположение актантов с опосредованной связью. Из двух десятков наиболее часто встречающихся связующих морфем только несколько могут находиться как в препозиции, так и в постпозиции. При этом одна структура будет естественной иконической, а другая — противоестественной, неиконической. Ср.:

а) *xiang zhuo bian zou lai* 'подойти к столу' (букв. поворачиваться к стол край идти);

б) *zhou xiang shu she* 'идти по направлению к общежитию' (букв. идти поворачиваться к общежитие).

В примере а) порядок слов соответствует естественному ходу событий: некто поворачивается в определенном направлении и идет туда, а в примере б) структура фразы не соответствует очередности событий в действительности, т. е. сначала сообщается о движении, а потом о векторе этого движения, хотя в жизни все происходит наоборот: сначала определяется направление движения, а затем начинается само движение.

в) *ba yi feng xin song gei ta* 'Направить ему письмо' (букв. брать один экземпляр письмо посылать давать он);

г) *gei ta song yi feng xin* 'Направить ему письмо' (букв. давать он посылать один экземпляр письмо).

В этих фразах позиция актанта с морфемой *gei* 'давать' один раз, в примере г), иконически неоправданна, так как нельзя поручать что-либо кому-либо до того, как предмет послан, а другой раз, в примере в), иконически оправданна: действия названы в порядке их следования в действительности.

По мнению Е. И. Шутовой (1991), различие между постпозиционным и препозиционным актантами с одной и той же связующей морфемой состоит в том, что в первом случае выражается категория способа действия, а во втором — категория обстоятельственной характеристики. По большому счету это возможно и так. Но практиче-

ски такое различие не всегда является очевидным. Как мне представляется, главное различие между двумя структурами заключается не столько в содержательном плане, сколько в коммуникативном аспекте, а именно в степени коммуникативной значимости, выделяемости того или иного компонента сообщения. В конце фразы эти признаки более эксплицитны, чем в начальной позиции, так как конечная позиция является коммуникативно релевантной — позиция фокуса. А с точки зрения содержания, эти структуры можно считать тождественными.

Как уже отмечалось, в китайском языке двупозиционными являются всего несколько актантов с определенными связующими морфемами, а остальные — однопозиционные. Для преодоления традиционных норм иногда используются служебные слова из древнекитайского языка, в котором допускалась более свободная аранжировка приглагольных актантов. Это прежде всего многоцелевой предлог *yu*: *zhang yu zia gu wen* 'явствуется из надписей на костях и черепаших панцирях' (букв. видеть из черепаха кость надписи).

В тайских, вьетнамском и кхмерском языках, наоборот, наблюдается тенденция к постановке актантов в постпозицию к основному смысловесущему глаголу. В препозиции находятся преимущественно актанты со значением орудия, материала, средства осуществления действия, частично местонахождения и, редко, некоторые другие. При этом следует иметь в виду, что между позицией актанта в структуре фразы и его семантико-синтаксическим значением нет прямой связи. В различных языках в одной и той же позиции могут находиться актанты с неодинаковыми семантико-синтаксическими значениями и, наоборот, актанты с одной и той же семантикой могут занимать разные позиции. Позиция актанта во фразе определяется прежде всего исходными семантико-синтаксическими свойствами опосредующего элемента. Одна и та же синтаксическая функция в разных языках, несмотря на различие позиций, может вписываться в естественный ход событий. Ср.:

кит. *wang he bian rao qu* 'бежать к реке' (букв. брать курс на река край бежать удаляться);

лао. *lon² pai² haa¹ naat³* 'бежать к реке' (букв. бежать удаляться искать река);

кхм. *taej paej tanih nih* 'подойти к этому человеку' (букв. подходить искать человек этот).

В индокитайских языках в препозиции регулярно встречается только один семантический вид актантов: актант со значением орудия, средства, способа осуществления действия. При этом в качестве связующего элемента используются глагольные морфемы со значением «брать», «использовать» и т. п., например:

вьет. *dùng súng bằng roi máy bay* 'сбить самолет из винтовки' (букв. использовать винтовка стрелять свершаться самолет)

кхм. *jəək dom thmɔ̌ mək caol kbaal mənuh nuh* 'запустить камнем в голову этому человеку' (букв. брать камень приходить бросать голова человек этот)

лао. *aw² muu² khwaak⁶ nɔ̌ng³* 'помахать сестре рукой' (букв. брать рука махать сестра).

В тайских и вьетнамском языках в препозиции могут находиться также локативные актанты, указывающие на исходное положение, например:

вьет. а) *từ trong nhà ra đi* 'выйти из дома' (букв. покидать нутро дом выходить удаляться); б) *ở Hà Nội sang Hải Phòng* 'из Ханоя поехать в Хайфонг' (букв. находиться Ханой ехать Хайфонг),

лао. а) *saak⁵ viang²-can² pai² luang¹-pha³-baang²* 'из Вьентьяна поехать в Луангпхабанг' (букв. покинуть Вьентьян поехать Луангпхабанг); *juu⁵ hyan² thoo² haa¹ mui⁵* 'звонить друзьям из дома' (букв. находится дом звонить искать друзья).

Совершенно очевидно, что вышеприведенные конфигурации принадлежат к числу канонических. Хотя препозиция актантов с инструментальным и отложительно-местным значением, казалось бы, является самой естественной: нельзя делать что-либо без того, чтобы раньше не взять орудие труда, и нельзя двинуться куда-либо без того, чтобы не покинуть исходное место, тем не менее актанты такого рода могут находиться и в позиции следования. При этом связь актанта с основным глаголом, как правило, опосредуется предлогами, утратившими связь с их глагольными этимонами. Это такие морфемы, как *bằng, với* во вьетнамском, *nam², duai³* в лаосском, *nung, daoi* в кхмерском. Например: вьет. *về nhà bằng xe đạp* 'вернуться домой на велосипеде'; кхм. *croun sreun nung kandien* 'жать рис серпом'; лао. *khaam⁶ faak³ nam² hya²* 'переправиться на другой берег на лодке'

Что касается отложительно-местных отношений, то они выражаются либо посредством глаголов со значением «покидать», «остав-

лять», либо посредством предлогов, этимология которых почти или совсем утрачена, например:

кхм. *məx pii srok khmae* 'прибыть из страны кхмеров' (букв. прибывать из страны кхмеры)

вьет. *ra khỏi phòng* 'выйти из комнаты' (букв. выходить избегать комната)

лао. *maə² tɛɛ⁵ lat³-Sia²* 'приехать из России' (букв. приходить из Россия)

Структуры с постпозиционными инструментальным и отложительно-местными актантами, в отличие от соответствующих препозиционных структур, являются неканоническими. Появлением актанта такого рода в постпозиции эти языки, очевидно, обязаны стремлением их носителей к уподоблению позиций одноуровневых синтаксических функций. Нельзя также исключать влияния синтаксиса европейских языков.

Рассмотренный выше фрагмент структуры китайского, вьетнамского, кхмерского и тайских языков подтверждает, что на данном участке структуры указанных языков в общем существует соответствие порядка слов в предложении очередности событий в реальной действительности. Однако это соответствие отнюдь не полное, имеются определенные отступления от принципа иконичности, вызванные коммуникативными потребностями. По-видимому, слишком категоричным был Джеймс Тай (1985), когда писал, что «в китайском языке наблюдается полный изоморфизм между концептуальным миром и порядком слов» и что «китайский язык дает нам любопытный пример языка, в котором порядок слов самым естественным образом соответствует ходу мысли».

Данные рассматриваемых языков также свидетельствуют о том, что предикатно-актантные структуры китайского и трех названных языков принципиально разные. В первом все актанты в большинстве случаев располагаются в порядке логического развертывания мысли перед основным глаголом, а в трех других, напротив, они располагаются после основного глагола, также следуя в основном принципу иконичности. Это можно и рассматривать в качестве одного из свидетельств типологической близости вьетнамского, кхмерского и тайских языков друг к другу и их противоположения китайскому языку по такому существенному параметру сопоставления языков, как иконичность.

ДРЕВНЕКИТАЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ

1. Во вьетнамском языке существует, как известно, большое количество китаизмов, которые разделяются главным образом на два типа: ханвьетские (вошедшие во вьетнамский язык в конце династии Тан — IX в. н. э.) и древнеханвьетские (вошедшие до IX в. н. э.).

2. Китаизмы — ценный живой материал для изучения истории китайского и вьетнамского языков, особенно для реконструкции древнекитайского языка. Этому аспекту уделяли внимание многие ученые (Г. Масперо, А. Г. Одрикур, Ван Ли, Нгуен Тай Кан, Вьонг Лок, С. Е. Яхонтов, С. А. Старостин и др.)

3. Древнеханвьетские элементы способствовали реконструкции более древних черт сравнительно с ханвьетским. К сожалению, список древнеханвьетских элементов оказался небольшим (А. Г. Одрикур — 70 слов; Ван Ли — 113 слов, Вьонг Лок — 332 слов).

4. Необходимо разработать критерии для определения древнеханвьетских элементов в отличие от других слоев китаизмов во вьетнамском языке и вычленил новые древнеханвьетские элементы.

5. Необходимо изучение и других сторон (не только в историческо-фонетическом плане) древнеханвьетских элементов.

ГЛАГОЛЫ ЭМОЦИЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ ЧЕЛОВЕКА

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Являясь обозначениями предметов, признаков и явлений действительности, слова отражают и отношения между ними в объективной реальности. Кроме того, слова как лексические единицы объединяются отношениями внутри языковой системы. Они образуют определенные лексико-семантические группы, которые членят языковую действительность своим особым способом в каждом языке.

Выражаемые в языке значения складываются в коллективную философию, которая принимается всеми носителями языка. Носители разных языков видят мир через призму своих языков, немного по-разному. Этот способ восприятия и организации мира «наивен» (отличается от научного), но не примитивен, так как отражает опыт интроспекции десятков поколений [Апресян, 1995].

Языковая картина человека складывается из языкового описания основных систем человека: физического восприятия, физиологических состояний, физиологических реакций, физических действий, желаний, мышления, эмоций, речи.

Эмоциональная система — одна из самых сложных систем человека (сложнее эмоций только речь), так как в возникновении, развитии и проявлении эмоций принимают участие практически все остальные системы человека — восприятие, физиологические реакции, интеллект, физические системы (в частности, разнообразная моторика, включая мимику) и даже речь. Это находит свое отражение в языке. Лексико-семантические группы слов, связанных с эмоциями, едва ли не самые многочисленные в любом языке и, следовательно, представляют несомненный исследовательский интерес.

Цель данного исследования — показать особенности концептуализации китайцами понятия «любить» путем анализа лексико-семантической группы глаголов СКЯ с родовым значением «любить». Было рассмотрено 19 глаголов, так или иначе выражающих исходное значение. Причем у 15 из них имеется общий формальный компонент *ai*⁴ 'любить', позиция которого не фиксирована (может находиться и на первом, и на втором месте). Семантические связи глаголов представ-

лены на матрице, которая была составлена на основе словарных толкований 19 глаголов. Исходя из того, что одна и та же лексическая единица может быть и самостоятельным словом, и компонентом значения другого слова [Вилломан, 1980], по одной стороне матрицы располагаются слова, а по другой — их семантические компоненты, зарегистрированные хотя бы в одном толковании. В результате выявлено 11 семантических компонентов, использующихся для толкования других слов. Самым активным семантическим компонентом является $xi^3 ai^4$, зарегистрированный в восьми толкованиях.

Сравнение толкований проводилось по словарям: « $Xin^1 xian^4 dai^4 han^4 yu^3 ci^2 dian^3$ » («Новый толковый словарь современного китайского языка»), « $Xian^4 dai^4 han^4 yu^3 tong^2 yi^4 ci^2 ci^2 dian^3$ » («Словарь синонимов современного китайского языка»), « $Han^4 e^2 ci^2 dian^3$ » («Русско-китайский словарь»). Сравнение толкований показало, что все названные глаголы имеют хотя бы один общий семантический компонент и один или несколько различных. Так, глагол $jing^4 ai^4$ 'читать, любить (кого)' ассоциативно связан с группой глаголов со значением «уважать», так как кроме семантического компонента $re^4 ai^4$ 'горячо любить' имеет еще и семантический компонент $zun^1 jing^4$ 'читать, уважать (кого)'. Следовательно, глагол $ai^4 dai^4$ 'любить, читать (кого)', одним из семантических компонентов которого является $jing^4 ai^4$, опосредованно связан и с группой глаголов со значением «любить», и с группой глаголов со значением «уважать». Так же, как и глаголы $lian^4 mu^4$ и $qing^1 mu^4$ 'обожать, увлекаться (кем/чем)' опосредованно связаны с группой глаголов со значением «любить» через свой семантический компонент $ai^4 mu^4$ 'обожать (кого/что), любить (кого/что)'.

Слова	Семантические компоненты										
	ai^4	$xi^3 ai^4$	$ai^4 hao^4$	$xi^3 huan$	$xi^3 hao^4$	$teng^2 ai^4$	$ai^4 mu^4$	$lian^2 ai^4$	$jing^4 ai^4$	$pian^1 ai^4$	$re^4 ai^4$
ai^4		+	+	+							
$xi^3 ai^4$	+		+	+	+						
$ai^4 hao^2$		+									
$xi^3 huan$		+									
$xi^3 hao^4$			+	+							
$teng^2 ai^2$	+	+						+			
$ai^4 mu^4$		+		+							
$lian^2 ai^4$						+					
$jing^4 ai^4$											+
$chong^3 ai^4$		+		+						+	

Слова	Семантические компоненты										
	ai ⁴	xi ³ ai ⁴	ai ⁴ hao ²	xi ³ huan	xi ³ hao ⁴	teng ² ai ²	ai ⁴ mu ⁴	lian ² ai ⁴	jing ⁴ ai ⁴	pian ¹ ai ⁴	re ⁴ ai ⁴
zhong ¹ ai ⁴		+				+					
ai ⁴ lian ²						+					
ai ⁴ lian ⁴											+
pian ¹ ai ⁴		+									
re ⁴ ai ⁴	+										
ku ² ai ⁴			+								+
ai ⁴ dai ⁴									+		
lian ⁴ mu ⁴							+				
qing ¹ mu ⁴							+				

Сравнение толкований выявило, что все глаголы со значением «любить» соотносятся с различными объектами проявления чувства, и это является еще одним дифференцирующим семантическим компонентом их значений. Некоторые глаголы (ai⁴, xi³ ai⁴, xi³ huan, ai⁴ mu⁴, pian¹ ai⁴) могут соотноситься и с одушевленными, и с неодушевленными существительными. Например: ai⁴ yun⁴ dong⁴; xi³ ai⁴ yun⁴ dong⁴; xi³ huan yun⁴ dong⁴ ‘любить спорт’, ai⁴ mu⁴ xu¹ rong² ‘обожать мишурный блеск, показной успех’, pian¹ ai⁴ yin¹ yue⁴ ‘любить музыку, пристраститься к музыке’ и ai⁴ zhei⁴ ge ren²; xi³ ai⁴ zhei⁴ ge ren² ‘любить этого человека’, xi³ huan zhei⁴ ge ren² ‘симпатизировать этому человеку’, ai⁴ mu⁴ zhei⁴ ge ren² ‘обожать этого человека’; Mu³ qin tong¹ chang² pian¹ ai⁴ you⁴ zi³ ‘Матери обычно пристрастны и больше любят младшего сына’. Другие глаголы (ai⁴ hao⁴, xi³ hao⁴) обычно соотносятся с неодушевленными существительными: ai⁴ hao⁴ yin¹ yue⁴; xi³ hao⁴ yin¹ yue⁴ ‘любить музыку, увлекаться музыкой’.

Глаголы третьей подгруппы (teng² ai⁴, lian² ai⁴, chong³ ai⁴, zhong¹ ai⁴) предполагают только одушевленный объект, в отношении которого проявляются чувства. Например: teng² ai⁴ zi³ nu³, lian² ai⁴ zi³ nu³ ‘горячо любить детей’, chong³ ai⁴ zi³ nu³, zhong¹ ai⁴ zi³ nu³ ‘обожать, души не чаять в детях’, причем семантическим компонентом последних двух глаголов является выражение чувства любви к младшим по возрасту и/или положению лицам. Глаголы jing⁴ ai⁴, ai⁴ dai⁴, наоборот, обладают семантическим компонентом выражения любви и почитания к старшим по возрасту и/или положению лицам. Например: Ren² min² ai⁴ dai⁴ (jing⁴ ai⁴) zi⁴ ji³ de ling³ xiu⁴ ‘Народ чтит и любит своего вождя’. А семантическим компонентом глагола ai⁴ lian⁴ ‘любить (кого)’ является любовь между мужчиной и женщиной: ai⁴ lian⁴ zi⁴ ji³ de qi¹ zi ‘любить

свою жену'. Да и глаголы со значением «обожать»: *ai⁴ mu⁴, lian⁴ mu⁴ и qing¹ mu⁴* — чаще встречаются в контексте по отношению к лицам противоположного пола: *Ta¹ zhi³ shi⁴ ai⁴ mu⁴ ta¹, chong² bai⁴ ta¹, fu² cong² ta* 'Она просто обожала его, преклонялась перед ним, повиновалась ему'; *Ta¹ men sui¹ ran² fen¹ shou³ le, dan⁴ cong² ta¹ de gan³ qing¹ shang, reng² ran² nan² yi³ ge¹ she³ de qing¹ mu⁴ ta¹* 'Они хотя и расстались, она по-прежнему не могла избавиться от чувства обожания к нему'.

Кроме того, семантические компоненты глаголов со значением «любить» отражают различную глубину, интенсивность чувства. Так, *re⁴ ai⁴* 'горячо любить' интенсивнее, чем *ai⁴* 'любить': *re⁴ ai⁴ zi⁴ ji³ de gong¹ zuo⁴* 'горячо любить свою работу'; *ku⁴ ai⁴* 'страстно любить (что)' еще интенсивнее, чем *re⁴ ai⁴*, так как в его толковании говорится: «*fei⁴ chang² re⁴ ai⁴* 'очень горячо любить'; *ku⁴ ai⁴ zi⁴ ji³ de gong¹ zuo⁴* 'страстно любить свою работу'». Отметим, что в данных глаголах степень чувства выражается формально, при помощи семантических различий первых компонентов этих слов. Степень чувства выражаемого глаголами *pian¹ ai⁴* 'пристраститься', *chong³ ai⁴, zhong¹ ai⁴, ai⁴ mu⁴* 'обожать, души не чаять' интенсивнее, чем у *xi³ ai⁴*, ведь *pian¹ ai⁴* — это *te⁴ bie² xi³ ai⁴* 'чрезвычайно любить', а *chong³ ai⁴, zhong¹ ai⁴, ai⁴ mu⁴* — это *shi² fen¹ xi³ ai⁴* 'очень сильно любить'.

Вывод: структура и организация лексико-семантической группы глаголов китайского языка со значением «любить» отражает специфические особенности концептуализации китайцами понятия «любить» и является фрагментом языковой картины человека в китайском языке.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1.
 Виломан В. Г. Английская синонимика. — М.: Высшая школа, 1980.
 Han⁴ e² ci² dian³. — Пекин, 1989.
 Xian⁴ dai⁴ han⁴ yu³ tong¹ yi⁴ ci² dian³. — Тяньцзинь, 1993.
 Xin¹ xian⁴ dai⁴ han⁴ yu³ ci² dian³. — Хайнань, 1993.

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the verbs with a notion of love in Chinese. Every language reflects its own way of perception and comprehension of the World. Emotional system is one of the most difficult systems of the Man. So the groups of the words expressing emotions vary and are rather interesting for research. The analysis shows, that the structure and organization of the lexico-semantic group of the Chinese verbs with a notion of love reflect some specific features of distinguishing this notion. It is a very small aspect of the Language Picture of the Man in Chinese.

ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА

Работа посвящена некоторым семантическим особенностям тибетской музыкальной терминологии (МТ), а также определенного пласта тибетской лексики, семантически связанной с понятиями звука и звучания.

Проблемами музыкальной терминологии различных культур Востока занимались такие отечественные ученые, как Дж. К. Михайлов, У. Кауфманн, С. П. Волкова (китайская МТ), М. И. Каратыгина (монгольская МТ) и др. Этномузыкологические исследования тибетской музыкальной культуры проводились зарубежными учеными И. Вандором, М. Элффер, П. Кросслей-Холландом, Т. Эллингсоном и М. Тревином.

Исследование музыкальной терминологической системы сопряжено с определенными трудностями. Одной из подобных трудностей является тот факт, что «в любой из существующих в мире музыкально-культурных систем ... навряд ли удастся найти более дюжины чисто музыкальных терминов. Большинство из них являются либо заимствованиями из других областей человеческой деятельности, либо представляют собой полисемичные образования, включающие одно из значений, имеющее отношение к музыкальной практике» [Михайлов 1990]. С другой стороны, данная особенность музыкальной лексики дает нам дополнительную возможность проследить семантические связи музыкального термина.

Рассмотрим некоторые особенности музыкальной терминологии. Как известно, понятие «термин» предполагает такие свойства слова, как моносемичность в пределах своего терминологического поля, стилистическую нейтральность и отсутствие экспрессии, лаконичность, асинонимичность и т. д. [ЛЭС 1990]. Однако многие ученые обращают внимание на тот факт, что музыкальная терминология не отвечает некоторым из традиционно сложившихся требований, предъявляемых к терминам [Джапаридзе 1978]. Исследователи отмечают наличие в ней полисемии, синонимии, омонимии, контекстуально определяемых значений лексических единиц.

Для тибетских музыкальных терминов характерно явление полисемии. Ряд лексем имеет два или более связанных между собой тер-

минологических музыкальных значения. Например: རྩོམ་པ་ *nga' shön*¹ '1. барабанный бой; 2. танец под барабан'; རྩོམ་པ་ *rö.² mo*¹ '1. музыка; 2. музыкальный инструмент; 3. тарелки; 4. особенная ритмическая фигура, исполняемая на барабанах или тарелках'; རྩོམ་པ་ *tshe.*² '1. музыка; 2. пение'; རྩོམ་པ་ *tung² ngen*¹ '1. трубач; 2. мастер, изготавливающий трубы'; རྩོམ་པ་ *rö.² mo' khe' pa*¹ '1. музыковед; 2. композитор'; རྩོམ་པ་ *dung² tshig*⁴ '1. нотная запись для *dung-chen* (духового музыкального инструмента длиной 1.7 и более метров); 2. манера игры на *dung-dkar* (духовом инструменте, изготавливаемом из раковины)'.

Некоторые лексемы имеют как музыкальное, так и немusикальное значения (иногда значений несколько). В таких случаях музыкальное значение термина, как правило, тесно связано с немusикальным: རྩོམ་པ་ *ku.*² '1. шея, горло; 2. голос; 3. пение, мелодия; 4. религиозный гимн'; རྩོམ་པ་ *si.¹ nyen*¹ '1. приятный звон; 2. тарелки'; རྩོམ་པ་ *kyu² cik²⁴ pa*⁰ '1. одного происхождения; 2. однострунный'; རྩོམ་པ་ *zhak² pa*⁰ '1. тон, звук, высота тона; 2. слух; 3. слава'.

В ряде лексем немusикальное значение восходит к музыкальному и может являться переносным: རྩོམ་པ་ *qang*¹ '1. певец; 2. песня; 3. *пер.* индийская кукушка'; རྩོམ་པ་ *ka.² chu*²⁴ '1. мальчик-танцор; 2. танцор; 3. *пер.* павлин; རྩོམ་པ་ *yang¹ snyen*¹ '1. благозвучная мелодия; 2. *пер.* кукушка; 3. *пер.* гандхарва'; རྩོམ་པ་ *kyu¹ tun¹ pa*⁰ '1. семиструнный музыкальный инструмент; 2. *поэт.* жертвоприношение'; རྩོམ་པ་ *nga¹ chen*¹ '1. большой барабан; 2. год Вода-собака'.

Возникает трудность, связанная с необходимостью разграничения полисемии и омонимии. Известно, что наиболее продуктивным и исторически наиболее сложным фактором появления омонимов является разрыв первоначально единой семантики многозначного слова. Расхождение значений, т. е. утрата ими общих семантических элементов, обычно осуществляется постепенно.

В тибетском языке существует ряд лексем, омонимичных музыкальным терминам, например: རྩོམ་པ་ *zhok¹ pa*⁰ 'играть на музыкальном инструменте' и རྩོམ་པ་ *zhok¹ pa*⁰ 'сбивать масло'; རྩོམ་པ་ *qak¹ jen*¹ 'темп (в музыке)' и རྩོམ་པ་ *qak¹ jen*¹ 'страстный'; རྩོམ་པ་ *jeng²* (1) '1. звук, нота; 2. род арфы' (полисемичный музыкальный термин) и རྩོམ་པ་ *jeng²* (2). 'первый, начальный'.

Тибетской музыкальной терминологии свойственно также явление синонимии. Примерами синонимии в тибетской музыкальной терминологии могут служить такие слова, как རྩོམ་པ་ *rö.² mo*¹ и རྩོམ་པ་

puk² qe¹ ‘тарелки’; རྩལ་ལྔ་ *nga¹ zha¹*, རྩལ་ལྔ་ *nga¹ shon¹*, རྩལ་ལྔ་ལྔ་ *nga¹ sang²⁴*, རྩལ་ལྔ་ *jang¹*, རྩལ་ལྔ་ *jang¹ jong¹*, རྩལ་ལྔ་ *te¹ te¹*, རྩལ་ལྔ་ *ting² ting¹* ‘звук барабана’.

Явление вариативности также характерно для музыкальной терминологии тибетского языка, например, རྩལ་ལྔ་ལྔ་ *nga¹ sang²⁴* и རྩལ་ལྔ་ལྔ་ *nga¹ sam⁴* ‘барабанная дробь’; རྩལ་ལྔ་ལྔ་ *zhum² pəp⁴* и རྩལ་ལྔ་ལྔ་ *pəp² zhung¹*, རྩལ་ལྔ་ *pi¹ wang¹* и རྩལ་ལྔ་ *wang² pi¹* ‘скрипка, лютня’.

Кроме того, существует немало образных выражений, служащих для описания музыкальных реалий: རྩལ་ལྔ་ལྔ་ *na¹ wa¹ so¹ wa¹* *nozm.* ‘мелодичный звук’ (букв. ‘питающий ухо’); རྩལ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ *na¹ we¹ chu¹* *len¹* *nozm.* ‘приятный, мелодичный звук’ (букв. ‘эликсир для ушей’); རྩལ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ *ma¹ le²⁴ chung¹ wa⁰* *nozm.* ‘звук, звучание’ (букв. ‘речью рожденный’); རྩལ་ལྔ་ལྔ་ *zhak² nyen¹* ‘1. приятный звук или голос; 2. пер. лютня’; རྩལ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ *ro² mō¹ zha² so¹ so¹ chung¹* ‘источники различных музыкальных звуков (барабаны, цимбалы, скрипки и т. п.)’; རྩལ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ལྔ་ *n¹ en¹ ngak¹ khen¹* ‘1. поэт, певец; 2. пер. планета Венера’.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности тибетской музыкальной лексики, мы выявили наличие в ней таких явлений, как омонимия, полисемия, синонимия и вариативность.

ЛИТЕРАТУРА

- Волкова С. П. Отражение особенностей музыкального мышления китайцев в специальной терминологии. Дис. ... канд. искусствовед.). — М., 1990.
- Джапаридзе Л. Регулярная и нерегулярная многозначность английских музыкальных терминов. Вопросы лексикологии германских языков // МГПИ им. яз. Вып. 134. — М., 1978.
- Комарова И. Н. Тибетское письмо. — М., 1995.
- Михайлов Дж. К. Современные проблемы развития музыкальной культуры стран Азии и Африки. Автореф. дис. ... канд. искусствовед.). — М., 1981.
- Музыкальная энциклопедия, том 5. — М.: Советская энциклопедия, 1981.
- Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л.: Наука, Ленинградское отд., 1976.
- Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки. — М., 1990.
- Перух Ю. Н. Тибетский язык. — М., 1961.
- Crossley-Holland P. Form and Style in Tibetan Folksong Melody // Jahrbuch für Musikalische Volks- und Völkerkunde, Jahrg 3. 1967.
- Ellingson T. Buddhist musical notation // The Oral and the Literate in Music (Edited by Tokumaru Yoshihiko and Yamaguti Osamu). Academia Music Ltd. — Tokyo.
- Kaufmann W. Selected Musical Terms of Non-Western Cultures: A Notebook-glossary. — Warren, Mich.: Harmonie Park Press, 1990.
- Trewin M. On the History and Origin of ‘gar. The Court Ceremonial Music of Tibet // CHIME Journal, No.8, Spring, 1995.

Потанова Е. А. Особенности музыкальной лексики тибетского языка

Vandor I. Some Unifying Principles on the Music of the Tibetan Monastery Ensemble: preliminary study in style and function. — Los Ang., 1970.

'jam dpal rgya mtsho. bab sgrung gyi khyad chos skor rags tsam bshad pa (Some Remarks on the Peculiarities of Tibetan Epic Story Tellers. Presented at the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies. — Austria, 1995.

СЛОВАРИ

Краткий тибетско-русский словарь (под ред. Ю. Парфионовича). — М., 1963.

Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990 [ЛЭС].

Рерих Ю. Н. Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями (под ред. Ю. Парфионовича и В. Дылыковой). — М., 1983–1993.

Bell Ch. English-Tibetan Dictionary. — Calcutta, 1920.

Goldstein M. Tibetan-English Dictionary of Modern Tibetan. — Katmandu, 1975.

bod-rgya kha-skad tshig-mdzod (Тибетско-китайский словарь разговорного языка). — Beijing, 1961.

НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ АНАЛИЗА ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ
СЛОЖНЫХ ЗНАКОВ НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«БРАК, СВАДЬБА», СОДЕРЖАЩИХ ИЕРОГЛИФ «ЖЕНЩИНА»

Одной из наиболее актуальных проблем современной лингвистики является проблема «языковой картины мира».

Как отражались представления о мире, способы мышления, психология древних китайцев в языке, при этом язык понимается как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984, 5–33]. Современная китаистика стремится проследить в эволюции, как изменялось мышление и представления об окружающих явлениях, начиная с пиктограмм и до идео- и фонограмм.

Каковы взаимоотношения между семантической и формальной структурой иероглифа, его внутренней формой и синтагматическими отношениями? Как при асимметричности языкового знака, при несоответствии формы и содержания по объему взаимокорреспондируют планы выражения и содержания на примере китайских иероглифов? Анализ письменных знаков позволяет расширить культурные и исторические знания о китайцах, их образе жизни и мировосприятии.

В рамках данной проблемы были выбраны отношения планов выражения и содержания в иероглифах, в состав которых входит компонент 女 ‘женщина’. При проведении предварительных исследований в этих иероглифах были выявлены семантические поля, понятийные круги. Для распределения по семантическим полям использовался компонентный анализ структуры посредством словарных дефиниций [Семенов 1992]:

- 1) фамильные: 姜, 姬, 姚;
- 2) брак, свадьба: 娶, 婚;
- 3) родственные связи: 妻, 姑
- 4) социальное положение: 奴, 妃;
- 5) внешний облик, характер: 姝, 娇;
- 6) иероглифы с негативной окраской, давление, пренебрежение по отношению к женщине: 妾, 奸.

Рассмотрим некоторые иероглифы из семантического поля «брак, свадьба», которое включает следующие иероглифы: 妃 ‘сочетаться браком’; 妊 ‘быть беременной’; 妻 ‘выйти замуж’; 姻 ‘брак’; 娉 ‘сговаривать’, ‘сватать’; 媿 ‘рожать’, ‘роды’; 婚 ‘брак’, ‘жениться’; 娶

‘жениться’; 婚 ‘жениться’; 媾 ‘вступить в брак’; 嫁 ‘выйти замуж’; 嬀 ‘чета, подходящая пара’; 嬀 ‘выйти замуж’, всего 13 иероглифов. Сразу оговоримся, что общее количество иероглифов, в состав которых входит компонент 女 ‘женщина’ (как ключ) равно 265 (по БКРС под ред. И. М. Ошанина).

娶 ранее имел написание 取, 取 — пиктограмма, первоначально означавшая «рукой тянуть ухо». В древности подсчет потерь врага велся по ушам, отсюда первоначальное значение иероглифа «приобрести, достигнуть». «说文»: «取婦也从女从取», т. е. раньше это был один иероглиф, позднее для значения «брать женщину, жениться» был создан другой иероглиф 娶 [5], где первичное значение «захватить женщину, сделав ее женой» 妻. При этом ключ (女) располагается графически в нижней части иероглифа, что еще раз «показывает» зависимое положение женщины, давление на нее.

婚 в древнем китайском языке изображался как 昏. В племенах были запрещены внутриродовые браки, поэтому жены захватывались в междоусобных войнах, при этом одна часть женщин становилась женами, другая — рабынями, мужчин же убивали [6]. Захват жен происходил, как правило, в сумерках (昏). Впоследствии у многих народов это переросло в обряд «кража невесты». «说文»: «礼婚妇以昏时». Отсюда можно проследить, что иероглиф 昏, входящий в 黄昏 и иероглиф 昏, входящий в 婚姻, имеют общую этимологию и очень тесно связаны. Позднее к 昏 для различения значений иероглифа был добавлен ключ 女 [7]. Структурно-формальные модели [2] для этих иероглифов могут быть следующими:

女 (субстантивный компонент)	+	昏 (субстантивный компонент)	→	婚	‘брак’
女 (субстантивный компонент)	+	昏 (субстантивный компонент)	→	婚	‘жениться’
女 (субстантивный компонент)	+	取 (вербальный компонент)	→	娶	
女 (субстантивный компонент)	+	妻 (вербальный компонент)	→	妻	

На первом этапе исследования семантических отношений внутри иероглифа, который опирался на теоретические постулаты, описанные

в работе В. М. Никитина [Никитин 1974], было выявлено, что в подавляющем большинстве между элементами сложных знаков присутствует элизия имени отношения, В таких «выражениях отсутствует полнозначное имя отношения, т. е. лишь полнозначные имена аргументов». К таким иероглифам относятся и вышерассмотренные:

女	'женщина'	取	'брать, забирать, владеть'	娶
女	'женщина'	昏	'вечер, темнота, брак'	婚

Объяснение этому находим в структуре самого языка: китайский язык — морфемно-слоговой, связи и отношения между его компонентами выражены имплицитно, поэтому с первого взгляда не всегда ясно, почему выражение или иероглиф имеют данное значение, но при анализе этих отношений и связей становится понятным, почему именно данный десигнатор является представителем какого-либо понятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. — М., 1884.
2. Семенов А. Л. Лексикология современного китайского языка. — М.: Наука 1992.
3. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании. — Владимир, 1974.
3. Фрумкина Р. М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация: — № 3. — М., 1992.
4. 王力. 《同源字典》 商务印书馆 1982 年.
5. 陆宗达. 《训诂简论》 北京出版社 1980 年.
6. 伍铁平语言是社会的一面镜 — 词汇比较研究 《现代外语》 1984(2), 12-16.
- 许慎, 说文解字, 中华书局影印 1992 年 第12次印刷.

SUMMARY

Revelation of inner structure of the Chinese characters, let us deeper understand how notion of the word, way of thinking of ancient Chinese were reflected in the Chinese language, especially in the characters. The character which include the part 女 'woman' were chosen as the object. Main methods of the research are conceptual.

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОДНО ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЙ КОРЕЙСКОГО АФФИКСА
-КО ПОКАЗАТЕЛЕМ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ?

Неконечный корейский аффикс *-ko* обычно переводится как «и». Однако в ряде работ этот аффикс рассматривается как многозначный или многофункциональный. Так, Холодович [1954, 148–156] выделяет два основных значения *-ko*: «соединительное» и «предшествования». Уооп [1994] считает, что существует два аффикса *-ko*₁ и *-ko*₂. При этом *-ko*₁ является сочинительным союзным аффиксом, а *-ko*₂ — это одно-субъектный показатель переключения референции.

Основные две интерпретации, которые может получать *-ko*, — это «последовательная» и «чисто конъюнктивная». Однако сам по себе этот факт не представляет лингвистического интереса: следуя работе [Grice 1989], союзы или связки со значением «и», или «конъюнкция», интерпретируются как «(и) потом» если они соединяют ситуации, происходящие последовательно. Ср. (1) и (2): в первом примере действие «вступать в брак» интерпретируется как происходящее первым, а в примере (2) — как происходящее вторым.

(1) *Мария вышла замуж и родила ребенка;*

(2) *Мария родила ребенка и вышла замуж.*

Неконечные глаголы в корейском языке могут факультативно иметь временной аффикс *-(a/e)ss* (но не могут иметь аффикса наклонения, необходимого для конечного глагола). Многие адвербиальные союзные аффиксы могут присоединяться как к одиночной основе неконечного глагола, так и к основе, имеющей аффикс времени, например, аффиксы *-(u)lttay* ‘когда’, *-(u)nikka*, *-(u)mulo* ‘потому что’. Аффикс *-ko* также может присоединяться как к единичной основе неконечного глагола, так и к основе с временным показателем:

(3a) *Swun Mi-nun sensayng i -ko maywu emkyekhay-ss-ta*

Сун Ми-ТОП учитель быть-И очень суровый-ПРОШ-ИЗЪЯВ;

(3б) *Swun Mi-nun sensayng i-ess-ko maywn emkyekhay-ss-ta*

Сун Ми-ТОП учитель быть-ПРОШ-И очень суровый-ПРОШ-ИЗЪЯВ

‘Сун Ми была учительницей и была очень строгой’.

Важно заметить, что в (3a) сфера действия показателя *-ss* распространяется на неконечный глагол в (3a), поэтому (3a) и (3б) синонимичны. В (3б) маркер времени неконечного глагола не является анафорическим. В принципе грамматическое и семантическое время

неконечного предложения может быть отличным от времени конечного предложения.

Важными являются следующие два ограничения: *-ko* может иметь последовательную интерпретацию 1) только в тех случаях, когда неконечный глагол не имеет временного показателя; 2) только в односубъектных конструкциях. Первое ограничение показано в (4а) и (4б).

- (4а) *Swun Mi-nun caki aphathu-lul phal-ko cohun cip-ul sa-ss-ta*
Сун Ми-ТОП свой квартира-АКК продать-И хороший дом-АКК
купить-ПРОШ-ИЗЪЯВ

‘Сун Ми продала свою квартиру и [потом] купила хороший дом’;

- (4б) *Swun Mi-nun caki aphathu-lul phal-ass-ko cohun cip-ul sa-ss-ta*
Сун Ми-ТОП свой квартира-АКК продать-ПРОШ-И хороший
дом-АКК купить-ПРОШ-ИЗЪЯВ

‘Сун Ми продала свою квартиру, [а также] купила хороший дом’.

В (4а) действия «продать квартиру» и «купить дом» могут интерпретироваться только как не последовательные, а также независимые друг от друга; в примере (4б) эти действия интерпретируются как последовательные. Второе ограничение показано в (5).

- (5) *Hale Swu-ka hakkyo-eyse ttal-ul teulyeo-ko Swun Mi-ka sicang-ey ka-ss-ta*

Хак Су-НОМ школа-ИЗ дочь-АКК привести-И Сун Ми-НОМ
рынок-НАПР идти-ПРОШ-ИЗЪЯВ

букв. [такой перевод неправилен] ‘Хак Су привел дочь из школы, и Сун Ми пошла на рынок’; правильный перевод: ‘Хак Су привел дочь из школы, а Сун Ми пошла на рынок’.

Пример (5) не содержит временного аффикса, и, кроме того, сочиненные действия «Хак Су привел дочь из школы» и «Сун Ми пошла на рынок» могут в принципе интерпретироваться как последовательные (ср. русский перевод с союзом *и*). Однако корейское разносубъектное предложение с *-ko* не допускает последовательной интерпретации.

Контраст между примерами (4а), (4б) и интерпретация примера (5) является причиной выделения в [Yoon 1994] отдельного значения *-ko*, которое является односубъектным маркером со значением «после». [Sohn 1995] также разграничивает два употребления *-ko*: последовательное и конъюнктивное. Первое представлено в примере (4а), а последнее — в примерах (3а), (3б), (4б), (5).

Мы предлагаем не различать два значения или употребления *-ko*, а объяснить ограничения на последовательную интерпретацию контекстными факторами. Различная интерпретация примеров (4а), (4б), объясняется тем, что временной показатель *-(a/e)ss* не может быть анафорическим. Поэтому, если этого показателя нет, как в (3а) и (4а), то время неконечного предложения интерпретируется как зависимое от времени конечного предложения. Исходя из прагматических факторов, действия в (4а) осмысляются как последовательные. В (3а), в отличие от (5а), представлены свойства Сун Ми. Свойства не могут осмысляться как последовательные, поэтому (3а), (3б) синонимичны, в отличие от (4а), (4б). Таким образом, если в предложении S_1 -*ko* S_2 есть только один временной показатель — в S_2 , то стратегия восприятия такого предложения — интерпретировать S_1 и S_2 как последовательные ситуации, если это возможно.

Остается следующий вопрос: почему разносубъектные предложения с *-ko* осмысляются как независимые, а не последовательные? Если фактор разносубъектности является определяющим для интерпретации (5), то приходится признать, что при последовательной интерпретации мы имеем дело с отдельным употреблением *-ko*, в котором *-ko* — это показатель односубъектности. Против такого решения есть следующие аргументы: 1) в корейском нет грамматикализованных показателей переключения референции, образующих пары, например, односубъектное и разносубъектное «и», «потому что», «потом» и т. п. Некоторые неконечные показатели не допускают временного показателя в S_1 (т. е. когда, S_1 и S_2 темпорально связаны), например, *-(u)nhwueu* 'после', *-kiceneu* 'перед', они обычно употребляются в односубъектных конструкциях, но могут употребляться и в разносубъектных конструкциях: см. [Park 1977]; 2) разносубъектные конструкции с последовательной интерпретацией возможны и с *-ko* (без временного показателя), хотя эти конструкции малочисленны. Например:

- (6) *Chel Swu-ka cangkaka-ko ku-uy emeni-ka atul-uy aphathu-lo isahay-ss-ta*

Чол Су-НОМ жениться-И он-ПОСС мать-НОМ сын-ПОСС квартира-НАПР переехать-ПРОШ-ИЗЪЯВ

'Чол Су женился, и его мать переехала в квартиру сына'.

Мы считаем, что в принципе последовательная интерпретация легче достигается в односубъектных конструкциях, чем в разносубъектных, потому что односубъектные конструкции имеют общий ак-

тант. Для последовательной интерпретации в разнособъектной конструкции должны иметься дополнительные прагматические условия (конкретизация которых заслуживает отдельного исследования). В русском языке данная закономерность не прослеживается четко. Это объясняется тем, что союз *и* противопоставлен союзу *а*, который может обозначать конъюнкцию с сопоставлением. В отличие от *а*, *и* имеет слабый компонент « S_1 — следствие S_2 »; см. [Санников 1989]. Поэтому *и* легко получает последовательную интерпретацию как в односубъектных, так и в разнособъектных конструкциях. В корейском языке *-ko* обозначает просто конъюнкцию и не имеет слабого компонента «следствие», поэтому последовательная интерпретация *-ko* в разнособъектных конструкциях затруднена.

Исходя из указанных аргументов мы считаем, что ограничения на последовательную интерпретацию в разнособъектных конструкциях объясняются прагматическими факторами, а не грамматикализацией *-ko* как показателя односубъектности.

ЛИТЕРАТУРА

- Санников В. З. Конъюнкция и дизъюнкция в естественном языке (на материале русских сочинительных конструкций) // ВЯ. № 5. 1989.
- Холодович А. А. Очерк грамматики корейского языка. — М.: Изд. литературы на иностранных языках. 1954.
- Grice H. P. Logic and Conversation // Studies in the way of words. — Cambridge: Harvard University Press, 1989.
- Park F. Y. T. Speaking Korean. Book 1. — Seoul, 1977.
- Sohn S.-O. S. Tense and aspect in Korean. — Honolulu: Center for Korean Studies. Monograph № 18. 1995.
- Yoon, J. H.-S. Korean Verbal Inflection and Checking Theory // MIT Working Papers in Linguistics. — Cambridge (Mass.): MIT, 1997.

К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ
«ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»

1. Как известно, лексико-семантическое поле представляет собой совокупность парадигматически связанных лексических единиц (слов или их отдельных значений), объединенных между собой наличием некоторого интегрального (общего) семантического признака, связывающего элементы поля, и различающихся по крайней мере одним частным (дифференциальным) семантическим признаком. Таким образом, для выявления структуры поля необходимо описать систему парадигматических отношений между его элементами.

2. Интегральные и дифференциальные признаки, так же как и содержащие их слова, образуют определенные иерархические структуры. Наиболее общие категориальные семантические признаки имеют универсальную значимость и могут быть представлены (по-разному) во многих или во всех языках.

3. В соответствии с этим исследование предполагает несколько этапов:

а) описание семантического поля внешности человека в современном китайском языке;

б) сопоставительное исследование данного поля в различных языках как составная часть изучения лексической системы конкретного языка (предполагается привлечение материала из русского, английского, французского языков).

4. Поле внешности человека охватывает большой пласт лексики. Это лексические единицы, обозначающие как отдельные черты внешности, так и облик человека в целом. Структура самих единиц поля неоднородна — это и отдельные слова (*mian⁴shou⁴* ‘красавец-мужчина’, *qiang²jing⁴* ‘крепкий, мощный’, *hong²pu¹pu¹* ‘румяный’), и словосочетания (*hei¹ pi²fu¹* ‘смуглая кожа’, ‘темнокожий, смуглый’, *lian³se⁴ hong²run⁴* ‘румяные щеки’, *rong²guang¹ huan⁴fa¹* ‘лицо так и сияет, цветущий вид’), и фразеологизмы (*hong²qun²* ‘красавица, девушка, женщина’, букв. ‘красная юбка’).

Исследуемое поле в свою очередь состоит из нескольких лексико-семантических групп (ЛСГ):

а) группа, описывающая облик человека (его фигуру, рост, возраст);

- б) группа единиц, описывающих лицо;
- в) лексико-семантическая группа, описывающая части тела (конечности и др.);
- г) группа лексических единиц, описывающих внешнее проявление физического состояния человека (от блестящего до неудовлетворительного).

Границы поля обозначены не жестко.

5. В настоящем докладе остановимся на группе лексических единиц, описывающих лицо человека.

В данную лексико-семантическую группу объединяются прилагательные и словосочетания, выполняющие атрибутивную функцию и имеющие общий компонент значения (сему) «описывающий лицо».

Корпус единиц данной группы был составлен на материале словарей СКЯ: *Xiandai hanyu cidian*. 1996 (Словарь современного китайского языка), *Tongyici cilin*. Shanghai. 1983 (Лес синонимов), *Nahe cidian*. Beijing. 1990 (Китайско-русский словарь), БКРС (Большой китайско-русский словарь под ред. И. М. Ошанина. 1984), других лингвистических словарей современного китайского языка. При этом отбирались прилагательные и устойчивые словосочетания, описывающие особенности человеческого лица. Полученные словарные дефиниции сравнивались по толковым словарям. Для избежания естественного в подобных случаях субъективизма в отборе материала корпус примеров проверялся с информантами. Полученная ЛСГ делится на несколько подгрупп:

а) ряд прилагательных и устойчивых сочетаний, отражающих общее впечатление от лица человека, оценку его говорящим. Это ЛЕ, описывающие лицо как *ke³ai²de* 'милое, симпатичное', *mei³li⁴de* 'красивое', *bu²hao³kan⁴de* 'неприглядное', *bu²mei³guan¹de* 'несимпатичное', *chou³lou⁴de* 'уродливое' и т. д. В этой подгруппе много элементов с экспрессивными компонентами значения.

б) подгруппа ЛЕ, объединенных общей семой «цвет лица». Например: *mian⁴ hong² er³ chi⁴* 'красный как рак', букв. 'покраснеть до ушей' (обычно от гнева), *lian³se⁴hong²run⁴* 'румяный', *lian³se⁴bu²hao³* 'нездоровый цвет лица', *cang¹bai²* 'бледный', *hei¹hei¹de mian⁴kong³* 'смуглый', *shai¹hei¹de* 'загорелый', *cang¹bai² wu² guang¹de* 'матовый' (цвет лица), *hei¹se⁴ la⁴ huang²* 'восковое лицо' (цвет), *bai² liao³ liao³* 'бледный, в лице ни кровинки' и др.

в) выделяется большая подгруппа ЛЕ, описывающих проявление чувств на лице человека. Компоненты значений элементов данной подгруппы частично пересекаются с подгруппой «цвет лица». Например, выражение чувства страха на лице может быть описано следующими фразеологизмами: *da⁴jing¹ shi¹se⁴* 'лицо побледнело от страха', *mian⁴ ru² tu³ se⁴* 'лицо стало серым как земля' (серое от страха лицо), *mian⁴ wu² ren² se⁴* 'в лице нет ни кровинки, помертвевшее лицо', а выражение гнева — *mian⁴ hong² er³ chi⁴* 'красный как рак', букв. 'покраснеть до ушей', чувство смущения или стыда передает слово *hong²lian³* 'краснолицый' (от смущения или стыда, накладывается и другое значение 'злой человек') и т. д.;

г) подгруппа ЛЕ, объединенных общей семой «форма лица». Например: *chang² lian³*, *chang² lian³ xing²* 'длиннолицый, с продолговатым лицом', *yu^{an}² lian³* 'круглолицый', *gua²zi lian³* 'овальное лицо с острым подбородком' (лицо, напоминающее семечко), *e²dan⁴ lian³* 'овальное лицо' (лицо, напоминающее гусиное яйцо), *mian⁴tu^{an}²tu^{an}²* 'круглолицый, толстощекий, с пухлыми щеками' (про толстяка) и т. п.;

д) подгруппа ЛЕ, подчеркивающих наиболее заметные, выразительные черты лица. Например: *gao¹ quan²gu³de* 'скуластый' (с высокими скулами), *da⁴ bi²zide* 'носатый', *bo²mei²*, *bai²mei²* 'белобровый' (переносное значение — 'выдающийся'), *da⁴ yan³qing²de* 'глазастый, с большими глазами'.

е) подгруппа ЛЕ, описывающих «поверхность лица». Часть сем носит оценочный характер. Лицо может описываться как *you³ zhou⁴wen²de* 'морщинистое, с морщинами' или *guang¹hua*, *guang¹run⁴* 'гладкое' и т. д.

Учитывая неоднородность семантических компонентов и их иерархическую структуру, были выделены родовые компоненты, объединяющие слова в одну ЛСГ (подгруппу), и дифференциальные компоненты, специфицирующие значения единиц групп и подгрупп, отличающие значение данного слова от его синонимов, антонимов и других тематически близких слов.

Даже на данном этапе исследования, по результатам анализа сравнительно небольшой лексико-семантической группы ЛЕ, описывающих человеческое лицо, можно отметить следующую особенность членения семантического пространства в современном китайском языке — выделение дифференциальных семантических компонентов «светлый» и «полный» как важных признаков красоты лица человека.

ЛИТЕРАТУРА

- Большой китайско-русский словарь / под ред. И. М. Ошанина. — М., 1984. [БКРС].
Hape cidian. — Beijing. 1990. (Китайско-русский словарь).
Tongyici cilin. — Shanghai. 1983. (Лес синонимов).
Xiandai hanyu cidian. — 1996. (Словарь современного китайского языка).

SUMMARY

The lexical system of Mandarin Chinese can be described through a system of relations and co-relations between the units of lexical-semantic groups of words. We can see the conceptual division of the world picture through the dividing lexicon into semantic groups of words according to the communicative task of the speaker. The paper represents some results of studying the semantic field of human exterior — the analysis of concrete group of Chinese words.

О РОЛИ ПАРАМЕТРОВ ИМПУЛЬСА ГОЛОСОВОГО ИСТОЧНИКА
В ПОРОЖДЕНИИ И ВОСПРИЯТИИ КИТАЙСКИХ СЛОГОВЫХ ТОНОВ

В современной речевой акустике проводятся весьма активные исследования работы голосовых связок [Сорокин 1984 и др.]. Установлено, что голосовое возбуждение речевого тракта создается несколькими факторами: трехмерными упругими колебаниями голосовых связок и вертикальными колебаниями их в сомкнутом состоянии (так называемый поршневой источник возбуждения речевого тракта). Все это обуславливает определенные величины параметров импульса голосового источника: его амплитуду, длительность, форму импульса голосового возбуждения, длительность интервалов сомкнутой и разомкнутой голосовой щели. Эти параметры определяют спектр импульса голосового возбуждения, который в свою очередь активно участвует в формировании спектра (специфического тембра) всего речевого сигнала.

Последние исследования по интонации русской эмоциональной речи обнаружили наличие корреляционной взаимосвязи величин параметров голосового источника (например, скважности импульсов голосового возбуждения и их формы) с параметрами мелодического контура фразы и формантными параметрами ее главноударного гласного [Долотин 1997; Поспелов 1982]. Другими словами, специфические тембры эмоциональной речи во многом обуславливаются параметрами импульса голосового источника. И фактор этот, по нашим данным, универсален: эмоциональные тембры даже типологически разной речи не могут не зависеть от параметров голосового источника.

По нашим материалам, в том числе и экспериментальным, есть основания также предполагать, что параметры импульса голосового источника действуют в человеческой речи весьма широко и разнопланово: они могут работать как в универсальном ключе, так и в специфическом. Так, в синтезе мы получали разные степени назальности гласных только за счет варьирования формы импульса голосового источника [Румянцев, Долотин, Поспелов, 1992]. Не исключено, например, что общий назальный тембр американского варианта английского языка создается именно этим параметром. Специфические тембры (качества) китайских слоговых тонов, а через них и всей китайской речи, также вполне могут быть связаны с рассматриваемыми параметрами.

На уровне наблюдения давно известен факт: одни и те же финалы (гласные части) китайских слогов звучат по-разному (имеют свои специфические тембры) в разных тонах. Но до сих пор никто не объяснил, откуда берутся эти тембры. Мы подозреваем, что причина здесь (полностью или частично) в параметрах импульса голосового источника. Параметры эти — фактор очень сильный, устойчивый, они во многом определяют как само порождение тона, так и его восприятие. Подтверждением этому служат те факты, когда контурные и другие признаки тонов нивелируются в тех или иных условиях речи, а тоны все же опознаются, причем опознаются не только контекстно, но и по самой физике тонов, при отдельном их прослушивании аудиторам [Румянцев 1971]. В этих случаях проявляется компенсаторная функция параметров голосового источника.

Из сказанного выше следует: если предлагаемая нами гипотеза верна и последующие исследования ее подтвердят, то к известному ныне набору функционально значимых параметров (характеристик) тонов должны быть добавлены параметры голосового источника.

ЛИТЕРАТУРА

- Долотин К. И. Экспериментальное исследование интонационных стереотипов речи с эмоциональной окраской. Автореф. канд. дисс. — М.: МГУ, 1997.
- Долотин К. И., Поспелов Б. В., Румянцев М. К. Экспериментальное исследование акустических характеристик голосового источника и речевого тракта. // Тезисы докладов АРСО-15. — Таллинн, 1989.
- Поспелов Б. В. и др. Микровариации речевого сигнала: проблемы оценки и применения // Тезисы докладов АРСО-2. Ч. 1. — Киев, 1982.
- Румянцев М. К. Тон и интонация в современном китайском языке. М.: МГУ, 1971.
- Румянцев М. К., Долотин К. И., Поспелов Б. В. К проблеме назализации гласных в синтезированной речи // Тезисы докладов АРСО-7. — Ижевск, 1992.
- Сорокин В. Н. Механика и акустика голосового источника // Советско-французский симпозиум «Акустический диалог человека с машиной». — М.: АН СССР, Институт проблем передачи информации, 1984.

SUMMARY

In this paper the following hypothesis is advanced: the parameters of vocal cords impulse play an important role in Chinese syllabic tones generation and perception.

О КЛАССИФИКАЦИИ КАДАЙСКИХ ЯЗЫКОВ
И О МЕСТЕ В НЕЙ ЯЗЫКА ЛАТИ

В 1940 г. П. Бенедикт обследовал три аборигенных языка на китайско-вьетнамской границе – гэлао (Китай, пров. Гуйчжоу и Гуанси, Сев. Вьетнам), пупео, или лакуа, (Сев. Вьетнам) и лати (Сев. Вьетнам). Сравнивая базовую лексику этих языков, он обнаружил связи с языком хлай (ли) на о. Хайнань и объединил все эти языки под названием «кадай», указав на их родство и с тайскими языками [Benedict 1942].

Ли Фангуй показал, что языки кам-суй (дун-шуй) родственны тайским языкам, но отстоят от них, образуя самостоятельную группу [Li 1965].

А. Одриккур предложил весь набор языков, включающий тайские языки, языки кам-суй и названные П. Бенедиктом кадайскими языки хлай, гэлао, пупео и лати, объединить под общим названием — кадайские языки, высказав при этом точку зрения, что языки гэлао, пупео, лати и хлай не образуют самостоятельной группы, поскольку они связаны между собой не теснее, чем каждый из них с тайскими языками или языками кам-суй [Haudricourt 1967]. Языки гэлао, лати, пупео и хлай (позднее к ним был отнесен и язык лаха, первые сведения о котором появились в 1972 г. [Nhóm dân tộc...1972]) получили в западной литературе наименование «периферийных» кадайских языков.

В 1942 г. П. Бенедиктом была выдвинута гипотеза о существовании макросемьи австротайских языков, от которых в первую очередь отделились языки мяо-яо, а затем произошло деление австрокадайских языков на австронезийские и кадайские [Benedict 1942]. Позднее к этой семье он относил и японский язык. Австротайской гипотезе противостоит синотибетская гипотеза, наиболее распространенная среди китайских ученых, согласно которой кадайские языки, или языки кам-тай, образуют самостоятельную группу синотибетской семьи, включающей помимо них китайский, тибето-бирманские языки и языки мяо-яо.

Прародина кадайских языков — это область современных провинций Гуанси, Гуйчжоу и Юннань, а также о. Хайнань, впоследствии кадайские народы перемещались на юг и на запад. Кадайский ареал географически занимает промежуточное положение между территорией, заселенной китайоязычным населением, и Юго-Восточной Азией [Benedict 1998].

По мнению П. Бенедикта, протоавстротайский язык во II тыс. до н. э. и ранее характеризовался следующими типологическими особенностями:

это был дисиллабический язык с достаточно развитой морфологией (префиксы, инфиксы и суффиксы), с музыкальным ударением, вокалическая система состояла из шести гласных: *и, о, э, а, i, е*, консонантная система была богатой и включала в том числе палатальные, альвеопалатальные и увулярные ряды согласных [Benedict 1988]. Широкие контакты с тоновым древнекитайским языком привели постепенно к изменению типологических характеристик. Современные кадайские языки представляют собой большей частью моносиллабические тоновые изолирующие языки, моносиллабизация связана в основном в «левосторонней канонической редукцией» (по терминологии П. Бенедикта), т. е. с сохранением второго слога; в «периферийных» кадайских языках в некоторых случаях наблюдается «правосторонняя» каноническая редукция [Benedict 1996]. Установить регулярные тоновые соответствия удастся только для языков кам-тай, где реконструируется трехтоновая система, идентичная древнекитайской [Benedict 1996], уже для языка хлай нет очевидных соответствий с языками кам-тай. Тоновая система, например, «периферийных» кадайских языков еще более хаотична. Видимо, тоновые системы конкретных языков сформировались после их отделения друг от друга. В кадайских языках, за исключением языков гэлао, лати¹ и ряда диалектов боуей (сев. тайские языки), финальные согласные сохранились лучше, чем в других семьях языков Юго-Восточной Азии [Solnit 1988, 230].

Как отмечает Дж. Матисоф, большое количество дочерних языков, как в австронезийских и тибето-бирманских языках, позволяет провести реконструкцию вплоть до II тыс. до н. э., однако при этом часть проблем останется нерешенной, так как чем дальше вглубь веков, тем сильнее стирается традиционное различие между генетическим родством и другими типами отношений, тем больше решений может быть предложено для объяснения сходства форм, помимо генетической общности: случайность, заимствования, ошибочный анализ, ареальная типологическая конвергенция, универсальные тенденции [Matisoff 1996]. Аналогичная ситуация имеет место и для кадайских языков.

Общностью кадайских языков ограничиваются их генетические связи. Реконструируемые, например, корни для прототайского или протокамсуйского, а также для протокадайского с китайскими соот-

¹ Язык лати отличается крайней упрощенностью структуры слога: практически все слоги открыты, инициальные кластеры отсутствуют. Это в свою очередь приводит к тому, что в языке лати достаточно большой процент составляют многосложные слова.

ветствиями являются древними заимствованиями и объясняются языковыми контактами, то же верно для лексических единиц с австронезийскими параллелями. В кадайских языках обнаружено также определенное количество слов, общих с языками мяо-яо. Однако эти случаи объясняются либо ранними заимствованиями из китайского, либо контактами языков, возникавшими в ходе истории и в результате расселения данных этнических групп. Установить регулярные фонетические соответствия не удастся. Ср.: протомиен **tejam* А, кит. (Гуйчжоу) *kam*⁵⁵, тай. *kham*³³ [MKS, XXII, 210], лаха *k^ham*², лати *k^ha*³²⁴, 'золото'; миен *sin*³³, кит. (Гуйчжоу) *san*⁵⁵ [MKS, XXII, 201], хлай *hu:n*¹ [Thurgood 1991, 28]; лати *fa*⁴⁴ 'тело'; чжуан *kou*¹, дай *kau*⁶, индонез. *aku*, тай. *ku*²⁴, пупео *kau*⁵¹, лати *k^hu*⁴⁴ 'я'. В «периферийных» кадайских языках обнаруживаются следы тибето-бирманского влияния. Так, лексема «медь» в древнекитайском и тибето-бирманских языках явно разного происхождения [Dai Qingxia 1991, 54], при этом в пупео и лаха прослеживается параллель с древнекитайским, а в лати — с тибето-бирманскими языками: др.-кит. *doŋ* (ср. чжуан, кам, дай, суй *toŋ*², лаха *t^hoŋ*², пупео *toŋ*³), джингто *ma*³¹ *ki*³³, хани *gu*³¹, дзайва *kji*²¹, лати *k^h*²².

По мнению С. Е. Яхонтова, «периферийные» кадайские языки первыми отделились от языков кам-тай, что произошло приблизительно четыре тысячи лет назад [Яхонтов 1977]. Как утверждают многие исследователи наиболее близок языку лати язык гэлао, однако мы не располагаем достаточным количеством материалов для рассмотрения данного вопроса. Для языков лати², лаха [Материалы... 1986] и пупео [Hoàng Văn Ma, Vũ Bá Hùng 1992] нами был проведен подсчет количества общей лексики по 100-словному списку Сводеша. Количество общих лексических единиц для языков лати и лаха составляет 53%, для языков лати и пупео — 39%³, для языков лаха и пупео — 41%, Количество лексических единиц, которые являются общими для всех трех языков, — 22%, среди них такие лексемы, как «зуб», «рука», «печень», «оженщина», «вода», «солнце», «огонь», «пепел», «дорога», «один», «два», «я», «этот», «собака», «вошь (головная)», «птица», «дерево», «желтый», «полный, наполненный», «сухой».

² Язык лати был обследован в 1995 г. Российско-вьетнамской лингвистической экспедицией.

³ По данным Хоанг Ван Ма и Ву Ба Хунга [Hoàng Văn Ma, Vũ Bá Hùng 1992, 138], количество общих лексических единиц, подсчитанных по 200-словному списку Сводеша, составляет всего лишь 16%.

ЛИТЕРАТУРА

- Гохман В. И. Историческая фонетика тайских языков. М., 1992.
- Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года. Язык лаха. — М., 1986.
- Самарина И. В. Об особенностях фонологической системы языка лати // Китайское языкознание. Материалы 8-й Международной конференции. — М., 1996.
- Яхонтов С. Е. Языки Восточной и Юго-Восточной Азии в IV—I тысячелетиях до н. э. // Ранняя этническая история народов Юго-Восточной Азии. — М., 1977.
- Dai Qingxia. On the affiliation of the Kadai (Zhuang-Dong) group: Indications from the nature of the relationship between Tibeto-Burman and Chinese // Discussions in Kadai and SE Asian Linguistics / Ed.: Jerald A. Edmonson. — Arlington, 1991.
- Benedict P. K. Kadai Handbook: Proto-Kadai Parameters // Pan-Asiatic Linguistic Symposium. — Salaya 1996.
- Benedict P. K. Kadai Linguistics: The Rules of Engagement // Comparative Kadai: Linguistic Studies beyond Tai / Ed. by Jerald A. Edmonson and David B. Solnit. — Arlington, 1988.
- Benedict P. K. Thai, Kadai and Indonesian: a New Alignment in the South-East Asia // American Anthropologist, № 4, 1942.
- Edmonson Jerald A., Solnit David B. Introduction // Comparative Kadai: Linguistic Studies beyond Tai / Ed. by A. Edmonson and David B. Solnit. — Arlington, 1988.
- Fang-Kuei Li. The Thai and the Kam-Sui Languages // Lingua. Vol. 14, 1965.
- Hoàng Văn Ma, Vũ Bá Hùng. Tiếng Pu Peo. — Hà Nội, 1992.
- Matisoff James A. Contact-induced Change, Genetic Relationship, and Scales of Comparison // Pan-Asiatic Linguistic Symposium. — Salaya, 1996.
- Những nhóm dân tộc thuộc ngữ hệ Nam Á ở Tây Bắc Việt Nam. — Hà Nội, 1972. (Народности северо-запада Вьетнама, говорящие на аустроазиатских языках.)
- Solnit David B. The Position of Lakkia within Kadai // Comparative Kadai Linguistic Studies beyond Tai / Ed. by A. Edmonson and David B. Solnit. — Arlington, 1988.
- Theraphan L. Thongkum. A View on Proto-Mjuenic (Yao) // Mon-Khmer Studies, XXII, 1993.
- Thurgood G. Proto-Hlai (Li): A Look at the Initials, Tones and Finals // Discussions in Kadai and SE Asian Linguistics / Ed.: Jerald A. Edmonson. — Arlington, 1991.
- Yang Quan. Developmental Tendencies in Kam Phonology // Comparative Kadai: Linguistic Studies beyond Tai / Ed. by A. Edmonson and David B. Solnit. — Arlington, 1988.
- Zhang Jimin. The relationship between Ayo and Gelao // Discussions in Kadai and SE Asian Linguistics / Ed. by Jerald A. Edmonson. — Arlington, 1994.
- Zheng Guoqiao, Yang Quan/ The sounds of Rongjiang Kam // Comparative Kadai: Linguistic Studies beyond Tai / Ed. by A. Edmonson and David B. Solnit. — Arlington, 1988.

SUMMARY

The paper deals with the affiliation of Kadai languages, especially of the «outlier» Kadai languages, their relations to other South-Asian language stocks.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КНР (80-90-Е ГОДЫ)

По временным рамкам данную тему можно разделить на два периода: первый период — 1950–1966 годы и после более чем десятилетнего перерыва начинается второй период, которому и уделяется основное внимание в статье.

Некоторые лингвистические начинания 50–60-х годов оказались вполне результативными и долговечными. Основной задачей в этот период было распространение путунхуа в целях обеспечения национального единства, проведение сокращения иероглифов и принятие фонетического алфавита, чтобы облегчить народным массам овладение культурными знаниями, ликвидировать неграмотность. Однако выполнение этой программы связано с большими трудностями, обусловленными особенностями языковой ситуации в стране.

Кроме того, поставленные в 50-е годы задачи по распространению ПТХ и стандартизации письменности не могли быть полностью выполненными на протяжении короткого срока, предшествовавшего «культурной революции». Поэтому с началом второго этапа вновь пришлось решать прежние задачи, при этом возникли новые проблемы, вызывающие озабоченность руководства страны, специалистов. Начиная с 60-х годов в китайском обществе проявляется тенденция к произвольному, «беспорядочному» использованию иероглифов. Сейчас в Китае повсеместно бросаются в глаза ошибочно написанные, нестандартные иероглифы. Их можно увидеть на улицах городов, на различных типах дорожных знаков, табличках с названиями улиц, лозунгах, торговой рекламе, вывесках магазинов, названиях товаров, бирках, ярлыках, в названиях гостиниц, кинотеатров, при этом нередко встречается замена одного иероглифа другим, совпадавшим по звучанию знаком, например: 平果 (вместо 苹果), 香交 (вместо 香蕉), 气水 (вместо 汽水), 芄菜 (вместо 韭菜), 皮酒 (вместо 啤酒), 流油鞋 (вместо 流游鞋). Этот способ омонимичной замены встречается сейчас очень часто.

Появление такого типа ошибок — произвольно используемых графических вариантов — объясняется недостаточным культурно-образовательным уровнем людей, употребляющих совпадающие по звучанию знаки для записи компонентов сложных слов, их нежеланием соблюдать стандарты в области письменности, а также отсутствием

контроля со стороны городских организаций, промышленных и торговых компаний.

Вместе с тем есть факты, свидетельствующие о том, что в вузах и средних учебных заведениях часто недооценивают получение базовых знаний, у учащихся встречаются ошибки типа 意实 вместо 意识 'сознание', где второй знак 识 подменяется омонимом 实; 心得 синьдэ, где ошибочно пишут второй знак 德 'достижения, плоды'; 写小节 сесяоцзе 'подвести итог', где третий знак 节 цзе подменяется омонимом 結 цзе¹.

При обследовании в 1994 году новых зарегистрированных и получивших удостоверение организаций только в районе одной пекинской улицы Сичан аньцзе обнаружилось, что из 5800 иероглифов, представленных на вывесках, транспарантах и пр., 1000 знаков являются нестандартными, что составило 17% от общего числа.

Не менее серьезным является и то обстоятельство, что множество диалектизмов и иноязычных слов, а также вульгаризмов вторгается в путунхуа и вытесняет исконные слова, к примеру, вместо принятого в путунхуа слова 饼干 бингань 'печенье' употребляют заимствование (фонетическое из английского) 克力架 кэлицзя, вместо 警察 цзинча 'полицейский' — 阿 'sir'².

Идет «большая волна полных иероглифов», которая заметно увеличивается в 90-е годы.

В середине 80-х годов приоритеты в области языковой политики претерпели определенные изменения, что обуславливались требованиями общественного развития. В качестве главного базового звена было названо распространение путунхуа и нормализация китайского языка. В связи с изменениями акцентов языковой политики ее руководящий орган «Комитет по реформе письменности» в соответствии с указом Госсовета от 16 декабря 1985 года был переименован в «Государственный комитет по делам языка и письменности». В перечне задач, поставленных перед новым комитетом, первоочередной была объявлена работа по распространению путунхуа и нормализации китайского языка, не был подтвержден явно курс на фонетизацию, а мероприятия по сокращению иероглифики не были выделены в качестве самостоятельного пункта. Распространение путунхуа и работа по стандартизации китайского языка теперь рассматриваются вместе.

¹ Ли Синьхуа, Ван Сигуй. Тань зэньцзыды гайгэ юй гуйфаньхуа зэньти. (О реформе письменности и вопросах нормы) // Хэйхэ сюэкань. 1995, I. С. 63–65.

² Синьминь ваньбао, 1996. 28 января.

На Всекитайском совещании по делам языка и письменности, состоявшемся в начале 1986 года, были выдвинуты широкомасштабные задачи распространения ПТХ на период до конца XX века. Речь шла об использовании ПТХ в учебных заведениях всех уровней и видов, превращения его в язык преподавания; использование ПТХ во всех учреждениях, на радио, телевидении, в кино и театральных постановках, в качестве языка пропаганды употребление ПТХ жителями разных диалектных районов в общественных мероприятиях.

Только с 1986 по 1993 год было издано одиннадцать постановлений общегосударственного характера, в том числе: 27 марта 1987 г. — «Об использовании иероглифов в топонимах», 10 апреля 1987 г. — «О правильном использовании иероглифов и фонетического алфавита на вывесках предприятий и в торговле, упаковке товаров, рекламе», 1 апреля 1987 г. — «О правильном употреблении языка и письменности радио, кино и телевидением», 7 июля 1992 г. — «О регулировании использования иероглифов в печатных изданиях», 9 июля 1992 г. — «О правильном использовании китайских иероглифов и фонетического алфавита в спортивной работе» и некоторые другие³. Одновременно с этим в разных регионах были приняты соответствующие постановления местных органов власти.

Для лучшего обучения языку в начальных и средних школах Государственный комитет по образованию и Государственный комитет по делам языка и письменности составили таблицы часто употребляемых иероглифов (2500 знаков), а также менее употребительных (1000 знаков). Учитывались изменения частотности знаков в разные периоды развития языка. Особые требования предъявляются к учащимся высших учебных заведений. Студенты должны говорить на ПТХ не только на занятиях, но и к 2000 году на территории своего вуза во внеучебное время. Однако обеспечить выполнение этих требований практически невозможно.

Для ускорения процесса распространения ПТХ Государственный комитет по делам языка и письменности в начале 90-х годов наметил следующий курс: «всемерно продвигать, активно распространять, постепенно повышать». Тем самым центр работы по распространению

³ См. Юйянь вэньцзы гунцзо сяньбянь. (Сборник документов по делам языка и письменности). — Шанхай: Издание Канцелярии комитета по делам языка и письменности.

ПТХ переносится на его популяризацию в широких масштабах и одновременно на постепенное повышение уровня владения им.

Важной составной частью работы по распространению ПТХ и ее продвижению в плане стандартности, научности и системности является проверка уровня владения им у разных групп населения. Определены конкретные способы проверки уровня владения ПТХ, которые включают чтение, говорение, восприятие на слух, разговор и письмо. Рассмотрим, к примеру, пункт: «Разговор». Цель — определить, как при отсутствии опоры на письменный текст достигается определенная степень нормы, и саму эту норму, время — не меньше трех минут, после четырех минут разговора экзаменуемого останавливают.

В разных городах проводятся проверки на уровень владения путунхуа. Для этого в местных газетах имеются специальные рубрики, например, в выпускаемой в Шанхае газете (орган Городского комитета по делам языка и письменности) «Ханьйюй пиньинь сяобао», фактически выступающей как пропагандистский центр по распространению государственного стандартного языка, имеется рубрика 普通话水平测试专栏 («Колонка по проверке уровня владения путунхуа»). Так, в номере 625 этой газеты (14 февраля 1996 г.) в «Колонке по проверке...» даются советы по подготовке к проверке на уровень владения устной речью. Каждому испытуемому по правилам отводится определенное время, ограниченное 3–4 минутами, за это время он должен раскрыть тему фонетическим объемом в 500 слогов. Ответ не должен быть простым набором слов, следует передавать информацию по теме как можно «шире, полнее и конкретнее»⁴.

В газете обсуждаются такие вопросы, как «Мои представления о красоте языка» на материале употребления слов с выражением благодарности. По мнению автора статьи Хоу Яна, частое употребление в речи форм «благодарности» *сесе*, *даосе*, *сеи*, *сечэнь*, *ганьсе*, *ганьцзи*, а также форм «вежливость + благодарность»⁵ украшает язык, придавая

⁴ Проверка «умения говорить» дает 30% от всей суммы баллов и считается самой трудной, ее нелегко пройти, так как она не имеет опоры на письменный текст. Требования к уровню владения устной речью достаточно высоки: употреблять лексику, соответствующую норме, не включать диалектные слова, больше внимания уделять разговорной речи и избегать книжных слов. При этом произношение должно быть правильным, употребление слов подходящим, повествование гладким и складным [см. Ханьйюй пиньинь сяобао, 1996, 14.02, с. 1].

⁵ Форма «вежливость + благодарность» имеет следующие варианты: *жан ни фэйсинь ла* 'доставил Вам много хлопот', *жан ни шуолэй ла* 'затруднил Вас', *гэй ни тянь*

ему особое изящество, поскольку эти формы в общении китайцев выполняют положительную функцию (в Китае с древних времен сохранились рассказы и предания об употреблении этих форм в разных ситуациях общения). Обсуждаемый вопрос не только чисто лексический, он имеет также социолингвистическое значение, поскольку суммирует в себе опыт китайской культуры. На базе имеющегося большое воспитательное значение материала проверяются языковые знания, умение в соответствии с требованиями максимально кратко и содержательно его излагать. Приводимая тема «Вежливость» является одной из 50 примерных тем.

Язык вслед за развитием общества непрерывно изменяется, и это отражается прежде всего не в грамматике и в фонетике, а в лексике, поскольку лексика самая подвижная часть языка, чутко реагирующая на все изменения, происходящие в обществе. Это требует непрерывного проведения стандартизации в лексике. Лексический стандарт включает естественную норму. В лексике сохраняются те слова, которые прошли испытание временем и отвечают современным потребностям общества. Кроме того, существует и лексический искусственный стандарт. В процессе развития лексики проводится работа по ее нормализации. В отношении новых появляющихся в лексике слов осуществляется сознательный отбор, предпочтение отвечающим норме или сдерживание ненормированных единиц. Развитие китайского языка и письменности, подчиняясь общим закономерностям, имеет свою специфику.

Современная языковая ситуация в Китае предъявляет свои требования к языковой политике. Она, по-видимому, должна включать следующие пункты:

- 1) выдвижение новых теоретических положений, призванных обосновать практические мероприятия в проведении языковой политики;
- 2) стандартизацию, которая должна касаться не только письменной, но и устной речи;
- 3) основным объектом лексической стандартизации должны стать сложносокращенные слова, научно-технические термины, а также употребляемая на материке лексика Гонконга и Тайваня, новые иностранные заимствования;

4) расширение рамок стандартов лексики, одновременно с этим усиление контроля и регулирование нестандартных явлений;

5) усиление стандартизации письменности и ее нормализации.

Получая стандартное написание, китайская письменность укрепляет свои позиции в качестве массового средства общения. Усиление языковой политики в этой области требуется для исправления явлений беспорядочного использования иероглифов, для строгого соблюдения языковой нормы, усиления работы по распространению путунхуа, который в настоящее время является и междиалектным средством общения, и тем самым устранения различий между диалектами. Работа по нормализации языка — важное звено языковой политики, большое событие в культурной жизни китайского общества.

SUMMARY

During the above period the language policy in China was conducted with the help of administrative measures (for instance, adopting laws) and ideological measures (such as the mobilization of the public opinion). Practice showed that the introduction of the common national language in China required a longer time in that situation. The results of the Putonghua promotion policy were different in various areas of the country. Time introduces important corrections into the practice of public use of the language.

КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК — ЭЛЕМЕНТ
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СИНГАПУРА

Сингапур представляет собой страну с многоэлементной социолингвистической ситуацией.

В 1965 году с обретением Сингапуром независимости было решено определить малайский, китайский, тамильский и английский языки в качестве официальных языков [Singapore 1996, 3]. Малайский язык стал государственным языком Сингапура.

Описание лингвистической ситуации Сингапура в соответствии с типологией Стюарта и Фергюсона по «формуле социолингвистического профиля стран» [Language and Society 1980, 46] имеет следующий вид: $4L = 4L_{maj}$ (Sow, Sowi, Soi, So), где L_{maj} — «большой язык» (количественно-демографическая характеристика), а также лингвистические разновидности языка: S — литературный; функциональные уровни (типы) языка: o — официальный, w — «лингва франка», или койне, i — интернациональный.

Формула имеет самый общий вид и нуждается в ряде пояснений. Функция «лингва франка» присуща малайскому и английскому языкам в осуществлении коммуникации между различными этническими группами. Однако существуют также коммуникации на диалектном уровне. Этот уровень обслуживается путунхуа, фучзяньским и в меньшей степени кантонским диалектом (имеется в виду китайский язык). Функция интернационального языка отведена здесь английскому и китайскому языкам (Sowi и Soi). Критерием выбора является то, что эти языки входят в число официальных языков ООН [Language and Society 1980, 47]. В соответствии с другими критериями малайскому языку также можно было бы приписать функцию интернационального языка, играющего роль регионального языка для Малайзии и Индонезии.

Таким образом, социолингвистическая ситуация Сингапура представляет собой функциональную иерархию языков, где китайский язык представлен как официальный интернациональный язык.

Без учета критериев диалектов и языков формула для китайского языка в форме путунхуа и основных диалектов может быть такова: $5L = 2L_{maj}$ (Soi, Vg) + $3L_{min}$ (3Vg), где L_{min} — «малый язык» (в качестве родного языка его должны признавать не более 25% и не менее 5% населения, в то время как «большой язык» родным должны счи-

тать более 25%, или более 1 млн населения; он может быть официальным языком и также может являться языком обучения для более чем 50% выпускников средней школы страны) [Language and Society 1980, 45]; V — местный язык; g — этнический (язык, используемый для «внутриэтнической» коммуникации) [Виноградов и др. 1984, 8].

Статусом «большого языка» в Сингапуре обладает путунхуа (мандарин) и фуцзяньский диалект (хоккиен). Официальный язык и диалект родным языком признают 30% населения. Понимает путунхуа 63,9% взрослого населения страны, а фуцзяньский диалект — 77,9% [Language and Society 1980, 44].

«Малые языки» Сингапура — это диалекты чаочжоу, кантонский и хайнаньский (родным языком их признали соответственно 17%, 15,1% и 5,2 % населения). Диалект чаочжоу понимают 59,7% сингапурцев, кантонский — 63,2% . По хайнаньскому диалекту сведений нет [Language and Society 1980, 44].

Фуцзяньский диалект играет роль языка-посредника в условиях коммуникации между представителями различных диалектных групп китайского языка. Путунхуа уступает фуцзяньскому диалекту и является вторым языком-посредником в этих коммуникациях. Владеют фуцзяньским диалектом 97% сингапурских китайцев и путунхуа — 82%.

Являясь местным языком и не будучи языком обучения в школах, а также активно не используемым средствами массовой информации, фуцзяньский диалект несомненно в течение еще долгого времени будет оставаться самым распространенным среди китайского населения Сингапура диалектом, однако число владеющих им людей может уменьшиться. Как местный и этнический язык фуцзяньский диалект используется в более традиционных сферах общения: на рынке (в магазинах будет выбран путунхуа), в кинотеатрах или в концертных залах языком общения скорее всего станет путунхуа, тогда как языком национальных праздников будет диалект [Eddie 1976, 52]. Это, вероятно, справедливо и для других диалектов, сфера употребления которых будет ограничена традиционными рамками.

Относительный языковой статус китайского языка может быть проиллюстрирован следующими данными: понимают путунхуа 3% малайцев, 1,7% индийцев; фуцзяньский диалект понимают 15% малайцев, 8,7% индийцев [Language and Society 1980, 48]. Китайский язык (путунхуа и фуцзяньский диалект) стоит на третьем месте после малайского и английского языков. Необходимо отметить, что для син-

гапурских китайцев и малайский, и английский языки также имеют значение как средство общения между различными языковыми группами. Кроме того, нужно подчеркнуть, что фуцзяньский диалект и путунхуа используются преимущественно в пределах китайской общины. Китайцы, как самая большая этническая группа Сингапура, демонстрируют наиболее сложные и разнообразные языковые связи. Одной из главных тенденций этих связей в последнее время явилось стремление путунхуа завоевать позиции «лингва франка». Этому способствует проводимая с 1978 года по инициативе в то время премьер-министра Ли Куан Ю кампания по распространению путунхуа и ликвидации языковых диалектных барьеров внутри китайской общины [Китайские этнические группы 1986, 101–102].

ЛИТЕРАТУРА

- Виноградов В. А., Ковалев А. И., Порхомовский В. Я. Социолингвистическая типология. Западная Африка. — М., 1984.
- Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. — М., 1986.
- Никольский Л. Б., Охотина Н. В. Проблематика социолингвистических исследований в советском востоковедении // Теоретические проблемы восточного языкознания. — М., 1982.
- Сингапур. Справочник. — М., 1989.
- Eddie C. Y. Kuo. A Sociolinguistic Profile of Singapore. — Singapore, 1976.
- Language and Society in Singapore. 1980.
- Singapore. Facts and Pictures. — Singapore: Ministry of Information and Art, 1996.

SUMMARY

The article deals with the analysis of the place of the Chinese language in the multilingual situation of Singapore. Being represented by a number of dialects, Chinese is concerned to show the most diversified pattern.

The object of the article is to define the factors which determine the functions and the status of the Chinese language in the social interaction within the sociolinguistic profile of Singapore.

НОВЫЙ ТИП ЗАИМСТВОВАНИЙ
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Настоящее сообщение посвящено лексическим проблемам китайского языка, таким как: проблема диалектных заимствований и их проникновение в литературный китайский язык (КЯ), проблема новых типов фонетических заимствований, проблема лексических новообразований, возникших в результате их грамматической адаптации.

Исследование заимствований, так же как и терминологии, которая в большинстве случаев представлена заимствованиями, может осуществляться с разных точек зрения.

1. С точки зрения терминологического состава языка и распределения терминов и заимствований по различным функциональным сферам языка. При таком подходе исследуются лексические единицы, относящиеся к отдельным областям знания.

2. С точки зрения общих свойств и особенностей заимствований, а также терминов, употребляемых в различных сферах.

Заимствования в языке — результат проникновения и влияния иностранных культур. Исторически обусловленная изолированность китайской культуры объясняет то, что до недавнего времени пласт общеупотребительных заимствований был очень невелик. Актуальность данной проблемы по сравнению с настоящим временем была значительно ниже. Это объясняется тем, что в течение последних 16 лет произошли значительные изменения во всех сферах жизни китайского общества. Эти изменения не обошли стороной и язык, который, как социальное явление, чутко реагирует на любые изменения в обществе.

Как мы знаем, китайские иероглифы — это весьма своеобразное средство для передачи звучания слов. Китайской психологии свойственно препарировать слово, выделяя в нем план содержания и план выражения, и поэтому при использовании иероглифа для фонетической записи заимствования всегда необходимо абстрагироваться от значения каждого отдельного иероглифа — слова или морфемы, которые им записаны. Этим в основном объясняется небольшое количество фонетических заимствований в КЯ.

Но тем не менее, при наличии таких экстралингвистических факторов, как высокий авторитет существующего понятия и отсутствие

соответствующих реалий в китайской действительности, фонетические заимствования все равно проникают в КЯ.

Изучая источники заимствования в литературном КЯ, нельзя не придавать значения диалектам. Из всего корпуса исследуемой в данной работе общеупотребительной лексики нами было выделено 20 лексических новообразований, использующих в своем составе в частичном или полном виде фонетические иностранные заимствования, которые проникли в путунхуа из диалектов КЯ, такие как: *di⁴shi⁴* — от англ. *taxi* 'такси', *ba⁴shi⁴* — от англ. *bus* 'автобус', *Txi⁴shan¹* — от англ. *T-shirt* 'футболка'.

Рассмотрим сначала слова, образованные с использованием элемента *di⁴*. Эти фонетические заимствования в достаточно сильной мере грамматически адаптировались в КЯ. Так, на основе слова *di⁴shi⁰* в КЯ образован целый ряд новых слов. Из семи двусложных лексических новообразований одно глагольное — *da³di⁴* 'поймать такси' и шесть именных, образованных по атрибутивному типу связи, где первый компонент заимствования, а именно, *di⁴* выступает либо в качестве детерминируемого, либо в роли родового понятия. Приведем примеры: *mian¹di⁴* 'такси-хлебница' (букв. хлеб + такси) [2]; *mo¹di⁴* 'мототакси' (букв. мотор + такси) [6, с. 70]; *jing³di⁴* 'полицейский автомобиль, подвозящий пассажиров' (букв. полиция + такси) [6, с. 48]; *ma³di⁴* 'гужевая повозка для частного извоза' (букв. лошадь + такси) [7, с. 57]; *di⁴ye³* 'таксист' (букв. такси + дед, дядька) [6, с. 16]; *di⁴piao⁴* 'чек, выписываемый таксистом' (букв. такси + билет, квитанция) [6, с. 16].

Из числа трехсложных образований, созданных на базе компонента *di⁴* четыре, имеющих в своем составе элемент *di⁴*, представлены именными единицами, построенными по атрибутивной модели. Рассмотрим эти единицы: *mu³di⁴shi¹* 'лимузин для гостей' (букв. лимузин + такси) [7, с. 59] (слог *mu³* обязан своим присутствием в данном слове благодаря существующему в КЯ заимствованию *li⁴mu³che¹* англ. *limo-car* 'лимузин'); *ban³di⁴* 'трехколесный велорикша' (букв. дощатое такси) [6, с. 3]; *xia⁴li⁰di⁴* 'малолитражное такси' (букв. марка машины-малолитражки «сяли» + такси) [5, с. 3]; *ben³chi¹di⁴* такси «мерседес-бенц» (букв. марка представительского автомобиля марки «мерседес-бенц» + такси) [5, с. 3]. Одна единица построена суффиксальным способом: *da³di⁴zhe⁰* 'пассажир такси' (букв. ловящий такси человек) [2], где *zhe⁰* — суффикс сущ., обозначающих лиц, зани-

мающихся какой-либо деятельностью или совершающих какое-либо действие¹;

Что касается слова *ba⁴shi⁰* англ. *bus* 'автобус', то оно также достаточно адаптировано в КЯ. Оно явилось «строительным материалом» для создания новых лексических единиц. Все они представлены двуслогами: *leng³ba⁴* 'автобус, оборудованный кондиционером' [7, с. 50].

Приведем пример на употребление этого слова: *Yi⁴nian²gou⁴le⁰ leng²ba⁰ zhuan²xian⁴de⁰ qing²kuang⁴ dao⁴di³-zen³me⁰yang⁴* 'Какова же на самом деле обстановка на линии автобусов, оборудованных кондиционерами, по прошествии года?' (газета «Янченванбао», 1992, 12).

shuang¹ba⁴ 'двухэтажный автобус' [7, с. 79]. Приведем также пример на употребление этого слова из газеты «Гунжэнь жибао» (1994, 6, 14): *Zai⁴Bei³jing¹ cong² mei²zou⁴guo⁰ shuang¹ceng²ba⁴shi⁰, dao⁴ao⁴zhou¹ que⁴ guo⁴le⁰ yi⁴ba³ shuang¹ba⁴ji²* 'В Пекине ни разу не ездил на двухэтажном автобусе, но в Австралии в буквально смысле слова «переболел болезнью двухэтажных автобусов»'.

Многие китайские лингвисты протестуют против признания этих слов общеупотребительными, но их популярность среди носителей языка, упорство и настойчивость, с которой они пытаются войти в состав общеупотребительной лексики, говорят сами за себя [2].

Помимо названных выше заимствований в современном КЯ появились заимствования, содержащие в своем составе иноязычные буквы. Мы условно назовем их алфавитными заимствованиями. Эти заимствования входят в состав общеупотребительной лексики. Их можно разделить на две группы.

Первая группа — это слова, состоящие из двух частей — иноязычной и китайской. Китайцы применительно к таким словам используют термин *чжунвай хэби*, т. е. «сочетание китайских с иностранными элементами». Приведем примеры.

san¹B букв. 'три В', где "В" обозначает три англ. слова *baby*, *beauty*, *beast*, являющиеся самыми популярными персонажами рекламных сюжетов: ребенок, красивая девушка и животные [5, с. 90].

Вот что по этому поводу пишет газета «Дзиньцзи жибао» 1992, 1, 22: *Yong⁴ san¹bi⁴ (mei³nu³, dong⁴wu⁴, ying²er⁰) zuo⁴ guang³gao⁴, ye³shi⁴ yi⁴zhong³ guo²ji¹ guang³gao⁴ye⁴de⁰ chang²shi⁴* 'Использование принципа

¹ Морфема *di⁴* была взята в кавычки Ван Текунем в работе «Культурно-психологический анализ новых заимствований в китайском языке» (1993).

3 "B" (*baby, beauty, beast*) для производства рекламной продукции — это также одно из распространенных явлений в мировой рекламной индустрии⁷.

SOSer²tong²cun² букв. 'детская деревня SOS', где SOS означает англ. *Save Our Souls* 'приют, для детей, оставшихся без родителей' [3, с. 605];

Qcxiao³zu³ букв. 'группа контроля за качеством', где QC означает англ. *Qualify Control* 'контроль за качеством' [3, с. 554];

Рассмотрим пример из газеты «Цзиньцзи жибао» 1983, 9, 16: *Zai⁴guang³li³fang¹mian⁴ yao⁴ ren⁴zhen¹ zong³jie² ji³nian²lai² tui¹xing² quan²mian⁴ zhi⁴liang⁰ guang³li³de⁰ jing³yan⁴, bian¹ guang¹fan⁴de kai¹zhan³ Qcxiao³zu³huo²dong⁴* 'В сфере управления необходимо старательно обобщать опыт нескольких лет внедрения управления качеством и тем более расширять сферу деятельности групп контроля за качеством'.

Bpzu² букв. 'группа пользователей пейджерами', где BP — это англ. *Broadcasting Pigeon* 'пейджер' [5, с. 2].

Ke³jian⁴ du¹shi⁴ Bpzu² xing²xing²se⁴se⁴, liang³you³bu⁴qi³ 'Среди тех, кто пользуется пейджерами, бывают всякие: и хорошие и плохие'. Пример на употребление взят из издания «Гунгун баодао» 1993, 8, 18. Английская часть этого слова BP (*broadcasting pigeon*) входит также в заимствование *Bpji¹* 'пейджер' (букв. 'устройство-пейджер').

Aazhi⁴ — формула расчетов, по которой каждый платит за себя, например, в ресторане, букв. 'АА-форма' [7, с. 1], где АА — это графическое изображение равного долевого участия в оплате счета;

Yi²ge⁰ren² qu⁴chi¹fan⁴ hen³ mei²you³yi⁴si⁰, bian¹ yao² ta¹ Aazhi⁴, ye³ jiu⁴si⁰ yi¹kua⁴chi¹fan⁴ ge⁴zif⁰gu¹qian² 'Одному обедать скучно, поэтому гораздо лучше пригласить его вместе пообедать, но пусть каждый платит за себя сам' (газета «Синьминь ванбао» 1994, 5, 19).

TPOyishi — англ. *time, place, order* т. н. 'понятие времени, места и порядка', букв. 'сознание времени, места и порядка' [5, с. 100].

Приведем пример из газеты «Чжунго сяофейчжэбао» 1992, 4, 4.

Huo³xu⁴, ru³jin¹hai²yuan³yuan³ bu²shi⁴ suo³you³de⁰ren² dou¹ ju⁴bei²le⁰ qiang²lie⁴de⁰ TPO yi⁴shi⁴, ran²'er² shuo¹ zhe⁴yi⁴shi⁴ zheng⁴ zhu³jian¹shen¹ ru⁴ ren²xin¹, kong³pa⁴ shi⁴ wu¹yi²de⁰ shi⁴shi² 'Возможно, в настоящее время еще далеко не все люди обладают ярко выраженным понятием времени, места и порядка, однако нельзя отрицать того, что это понятие постепенно входит в сердца людей'.

AIDer²tong² англ. *Artificial Insemination Donor* 'ребенок, зачатый искусственным способом' [3, с. 1].

AIDer²tong² you³quan² zhi¹xiao³ sheng⁴fu⁴ — riu⁴qu¹ shi²xing² you³guan¹ ren²gong¹ shou¹jing⁴ de⁰fa³liu⁴ 'В Швеции введен закон, имеющий отношение к искусственному зачатию, который гласит, что ребенок, зачатый искусственным способом имеет право знать имя своего отца'. (Газета «Чжунго циньняньбао» 1990, 9, 13).

Okjie¹ — улица, где много иностранцев и часто слышится слово «о'кей», букв. 'улица (о'кей)' [3, с. 533].

Okjie¹ jiu³jing⁴ zai⁴he²chu³ 'В чем же причина существования «окейной» улицы?' (Газета «Гунжень жибао» 1989, 6, 1).

Вторая группа алфавитных заимствований представляет собой иностранные слова-аббревиатуры, используемые КЯ без сочетания с элементами КЯ, т. е., так сказать, в первозданном виде. Например: *TDK*, где *T* — это англ. аббр. *TOEFL* (*Test of English as a Foreign Language*), *D* — англ. *dance* 'танцы', *K* — англ. *kiss* 'поцелуй', что является самыми популярными увлечениями китайских студентов [4, с. 85]. Подобной аббревиатуры в английском не существует. В данном случае китайский самостоятельно создает сокращения иностранных слов и использует их в своем составе в виде самостоятельной лексической единицы. Приведем пример из газеты «Вэньхуэйбао» 1991, 1, 2: *Cai²liao⁴xi⁴, fa³liu⁴xi⁴de⁰ xue²sheng¹ fen¹fen¹ jiu⁴ TDK (ji²tuo¹fu⁴, tiao⁴wu³, tan²lian²'ai⁴) zhe⁴zhong³ xiao⁴yuan⁴ liu²xing²de⁰ xian⁴xiang⁴ qing³jiao⁴lao³zhan⁴shi⁰* 'Студенты юридического факультета обращались к «старой гвардии» за всевозможными советами по поводу такого популярного в вузах увлечения, как *TDK* (*TOEFL*, *dance*, *kiss*)'.

OA англ. *Office Automation* 'автоматизация работы в офисе' [6, с. 533]; *Mu⁴qian², zai⁴ri⁴ben³de⁰ bao⁴kan¹ dian³shi⁴ he² guang³gao⁴zhong¹, sui²shi² dou¹ neng²kan⁴jian⁴ "OA" de⁰ zi⁴yang⁴, ke³yi³shuo¹ "OA" re⁴chao² yi³xi³juan² ri⁴ben³* 'В японской печати, на телевидении и в рекламе всегда можно увидеть аббревиатуру "OA", можно сказать, что волна Автоматизации Офисов уже захлестнула Японию' (газета «Жэньминь жибао» 1985, 5, 1)

На наш взгляд, появление этих лексических образований, использующих в своем составе иноязычные, в частности, латинские буквы, можно объяснить следующими факторами:

Во-первых, отсутствие данного понятия в КЯ. Это, по-видимому, основная предпосылка появления в языке этих единиц.

Во-вторых, высокий авторитет этих новых понятий и их популярность у носителей заимствующего языка, о чем, в частности пишет Ван Текунь [2].

В-третьих, их появление связано с одной из особенностей словообразования в китайском языке — это склонность китайского языка к сокращениям, на которую указывал еще Е. Д. Поливанов.

В рассматриваемом случае КЯ не использует сокращение собственных многосложных образований, а заимствует аббревиатуры из других языков. Тенденция к экономии языковых средств, с одной стороны, и высокая потребность в заимствованиях, присущая КЯ на современном этапе, с другой стороны, объясняют появление большого числа таких лексических единиц.

В связи с рассматриваемой здесь специфической лексикой КЯ хотелось бы отметить еще один факт. Традиционно считалось, что в связи со слоговым характером языка и иероглифической письменностью в китайской лексике отсутствует инициальный тип аббревиации. Однако, тем не менее, КЯ сам стал активно использовать для создания, по сути, китайских неологизмов собственные аббревиатуры инициалей. Приведем пример: *HSK* — *Han⁴yu³ Shui³ping² Kao³shi⁴* ‘государственный экзамен, определяющий уровень знания КЯ иностранцами’ (букв. китайский язык + уровень + экзамен).

Рассмотрим процесс использования фонетических заимствований в качестве строительного материала для образования новой лексики.

В процессе отбора материала было зафиксировано довольно большое количество лексических новообразований, использующих в своем составе уже известные нам ранее, весьма распространенные фонетические заимствования или фонетические элементы заимствований, прошедших адаптацию.

Рассмотрим следующие примеры:

ao¹xing¹ ‘звезда олимпийских игр’, букв. ‘олимпийская звезда’ [6, с. 1], где *ao¹* — это сокращение от заимств. *ao¹lin²pi¹ke⁴* ‘олимпийский’, а *xing¹* означает ‘звезда’; *lao³di²* ‘дискотека’, где *di²* — сокращение от *di²si¹ke¹* ‘диск’ [3, с. 432]; *ba¹niang⁰* ‘женщина-хозяйка бара’, где *ba¹* — это ‘бар’ [6, с. 2]; *ba¹xiong¹ba¹di⁰* ‘завсегда-тай баров’ [3, с. 10], где *ba¹* также означает ‘бар’, а морфемы *xiong¹* и *di⁰* означают ‘младший брат’; *bi¹ji¹ni¹gua⁴li⁴* ‘настенный календарь с фотографией фотомодели в бикини’ [5, с. 10], букв. ‘бикини-календарь’, где *bi¹ji¹ni¹* — это ‘бикини’.

Некоторые рассмотренные слова состоят из заимствованного многосложного фонетического элемента и первичной лексемы китайского происхождения, выступающей в роли аффикса или полуаффикса.

Таким образом, можно прийти к выводу, что тема заимствований стала более актуальной в связи с социальными переменами в жизни китайского народа. Появился новый тип заимствований, не рассматривавшийся ранее. Имеются в виду алфавитные заимствования. Возможно, по-видимому, говорить, что изменилось восприятие иностранных слов носителями языка. Особый интерес к этим словам придает то, что они обозначают реалии нетрадиционного характера, ранее несвойственные для Китая. Видимо, можно предположить, что в будущем процессы заимствования в КЯ будут активизироваться.

ИСТОЧНИКИ

1. Иванов В. В. Терминология и заимствования в современном китайском языке. — М.: Наука, 1973.
2. Ван Текунь. Ханькой синьвайлайцы вэньхуа синьли тоуши (Культурно-психологический анализ новых заимствований в китайском языке) // Ханькой сюэси. 1993, № 1.
3. Сяндай Ханькой Синьцы Цыдянь (Словарь новых слов в современном китайском языке). — Пекин, 1993.
4. Синьцы синькой. — Пекин, 1991.
5. Синьцы синькой. — Пекин, 1992.
6. Синьцы синькой. — Пекин, 1993.
7. Синьцы синькой. — Пекин, 1994.

БАЗА ДАННЫХ ПО ДРЕВНЕКИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ИНТЕРНЕТЕ

Современные технологии позволяют осуществить переход к принципиально новому виду публикаций — к электронным публикациям в Интернете. В настоящем докладе я хочу представить одну из таких публикаций — электронную базу данных по древнекитайскому языку и по китайским диалектам, размещенную в Интернете в рамках международного проекта «Вавилонская башня» по адресу <http://starling.rmet.ru>.

По существу данная база данных представляет собой большой словарь китайских иероглифов (в кодировке Big5) с информацией о современном, среднекитайском и древнекитайском чтении каждого иероглифа, с включением этимологических данных (параллелей из родственных синотибетских языков). Древнекитайская база данных динамически связана с базой данных по китайским диалектам, предоставленной гонконгскими и американскими коллегами — проф. Уильямом Ваном и Цинь-Чуань Чэном.

В настоящее время в Интернете уже существует довольно разветвленная сеть материалов по китайской лексикографии. Успешная попытка ее интеграции предпринята д-ром Риком Харбо (<http://zhongwen.com>), который, в частности, поместил на своем сайте и динамическую отсылку к нашей базе данных. Описываемая здесь китайская база данных, таким образом, представляет собой пересечение двух больших международных проектов: проекта «Вавилонская башня» (который, кроме китайской, объемлет еще целый ряд других евразийских этимологических баз данных) и проекта д-ра Харбо «A Web of Chinese Characters», объединяющего ряд иероглифических баз данных из США, Китая, Тайваня и Японии.

Интернет как справочная система стремительно расширяется, и китаистика играет в этом процессе далеко не последнюю роль.

ПРИРОДА ФОНЕМЫ И ЕЕ ВЫДЕЛИМОСТЬ
В ФОРМОИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКАХ

Основными элементами материальной субстанции языка являются звуки. Они выделяются исследователями всех языков, независимо от их типа и принадлежности лингвиста к той или иной национальной лингвистической традиции. Звуки выделяются в том числе и в китайском, вьетнамском и других изолирующих языках Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Однако разные языки используют свою материальную субстанцию, т. е. звуки, для образований знаков по-разному. Рассмотрением того, как незнаковые единицы участвуют в построении языковых знаков, занимается, как известно, особый раздел языкознания — фонология. Выделяются две главные функции фонологических единиц: 1) конститутивная, т. е. знакообразовательная, и 2) дистинктивная, или дифференцирующая, т. е. знакоразличительная, которые тесно связаны между собой и предполагают существование друг друга. Фонологические единицы, могущие выполнять эти функции, переходят из ведения собственно фонетики в ведение фонологии. Фонологические единицы не обязательно должны коррелировать лишь с отдельными звуками. Они могут быть разной протяженности и соотноситься: а) со звуком, б) слогом, в) частью слога, г) фонетическим словом и т. д. Термины «фонема» и «силлабема», используемые в фонологии изолирующих языков, — это краткое наименование классов конкретных звуков и слогов, использующихся в определенной функции. Сами же фонемы и силлабемы отражают упорядоченность и организованность этих фонетических единиц в языке. Фонемы являются незнаковыми единицами так же, впрочем, как и другие фонологические единицы. То, что в языках определенной типологии они иногда самостоятельно, так сказать, «в одиночку» могут экспонировать языковые знаки, т. е. морфемы и слова, есть дело случая, предопределяемого структурой конкретного языка. Несмотря на наличие знаковых и незнаковых единиц языка и признание известной независимости плана выражения от плана содержания и относительную их автономию, тем не менее структура знаков несет на себе отпечаток более высоких уровней языка и его типа. Так, в индоевропейских флективных языках активно используются отдельные фонемы для экспонирования служебных морфем: различных падежей, аффиксов, предлогов, сою-

зов и т. д. Данную функцию можно назвать экспонентной функцией фонемы. Некоторые исследователи считают, что в неразвитом виде эта функция представлена во всех языках. Вместе с тем должно быть очевидным, что при наличии языков разных типов и разных, соответственно, структур не может быть фонемы, характеризующейся совершенно одинаковыми свойствами. Попытки выделить на примере какого-нибудь одного языкового типа понятие некой «чистой фонемы» с целью придания ему общелингвистического значения, с нашей точки зрения, заведомо ошибочны. Сторонники нефонемной фонологии изолирующих языков основываются на понимании фонемы как только такой звуковой единицы, которая актуально или потенциально может самостоятельно экспонировать морфемы. Данное свойство фонемы, широко представленное во флективных языках, они пытаются обнаружить и в изолирующих языках. Тем самым либо предполагается, что в структурном отношении эти языки должны быть сходными, либо приходится применять к разным языкам как бы одну мерку — но «чистую фонему», понимаемую в духе ЛФШ. Однако, насколько нам известно, исследователи изолирующих языков, наоборот, подчеркивают отличие этих языков от неизолирующих. В. Б. Касевичу, например, принадлежит детальная разработка принципов, по которым выделяются такие языки, как китайский, вьетнамский, бирманский и др. в так называемый изолирующий тип языков слогового строя. Значит, приходится констатировать, что они фактически пытаются обнаружить в изолирующих языках такую же фонему, как и в неизолирующих языках. Можно сказать, что они «борются» за «чистую» фонему, которая бы и различала смысл, и самостоятельно его выражала. Но такая попытка приводит лишь к тому, что сторонникам данного направления приходится отказываться от фонемы в изолирующих языках на том основании, что в них фонемы различают звуковые оболочки слов и морфем, но самостоятельно их не образуют. Но это вряд ли справедливо. Дело в том, что фонема, будучи незнаковой единицей, в принципе, не обязана самостоятельно, «в одиночку» экспонировать языковые знаки. Она вместе с другими фонемами лишь участвует в их построении и различении. С этой точки зрения, как было показано в ходе настоящего исследования, фонемы китайского, вьетнамского и, можно полагать, других изолирующих языков ничем не отличаются от фонем индоевропейских языков. Разница состоит в том, *как они участвуют* в этом. Благодаря наличию таких специфических аггредент-

ных свойств у фонем изолирующих языков, как признак лояльности в структуре слога, они оказываются жестко «упакованными» в такие промежуточные единицы, какими выступают в этих языках инициали и финали. Именно через них фонемы изолирующих языков выполняют свою дистинктивную и конститутивную функции. Строго регламентированная дистрибуция фонем изолирующих языков в их интегрентные свойства позволяет классифицировать их с точки зрения функций и позиций в структуре слога. Инициали, медиали, централь и терминали — это классы конкретных фонем, занимающие соответствующие позиции в слоге полного состава. Если взглянуть на эти фонемы с точки зрения их иерархии в слоге, имея в виду их «вес», «важность», то, в отличие от фонем неизолирующих языков, они будут лежать на разных ступенях, так как они выделяются из слога последовательно. Инициаль выделяется в результате первого этапа членения слога на инициаль и финаль. Медиаль является результатом следующего шага членения, но уже финали тоже на две части, в результате которого выделяются медиаль и субфиналь. Централь и терминаль являются фонемами, на которые распадается субфиналь.

Из-за того, что фонемы в изолирующих языках очень жестко входят в своего рода фоноблоки — инициали и финали, они как бы «спрятаны» за ними и, описывая фонологический строй этих языков с помощью этих традиционно выделяемых двух частей слога, исследователи фактически оперируют фонемами, входящими в них, хотя порой и не называют данные структурные элементы фонемами.

Однако несмотря на это фонема в изолирующих языках должна выделяться потому, что, как справедливо считает Г. В. Воронкова, эта единица функциональна «не как непосредственно наблюдаемая материальная реальность, а как структура, обнаруживаемая в функционировании этой реальности, наблюдаемая только опосредованно». Ее выделение в изолирующих языках, с нашей точки зрения, не скрывает языковую специфику этих языков, а наоборот, помогает ярче представить эту специфику. Она заключается отнюдь не в отсутствии фонемы, а в ее необособленности от слога (точнее — его структурных элементов), жесткой дистрибуции в его пределах и неспособности самостоятельно экспонировать языковые знаки.

В целом, фонологический уровень здесь имеет более сложное строение, нежели в языках иной типологии. Дело тут, конечно, не только в наличии суперсегментных фонем, так называемых тонем,

число которых колеблется от четырех в китайском, и до шести во вьетнамском, но также в значительно большем выборе сегментных фонологических единиц с четко выраженным специализированным назначением. Однако в данном ряду фонологических единиц в китайском, вьетнамском и других изолирующих языках, который может быть представлен как фонема — инициаль, финаль — силлабема, исходным началом, как и в других языках, является фонема. Ей принадлежит своеобразная точка отсчета для остальных фонологических единиц. Наше исследование показало, что она характеризуется как общими свойствами, так и специфическими. С нашей точки зрения, в равной мере неоправданно как выдвигать на первый план лишь общие свойства и не замечать особенного в фонеме изолирующих языков, так и всячески подчеркивать специфику в ущерб констатации того общего, что объективно принадлежит фонемам в этих языках. Материал изолирующих языков подтверждает наличие в языках типа китайского и вьетнамского фонемы, которая в современной лингвистике относится к числу основных языковых универсалей. А сама фонема и ее функционирование в этих языках могут также доказывать их типологическое единство.

ЛЕКСИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Свойства слога и соответствующей ему слоговой морфемы китайского языка хорошо исследованы за последние десятилетия. Они существенно отличаются от свойств слога языков иных типов, в частности, от тех европейских языков, где слоги, как правило, не имеющие ни собственного значения, ни собственной просодии, объединяются лексическим ударением в слова. Многосложные единицы китайского языка не всегда соответствуют слову европейских языков. Акцентуация многосложных единиц китайского языка, состоящих из знаменательных слоговых морфем, обладающих собственным значением и собственной просодией, т. е. всеми признаками отдельной лингвистической единицы, имеет иной смысл и занимает иное место в просодической структуре китайского языка.

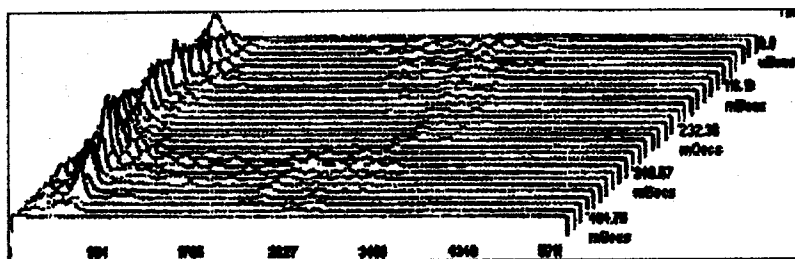
Основными структурными единицами китайского языка являются количественные величины: однослог, двуслог, трехслог и т. д. Количественный принцип формирования структурных единиц объясняется как грамматическими, так и просодическими причинами. По своим семантическим и просодическим признакам слоговая морфема может выступать в речи как отдельная лингвистическая единица. Однако в действительности она обычно выступает в сочетании с другими односложными или многосложными лингвистическими единицами, образуя единицу следующего уровня. Двуслог представляет собой тот необходимый и достаточный речевой количественный минимум, внутри которого могут проявляться синтаксические и ритмико-акцентуационные отношения [Драгунов 1962, 41–47]. Количественные единицы старших уровней — трехслог, четырехслог и т. д. — обладают своими особыми синтаксическими и ритмико-акцентуационными свойствами, которые все же основываются на упомянутых свойствах основных количественных единиц: односложной морфемы и двуслога. Акцентуация является одним из существенных признаков просодии количественных единиц.

Среди исследователей китайского языка часто высказывается мнение, что на синтаксическом уровне количественные единицы могут быть как непрерывными, так и разрывными, но на фонетическом уровне они непрерывны. Непрерывность количественных единиц —

понятие очень удобное, потому что оно позволяет членить высказывание на единицы, по размерам большие, чем слог. Однако непрерывность многосложных лингвистических единиц китайского языка нуждается в специальном определении.

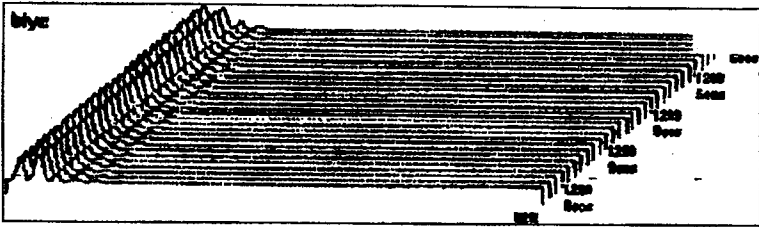
В языках с другими типологическими характеристиками слоги часто сливаются в единое слово, которое может быть разделено на слоги не единственным способом. В китайском языке слово делится на слоги единственным способом. При этом каждый слог является носителем некоторого значения, поэтому одним из важных требований к произношению слога — как изолированному, так и в составе высказывания, — является четкое обозначение его границ.

Слуховое исследование показывает, что даже при значительном темпе речи слоги в составе количественных единиц различаются достаточно четко. Анализ компьютерных фонограмм многосложных единиц показывает, что слоги разделены пограничными сигналами двух видов. Так, двуслог *ji¹hui⁴* 'случай, возможность' произносится с паузой, которая воспринимается на слух не только при его отдельном произношении, но также и в быстрой связной речи. Однако пауза, воспринимаемая на слух, здесь не является полным перерывом звучания. Время звучания этого двуслога в изолированном произношении — 501 мсек. На диаграмме частотного спектра его изолированного произнесения отчетливо виден перерыв в развитии высокочастотных формант при сохранении непрерывности низкочастотных. Формантная структура паузы образована двумя частотами в области 200 и 500 герц и длится около 60 мсек.

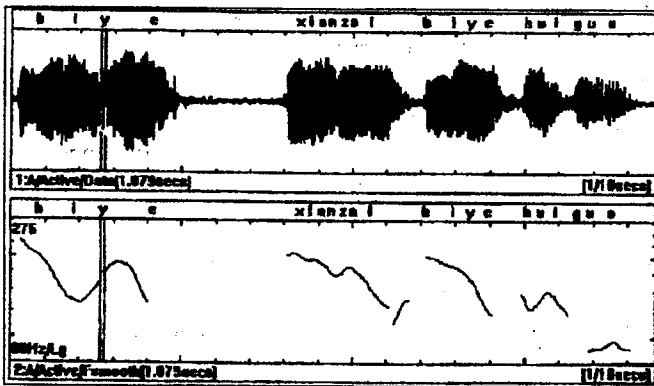
В составе высказывания *shuo hanyu de jihui tai shao* 'мало возможностей поговорить по-китайски' тот же двуслог *jihui* длится 326 мсек. На диаграмме частотного спектра отчетливо виден перерыв в развитии не только высокочастотных, но также и низкочастотных формант. Слышимая пауза длится также примерно 60 мсек. Она начинается

движением двух низкочастотных формант порядка 100 и 500 герц и завершается примерно 25 мсек. отсутствия звучания.

Двуслог *biye* 'окончить (учебное заведение)' также произносится с паузой, которая воспринимается на слух как при отдельном произношении, так и в связной речи. В амплитудной диаграмме разрывы отсутствуют, что дает возможность утверждать непрерывность его звучания. Однако на диаграмме частотного спектра его изолированного произношения отчетливо виден перерыв в развитии высокочастотных формант при сохранении непрерывности низкочастотных.

Линией слогораздела на спектрограмме служит переход от слога *bi*, обладающего бедным формантным составом, к слогу *ye* с более богатой формантной характеристикой. Особенностью переходной области между этими двумя слогами является присутствие двух высокочастотных формант порядка 2600 и 3000 герц с разрывом в 22 мсек, который, вероятно, соответствует воспринимаемой на слух паузе.

В составе высказывания *xianzai biye hui guo* 'теперь окончил и возвращаюсь на родину' в двусловном слове *biye* разрывы спектра, соответствующие паузе, отсутствуют.

Составляющие их слоги взаимодействуют в связной речи как на сегментном, так и на суперсегментном уровне. Взаимодействие на сегментном уровне не зависит от грамматической структуры количественной единицы. На уровне просодии дело обстоит иначе. Взаимодействие тонов слогов, входящих в количественную единицу, не зависит от ее грамматической структуры. Таким образом, количественные единицы китайского языка являются единицами прежде всего просодическими. По признаку устойчивости количественные единицы могут представлять собой устойчивые лексические единицы и неустойчивые синтагмы. Ближайшим аналогом устойчивых лексических единиц в европейских языках являются сложные слова, состоящие из двух или большего числа знаменательных морфем. Ближайшим аналогом синтагм является акцентная группа, которая состоит из нескольких слов, произносимых без паузы и объединенных общим ударением. Различие между ними находится в области их синтаксических свойств: в европейских языках акцентная группа чаще всего бывает словосочетанием, а в китайском она может быть как словосочетанием, так и словом.

Не обладающие специальной подготовкой пекинцы обычно не имеют представления о том, что в их речи существуют сильные и слабые акценты. Вопрос о распознавании различных степеней акцентирования они часто воспринимают как вопрос о тонах соответствующих слогов. Кстати, ответ на вопрос о тонах большая часть пекинцев, не имеющих соответствующей подготовки, тоже дает не без некоторых колебаний, хотя им всем известно о существовании четырех пекинских тонов. [Ноя 1983, 7]. Это означает, что в самом китайском языке акцентуация, несомненно, является одним из признаков правильной речи, в исследованиях по акцентуации приводятся некоторые минимальные пары двуслогов, которые различаются только местом акцента. Однако для большинства двуслогов она не является фонологически релевантным признаком.

Дальнейшие исследования показали, что акцентуация двуслогов формируется в результате взаимодействия трех факторов: коммуникативного, семантического, прагматического.

Каждая многосложная количественная единица представляет собой некое сообщение, члены которого несут различную коммуникативную нагрузку. Это различие часто бывает отражено в ее акцентуации. В составе этих единиц имеются знаменательные и служебные слоговые морфемы. По правилам акцентуации выделению подлежат знамена-

тельные морфемы, служебные морфемы могут быть выделены лишь в результате сознательного акта. В соответствии с коммуникативными свойствами слоговых морфем в современном китайском языке существуют две акцентные схемы лексических единиц: одноакцентные и двуакцентные. При этом одноакцентными могут быть только двуслоги. Лексические единицы, состоящие из трех и большего числа слоговых морфем, имеют два акцентированных слога. При этом существенно, что один из них бывает акцентирован сильнее другого. Остальные слоги в составе многосложных лексических единиц произносятся без акцента. Наиболее сложны правила акцентуации двуслогов.

Как уже было сказано, двуслоги могут быть как одноакцентными, так и двуакцентными. В двуакцентных каждый слог произносится в своем этимологическом тоне. Эти акценты различаются по силе. В зависимости от места сильного акцента двуслоги делятся на двуслоги-хореи с сильным акцентом на первом слоге и двуслоги-ямбы с сильным акцентом на втором [Chao Yuan Ren 1968, 146–155]. В одноакцентных сильный акцент часто падает на первый слог, который произносится в своем этимологическом тоне, а второй слог произносится безакцентно в нейтральном тоне.

Если отвлечься от переходных случаев, о которых будет сказано ниже, можно отметить, что двуакцентный двуслог представляет собой пару знаменательных морфем, связанных между собой некоторым синтаксическим отношением, а одноакцентный — сочетание знаменательной морфемы со служебной, связанных между собой отношением порядка следования. Эта краткая характеристика плана содержания двуслогов показывает, что с точки зрения содержания они представляют собой достаточно прочное единство, поэтому их акцентуация вряд ли выполняет здесь функцию объединения морфем в одну смысловую и просодическую единицу. Скорее наоборот, два акцента на двусложной лингвистической единице подчеркивают раздельность слогов, входящих в их состав, а различие в силе акцента показывает их иерархию. Двуслоги второго акцентного типа одноударные, это достаточно определенно указывает на то, что акцент здесь выполняет функцию объединения двух слогов в единую просодическую и смысловую единицу.

Для того чтобы лучше представить себе лингвистическую природу акцентуации двуслогов, состоящих из знаменательных морфем, требуется отступление в область акцентуации количественных единиц старших уровней. Акцентуация количественных единиц разных уровней

сходна в отношении числа акцентно выделенных слогов и в отношении их силы. Просодия двуслогов, трехслов, четырехслов предусматривает два акцентно выделенных слога. Их акценты, в принципе, различны по силе: один из них бывает сильным, другой — слабым. Место акцентированного слога зависит от семантики морфем, образующих многосложную количественную единицу.

В трехсловах, состоящих из знаменательных морфем, слабый акцент приходится на первый слог, сильный — на последний. Если последний его слог произносится в нейтральном тоне, сильный акцент смещается на предпоследний слог [Chao Yuan Ren 1968, 147]. Предпоследний слог трехслова всегда произносится в редуцированном тоне, который иногда рассматривается как тональный глайд, соединяющий крайние точки тонов первого и третьего слогов [У Цзунцзи 1985, 73].

Акцентуация четырехслов, состоящих из знаменательных морфем, учитывает не только семантические, но также и ритмические факторы: акцентное выделение могут получить либо два четных, либо два нечетных слога. Если хотя бы один нечетный слог произносится в нейтральном тоне, акцентуация приходится на четные. Последний акцент в четырехсловах бывает сильнее первого. Безакцентные слоги в четырехсловах произносятся в редуцированных тонах в том случае, если не являются носителями нейтрального.

Таким образом, акцентуация двуслов, состоящих из знаменательных морфем, в своих основных чертах сходна с акцентуацией трехслов и четырехслов: повсюду наблюдаются два акцентированных слога, из которых последний акцент бывает сильнее первого. Важным отличием трехслов и четырехслов является присутствие слогов редуцированного тона, который свойствен слогам в предложении. Все это дает основание считать, что акцентуация двуслова представляет собой одну из разновидностей акцентуации количественных единиц.

Количественные единицы китайского языка обладают значением, которое образуется из значений составляющих слоговых морфем. По своим грамматическим свойствам они могут выступать в речи и как неделимые слова, и как легко разделяющиеся словосочетания с различной степенью их лексикализации. Лексические единицы, засвидетельствованные в словарях, свободные сочетания знаменательных односложных морфем, грамматические формы, состоящие из знаменательной и служебной морфемы, представляют собой частные случаи количественных единиц. Соответственно акцентуация каждой из них представляет со-

бой частный случай их акцентуации. Она зависит от нескольких факторов, которые будут описаны ниже.

Семантическим фактором, влияющим на акцентуацию количественных единиц, является значение морфем, входящих в их состав. Не вдаваясь в семантическую сторону дела, следует сказать, что для акцентуации количественных единиц существенно прежде всего то, из каких морфем они состоят. В их составе взаимодействуют морфемы, различные как по семантике, так и по грамматической функции. Акцентная схема количественной единицы находится в прямой зависимости от семантики морфем, входящих в состав двуслогов. Двуслоги, состоящие из знаменательных морфем, смысл которых полностью понятен говорящему, имеют акцентуацию по ямбической схеме: слабый акцент на первом слоге и сильный акцент на втором. Двуслоги, состоящие из слоговых морфем, не имеющих собственного значения, т. е. из слогов в собственном смысле этого слова, имеют акцентуацию по хореической схеме: сильное ударение на первом слоге и слабое на втором. Одна часть таких двуслогов — *худе* 'бабочка', *чжичжжу* 'паук' и т. п. — является наследием истории китайского языка, другая — *путао* 'виноград', *боли* 'стекло' и т. д. — является заимствованием из иностранных языков. В сущности, такие двуслоги представляют собой двусложные морфемы китайского языка.

Ко второму классу относится одна акцентная схема, которая используется в двусловах — грамматических формах, состоящих из знаменательной морфемы и служебной морфемы — энклитики. Служебные морфемы энклитики лишены акцента, знаком чего является их произнесение в нейтральном тоне. Знаменательная морфема в этих двусловах является носителем сильного акцента. По этой схеме осуществляется акцентуация двуслогов — грамматических форм с суффиксами *-ла*, *-го*, *-чжэ*, а также двуслогов — словообразовательных форм с суффиксами *-цзы*, *-тоу* и т. п. Акцентуация первого слога в рассмотренных выше двусловах является прямым аналогом ударения в европейских языках.

Особенностью акцентуации китайского языка является то, что в нем существует класс слоговых морфем, которые в связной речи обычно никогда не несут никакого акцентного выделения. Безакцентность морфемы бывает вызвана как ее грамматическими функциями, так и просодическими свойствами.

К числу слабых морфем, которые тяготеют к безударной позиции в составе высказывания, относятся местоимения, некоторые наречия, предлоги, связка *shi* и такие глаголы, как *zai* 'находиться', *you* 'иметь' и т. д.

Слоги 3-го тона плохо сочетаются с акцентуацией; в тех случаях, когда рамки возможных схем это позволяют, они предпочитают уступать акцентное выделение другому слогу. [Hoа 1983, 79]. Рассмотрим акцентуацию следующих предложений: (а) *la xiao tiqin* 'Играть на скрипке', (b) *la da tiqin* 'Играть на виолончели'. Слог *xiao* произносится в 3-м тоне, слог *da* в 4-м тоне. Высказывание (а) почти всегда произносится с сильным акцентом на последнем слоге и со второстепенным на первом, между тем как высказывание (b) часто произносится с сильным акцентом на последнем слоге и со второстепенным на втором.

Дело здесь, как пишет М. Хуа, не в самом восприятии слога в 3-м тоне как менее сильного. Достаточно сравнить произношение первого слога, одинакового в обеих синтагмах, чтобы понять, что это не так. Между ними чувствуется большое различие. Тот слог, который предшествует слогу с 3-м тоном, произносится гораздо сильнее и звучит длительнее [Hoа 1983, 81]. Поэтому, по наблюдениям М. Хуа, роль слогов 3-го тона не столько в собственной слабости, сколько в способности усиливать предшествующий слог.

По наблюдениям М. Хуа, акцентуация зависит от темпа речи. Чем речь скорее, тем дальше отстоят друг от друга акцентированные слоги.

Основным прагматическим фактором, влияющим на акцентуацию количественных единиц, является коммуникативная значимость морфем, входящих в их состав. Как было показано выше, в двуслогах все знаменательные морфемы получают акцентное выделение. Однако, если в многосложной лексической единице все морфемы знаменательны и их значение полностью сознается говорящим, может возникнуть проблема коммуникативной значимости каждой из них.

Логическое выделение одного из слогов двуслога, строго говоря, не имеет отношения к акцентуации как таковой, потому что оно целиком зависит от намерения говорящего. Тем не менее упоминание о нем представляется полезным, потому что логическое выделение слога в составе лингвистической единицы является одной из тех особенностей лексических единиц китайского языка, которая роднит его с предложением, где логическое выделение одного из его членов является знаком его коммуникативной перспективы.

Акцентуация двуслогов зависит также и от синтаксических свойств морфем, входящих в их состав. В двусловах с определительной связью между слоговыми морфемами, если морфема-определяемое представляет собой зависимую по своим синтаксическим свойствам морфему и не употребляется самостоятельно в устной речи, она не несет сильной акцентуации. Соответственно двуслоги, содержащие такие слоговые морфемы, имеют акцентуацию по хореической схеме. Одна часть таких двуслогов представляет собой слова разговорного языка: *цаньин* 'муха', *сицзюэ* 'сорока' и т. п., другая часть — научные термины, в состав которых часто входят слоговые морфемы древнекитайского языка: *шуйцзин* 'кристалл', *дуйдай* 'отношение', *дунтай* 'состояние' и т. п. [Сюй Шижун 1956, 36].

Особой разновидностью двуслогов-хореев являются такие, которые состоят из двух слоговых морфем-синонимов: *пэнью* 'друг', *ифу* 'одежда' и т. п. С точки зрения семантики, значение второй морфемы является плеоназмом по отношению к первой. С коммуникативной точки зрения, вторая морфема не является носителем какой-либо новой информации по сравнению с информацией первой, поэтому естественно, что акцентуация первой морфемы бывает сильной, а акцентуация второй — слабой. Ее акцентуация бывает настолько слаба, что во многих руководствах по китайской просодии ее тон обозначается как нейтральный.

К этой же разновидности двуслогов-хореев относятся также двуслоги-редупликации, среди которых имеются термины родства типа *зэзэ* 'старший брат', *бобо* 'старший дядя' и т. п., а также двуслоги-редупликации, представляющие собой грамматические формы: *кань-кань* 'посмотреть', *шушу* 'причесаться' и т. п. Здесь также вклад второй морфемы в семантику двуслога в целом расценивается как несущественный, поэтому акцентуация первой морфемы бывает сильной, а акцентуация второй — слабой настолько, что ее тон становится нейтральным.

Существенным прагматическим фактором, влияющим на акцентуацию двуслогов, является частота его употребления в речи. Как уже было показано выше, акцентуация двуслогов, состоящих из двух знаменательных слоговых морфем, не является их постоянным признаком и может меняться не только в зависимости от логического выделения той или иной его морфемы, но и от частоты его употребления в речи. Эта зависимость особенно хорошо проявляется в произношении научных и

технических терминов, которые встречаются в письменном языке. Определенная часть интеллигенции при употреблении этих терминов в разговорной речи произносит их «по слогам», с сильной акцентуацией обоих слогов [Сюй Шижун 1956, 37]. В речи диктора радио он может быть произнесен с сильным акцентом на втором слоге, а в профессиональном кругу специалистов, которые его употребляют в своей речи постоянно, он произносится с сильным акцентом на первом слоге. В китайском языке, как и во многих других языках с подвижной акцентуацией, одно и то же слово может иметь различное ударение в разных профессиональных группах.

По наблюдениям М. Хуа, на акцентуацию оказывает влияние степень непринужденности речи. В повседневной речи акцентированные слоги отстоят друг от друга далее, чем в публичных речах, политических выступлениях, в речи специалистов или дикторов радио, короче говоря, в литературном языке. В этом последнем акцентные вершины сближены друг с другом в большей мере, чем в диалогах повседневной народной речи. И наконец, по наблюдениям М. Хуа, каждый говорящий имеет собственные склонности в реализации акцентных схем [Ноа 1983, 812–820]. Таким образом, акцентуация современного китайского языка служит прежде всего целям коммуникации и ритма речи.

Особую проблему составляет акцентуация многосложных иностранных заимствованных слов. Китайский язык избегает прямых заимствований и, где это возможно, использует иностранные прежде всего термины науки и техники в переводе. Однако существует область имен собственных — личных имен и географических названий, где перевод невозможен. Поскольку значения слогов, участвующих в транскрипции, говорящим неизвестен, их акцентуация проводится по схеме многосложных слов китайского языка, состоящих из слогов без собственного значения с ограничениями на родовые слова и транскрипционные знаки 3-го тона.

Иностранные географические названия без родовых слов произносятся по ямбической акцентной схеме. Исключение по лингвистическим причинам делается для двусложных иностранных географических названий со вторым слогом 3-го тона. Эти двуслоги имеют акцентуацию по хореической акцентной схеме: *Цзифу* 'Киев', *Пин-жан* 'Пхеньян', *Маньгу* 'Бангкок', *Ядянь* 'Афины'. По прагматическим причинам исключение делается для двусложных географических названий, которые встречаются особенно часто в разговорном

языке: *Айцзи* 'Египет', *Жибэнь* 'Япония', *Хэлань* 'Голландия' и т. п., которые имеют акцентуацию по хореической акцентной схеме. Примечательно, что тон второго слога а последнем случае бывает сильно редуцирован, но никогда не бывает нейтральным. Только в двух топонимах — *Иньду* 'Индия' и *Жуйши* 'Швейцария' — тон редуцирован настолько, что приближается к нейтральному [Ноа 1983, 106–110, 179]. Такая акцентуация иностранных географических названий означает, что при акцентуации лингвистических единиц, не имеющих собственного значения, действуют те же факторы акцентуации, что и при акцентуации знаменательных двуслогов.

Количественные единицы китайского языка взаимодействуют в составе высказывания. Содержание их взаимодействия — это грамматические связи между ними. Взаимодействие может быть как контактным между двумя соседними, количественными единицами, так и дистантным, вот почему соседние количественные единицы китайского языка, образующие линейную последовательность, не обязательно связаны между собой грамматически. Для указания отношений между количественными единицами в высказывании существуют специальные просодические средства. Просодия никак не связана с характером грамматических связей между количественными единицами, она способна лишь указать на существование или не существование синтаксической связи между соседними количественными единицами. Грамматическое содержание связи между ними устанавливается с помощью сегментных средств. Изолирующая просодия количественной единицы указывает на отсутствие синтаксической связи между соседними количественными единицами, присоединяющая просодия — на существование синтаксической связи между ними.

Слоговая морфема — основная морфологическая структурная единица китайского языка — обладает всеми признаками отдельной лингвистической единицы: значением, фонемным составом, просодией. Она независима в плане выражения, но в плане содержания нуждается в актуализации своего лексического и грамматического значения. Это свойство минимальной значимой единицы китайского языка требует группировки слоговых морфем в лексические или грамматические единицы речи: слова, словосочетания, предложения. Образование многосложных единиц происходит по синтаксическим правилам как сочетание семантически и просодически независимых слоговых морфем, в частности односложных слов. Многосложные лексические

единицы могут существовать вне текста. При изолированном произнесении они рассматриваются в китайской просодии как отдельные высказывания и произносятся с акцентуацией высказывания. Именно этим объясняется наличие двух акцентов в лексических единицах любого слогового состава. Это свойство китайского языка не является его специфическим признаком. Этот признак более похож на универсальный или по меньшей мере часто встречающийся в разных языках. На такую просодическую трактовку сложных слов во многих языках обратил внимание еще Г. Пауль [Пауль 1960, 386–392]. В русском языке синтаксической акцентуацией обладают также сокращения.

Исследование акцентуации количественных единиц при их изолированном произнесении и в составе высказывания свидетельствует о том, что двуслоги обладают двумя типами акцентуации. Обе акцентуации восходят к просодии предложения. Акцентуация двуслогов с ясной семантикой составляющих слоговых морфем восходит к интонации и акцентуации простого повествовательного высказывания. Акцентуация двуслогов с неясной семантикой составляющих слоговых морфем, восходит к акцентуации двуслогов в составе синтагм, где они все имеют одинаковую акцентуацию независимо от семантики их слоговых морфем и их коммуникативной значимости. И только акцентуация двуслогов с нейтральным тоном на втором слоге обладает подлинно лексической акцентуацией.

ЛИТЕРАТУРА

- Драгунов А. А. Грамматическая система современного китайского языка. — Л., 1962.
 Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В. Ударение и тон в языке и речевой деятельности. — Л., 1990.
 Пауль Г. Принципы истории языка. — М., 1960.
 Румянцев М. К. Тон и интонация в современном китайском языке. — М., 1972.
 Румянцев М. К. Машинное моделирование единиц речи. — М., 1990.
 Спешнев Н. А. Акустическая природа словесного ударения в современном китайском языке // Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедения, 6. — Л., 1958.
 Спешнев Н. А. Фонетика китайского языка. — Л., 1980.
 Линь Маоцань и др. Путунхуа эрзы цы бянъдяоэ пиньйяньцзю (Экспериментальное исследование чередования тонов в двусложных словах) // Чжунго койвэнь, 1988.
 Сюй Шижун. Шуан'инь чжуйцзюэ 'чжун'инь гуйлой (Правила акцентуации двусложных слов) // Чжунго койвэнь, 1956, 2.
 У Цзунци. Путунхуа саньзыцзю бянъдяо гуйлой (Правила чередования тонов в трехсложных сочетаниях) // Чжунго койянь сюэбао. 2. — Пекин, 1985.
 Chao Yuan Ren. A Grammar of spoken Chinese. — Berkeley. 1968.
 Hoa Monique. L'accentuation en pekinois // Langues croises. — Paris, 1983.

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ СЛОВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В китайском языке имеется достаточное количество ономатопозитических слов (*xiangshengci* и *nishengci*), которые используются не только в повседневной речи китайцев, но и в письменном языке. Ономатопозитические слова передают мироощущение китайцев и довольно-таки отличаются, например, от таковых в русском языке, где часто невозможно подобрать эквивалент.

Ономатопозитические слова принято определять как условную имитацию звучаний окружающей действительности фонетическими средствами данного языка.

Как во многих других языках мира, онматопозитические слова китайского языка тяготеют к звукам «первичного» образования, имеют повторяющуюся основу, обладают высокой продуктивностью и придают речи образный характер.

Первые онматопозитические слова китайского языка встречаются уже в «Шицзине». Некоторые китайские лингвисты (Ли Цзинси, Чжан Чжигун и др.) относят онматопозитические слова к междометиям и, точнее, рассматривают их в качестве одного из видов междометий, образованных путем имитации звуков. Другие исследователи грамматики китайского языка (Дин Шэншу и др.) считают, что не все звукоподражательные слова могут входить в состав междометий. Например, они не относят к междометиям слова, имитирующие предметы или явления природы: *hualala* (звук падения нагроможденных предметов) или *sousou* (свист пули, ветра, флейты и др.). Есть исследователи (Жэнь Сюелян и др.), которые считают, что онматопозитические слова занимают промежуточное положение между знаменательными и служебными словами китайского языка. В пользу знаменательных слов говорит то, что они могут выступать в функции членов предложения (подлежащего, сказуемого, определения и различных обстоятельств). К служебным словам их причисляют потому, что они передают лишь связанное лексическое значение. Следом за Жэнь Сюеляном, мы полагаем резонным считать онматопозитические слова китайского языка «самостоятельным» разделом китайской грамматики.

Ономатопозитические слова относятся к категории так называемых «звуковых жестов», т. е. они своим звуковым составом выражают зву-

ковые, зрительные, осязательные, моторные образы, а также внутреннее состояние человека. Они передают не информацию, а образ.

В зависимости от качества звуков ономатопозитические слова китайского языка можно разделить на две группы.

1. Чисто звукоподражательные слова, имитирующие звуки, издаваемые человеком, животными, насекомыми и прочими живыми существами. Например: *geluogeluo* (имитация речи шумно болтающих людей); *qiaqia* (писк, чириканье птицы); *jiujiu* (писк мышки); *miemie* (звуки, издаваемые овцой); *wangwang* (лай собаки); *gege* «ха-ха» (имитация смеха); *wawa* (плач ребенка); *miaomiao* (мяуканье кошки, схоже с русским «мяу-мяу»); *huchihuchi* (звук тяжелого дыхания).

2. Имитация различных звуков природы, окружающей обстановки и различных шумовых эффектов. Например: *bibibobo* (треск чего-либо горящего); *dididada* (шум дождя); *liuliu* (шум ветра); *pailapaila* (стук пишущей машинки); *saocao* (звуки шума и гама); *dongdong* (стук шагов при спуске с лестницы); *galagala* (раскаты грома).

Особенностью некоторых ономатопозитических слов является невозможность не только найти близкий русский эквивалент, но и подобрать близкое понятие. Например, *guada* (звук от раскрываемого веера); *chuachua* (треск, шум быстро приземляющей птицы); *wengweng* (шум крыльев насекомых при полете). В этом случае при переводе приходится использовать описательный вариант.

С точки зрения структурного состава, ономатопозитические слова китайского языка, как правило, двусложные, трехсложные и четырехсложные. Они схожи со словами, образованными редупликацией по фонетическим признакам. Модели редуplikаций тоже достаточно схожи. Однако в обычных редулицированных словах внутренняя структура более прозрачна, чем в ономатопозитических словах. Следует заметить, что они записываются, как правило, обычными иероглифами, используемыми для звукоподражаний, но с добавлением ключа *kou* 'рот'.

С семантической точки зрения ономатопозитические слова китайского языка характеризуются многозначностью. Некоторые ономатопозитические слова имеют два и более значений. Например: *barbar* (1. звук болтовни, 2. звук сигнала машины, нечто похожее на «би-би», 3. лай собаки); *dangdang* (1. звук боя часов, 2. голос громко и четко читающего); *didadida* (1. звук трубы, 2. звук часов «тик-так», 3. звук капающего дождя); *gulonggulong* (1. звук грома, 2. звук выстрела пушки); *hualala* (звуки падающих предметов, звук текущей воды, звук па-

дающих листьев или дождя). Отмечаются среди них и синонимичные отношения. Например: *bengbeng*, *pudongpudong*, *tutu* (стук сердца); *gajigaji*, *gebenggebeng* (звук, когда что-то грызут); *gudugudu*, *gudeng-gudeng* (звук, который издаст человек при быстром питье).

Оноματοпозэтические слова могут быть нейтральными и экспрессивными. Экспрессивность этих единиц создается как за счет экспрессивных глаголов, так и за счет самих оноματοпозэтических единиц.

SUMMARY

In Chinese there are a lot of onomatopoeical words (*xiangshengci* and *nishengci*) already have existed in «*Shijin*». Now they are widely used not only in the daily oral speech but also in literature. These words express the attitude of Chinese people to their life and usually have emotional character.

There were analysed more than 200 such linguistic units and we came to the conclusion that Chinese onomatopoeical words may be considered as specific words having linguistic «independence».

They may be considered from their structure and lexical meaning (quality of sounds). The peculiarity of onomatopoeical words is that they can express their lexical meanings only in the grammatical surrounding.

A lot of Chinese onomatopoeical words have no Russian equivalents and may be translated in to Russian only in a descriptive way.

О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ, ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ
ПОРЯДКА ЗНАЧИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В лингвистической науке применяются разные способы описания грамматического строя языка, которые реализуются как соответствующая грамматика. Существуют нормативная, дескриптивная, порождающая грамматики. Это не исключает других способов описания, например, через функциональный порядок значимых элементов, важна адекватность отражения фактов языка.

Значимые элементы языка делятся на знаменательные и служебные. Знаменательные значимые элементы подразделяются на такие лингвистические единицы выше уровня фонемы, как морфемы, слова и предложения. Каждая из них выступает как непосредственно составляющая лингвистической единицы более высокого уровня. Служебные значимые элементы подразделяются на морфологические и синтаксические морфемы.

Морфология рассматривает функционирование морфем и слов как представителей лексико-грамматических категорий. Синтаксис рассматривает функционирование морфем и слов и образование простых и сложных предложений, которые соотносят сообщаемое с реальной действительностью. Границы между морфологией и синтаксисом подвижны, так как морфологические категории функционируют на синтаксическом уровне, а синтаксис имеет дело со словами как представителями лексико-грамматических категорий.

В языке грамматические отношения между значимыми элементами определяются порядком их следования, а также служебными морфемами. При сложении значимых элементов различных уровней действуют одни и те же принципы. Однако при сложении значимых элементов, лежащих выше уровня слова, в действие вступают новые закономерности, которые необходимо учитывать особо. Эти закономерности вызываются тем, что реализация языка в конкретной культуре обуславливается многими внелингвистическими обстоятельствами. В предложении свою грамматическую функцию значимые элементы реализуют через постоянный порядок, наряду с которым возможны некоторые регулярные отклонения.

В предложении значимые элементы вступают между собой в синтаксические связи. Способом выражения этих синтаксических связей

является грамматически эксплицитная форма слова, порядок слов и синтаксические служебные морфемы.

Использование разных форм одного и того же слова во флективных языках, например, в русском языке *дом, дома, дому, домом, о доме*, и разного порядка слов в аналитических языках, например, в китайском языке *гоу яо жэнь* 'собака кусает человека' и *жэнь яо гоу*, не тождественно.

Во флективных языках изменение формы слова определяется неодинаковыми отношениями одного и того же предмета мысли, обозначенного данным словом, к другим предметам, обозначенным соответствующими словами, например, *большой дом, крыша дома, подойти к дому, любоваться домом, думать о доме*.

Форма слова во флективных языках не обязательно имеет отношение к его синтаксической функции в предложении. В грамматиках европейских языков форма слова применяется для объяснения употребления в предложении слов с разными падежами, например, субъект — в именительном падеже, объект — в винительном. В аналитических языках роль порядка слов в предложении состоит в установлении их синтаксических связей.

В ходе исторического развития языка возникает необходимость выразить новое в плане содержания и происходит изменение способов выражения грамматических значений, что обуславливает утрату одних категорий и возникновение других — новых — и возможность сопоставительного исследования разных языков через языковую интерференцию и диахроническую грамматикализацию порядка значимых элементов в языках мира. Сопоставление позволяет вскрыть сходство и специфические для каждого языка различия в выборе лексических, грамматических, стилистических и просодических средств при описании одних и тех же фактов языковой действительности.

Факты современного китайского, английского и русского языков показывают, что порядок значимых элементов в языке связан с морфологией — т. е. порядком значимых элементов в слове; синтаксисом — т. е. с порядком значимых элементов в предложении, позволяющим говорящему передать какую-то информацию в грамматически правильной форме; логикой — актуальным членением — т. е. с вариантами грамматического порядка значимых элементов в предложении, обусловленными желанием говорящего выразить свое отношение к передаваемой информации; стилистикой — т. е. с оформлением порядка зна-

чимых элементов в предложении морфологическими и логическими средствами, обусловленными желанием говорящего выразить передаваемую информацию в авторском или общепринятом стиле; просодией — т. е. с оформлением порядка значимых элементов в предложении просодическими средствами, обусловленными грамматикой, логикой или экспрессивным выделением определенной части высказывания.

Порядок значимых элементов является универсальным функциональным средством грамматической техники и через него адекватно объяснимы, если идти от функционального порядка значимых элементов к членам предложения, а от них к частям речи, грамматические явления в разных языках.

SUMMARY

The article presents the generalized-typological study of meaning elements order in the modern Chinese, English and Russian languages. The meaning elements order is concerned with morphology, syntax, logic — actual division of the sentence, stylistics, prosody and considered to be the universal function means of grammatical technique. The study discovers new grammatical and communicative aspects of the meaning elements formation.

НОВЫЕ АФФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Авторы китайских лексикографических работ, посвященных неологизмам современного китайского языка, обращают внимание на тот факт, что лексика современного китайского языка пополняется различными путями, в том числе и в результате образования производных слов за счет новых словообразовательных аффиксов. Выявляются и новые тенденции в аффиксации современного китайского языка.

Анализ аффиксального инвентаря, рассматриваемого в работах по словообразованию китайских и отечественных лингвистов, показывает, что состав словообразовательных аффиксов современного китайского языка (как префиксов, так и суффиксов) постоянно увеличивается. Как сами аффиксы, так и процесс аффиксации имеют несколько ярко выраженных особенностей. К ним можно отнести следующие.

— Новые аффиксы происходят от знаменательных слов или морфем (до 'много', *гао* 'высокий', *жуань* 'мягкий', *да* 'большой', *жэ* 'горячий', *ху* 'семья', *гань* 'чувство', *цзу* 'род', *ман* 'слепота', *тань* 'поприще' и т. д.).

— Конкретное лексическое значение, которым обладали знаменательные морфемы-этимоны, постепенно утрачивается (редуцируется) у новых аффиксов. Аффиксы приобретают абстрактное (а иногда переносное) значение.

— Новые аффиксы имеют четко фиксированную позицию в слове, тогда как знаменательные морфемы, от которых они произошли, являясь словообразовательным материалом, не имеют фиксированной позиции в слове. При изменении позиции теряется значение аффикса.

— Новые аффиксы обладают большой словообразовательной способностью. Модели производных слов с новыми аффиксами многообразны. Производящей базой при этом может быть знаменательная морфема, слова различного типа и даже словосочетания.

— В процессе словообразования новые аффиксы часто играют и классоразличительную роль.

— Если раньше структура производного китайского слова, образованного с помощью аффиксов, могла быть записана в виде формулы «однослог + аффикс» и аффиксация рассматривалась как один из способов перехода китайского слова от моносиллабизма к полисиллабизму, то структура производного слова с новыми аффиксами может

быть передана следующей формулой: «многослог + аффикс». Формула «однослог + аффикс» не исчезла, но она встречается гораздо реже и не со всеми новыми аффиксами. Абсолютное большинство слов с новыми аффиксами — это слова трехсложные.

Например, в последнее время в китайском языке появился целый ряд слов, обозначающих людей, которых объединяет либо профессия, либо интересы, либо способ существования. Словообразовательной особенностью этих слов является наличие в них словообразовательного элемента *цзу*, который относится китайскими лингвистами Чжан Гаомином и Чэнь Мэньином к новым суффиксам. Примерами таких слов являются: *чжусиньцзу* 'фанаты эстрадных звезд', *шанбаньцзу* 'работающие в государственных учреждениях', *цзуфаньцзу* 'снимающие квартиры (арендующие жилье)', *цзяньфэйцзу* 'увлекающиеся похудением'.

Вышеприведенные слова относятся к существительным, обозначающим определенную группу людей. Производящей базой рассматриваемых слов являются двусложные глаголы или глагольные словосочетания. Производящая база слов с суффиксом *-цзу* может быть и именной. Например: *сычэцзу* 'имеющие личный транспорт', *гунсиньцзу* 'люди, у которых основной источник жизни (существования) — зарплата'.

Суффикс *-цзу* в анализируемых существительных указывает на то, что людей, относящихся к той или иной категории, немало, но эти люди не объединились в какую-то организацию, в противном случае, указанные неологизмы должны были бы заканчиваться на *дан* 'партия' или *пай* 'фракция, группировка'.

Одновременно с появлением новых словообразовательных аффиксов происходит процесс расширения словообразовательных способностей и традиционных аффиксов современного китайского языка. Так, например, произошло существенное расширение функций словообразовательного префикса *лао-*, как это показано в кандидатской диссертации К. А. Куриловой, посвященной обращениям в современном китайском языке. Лексикографические труды и научные исследования по словообразованию отмечают словообразовательную роль префикса *лао-* у существительных, обозначающих некоторых животных и птиц; как префикс *лао-* функционирует перед порядковым номером, данным человеку в своем поколении, роду, коллективе; *лао-* перед обращением может обозначать почтение, уважение к людям, старшим по возрасту, но может быть и показателем ласкового обращения.

В последнее время в китайском языке с помощью префикса *лао*- происходит образование существительных, обозначающих лиц, по различным моделям. Ниже приводим некоторые из них.

а) *лао*- + существительное, обозначающее место (географическое название, учреждение и т.д.):

лаобэйцзин 'истинный пекинец, исконный пекинец'; *лаобэйда* 'человек, который значительную часть своей жизни провел в Пекинском университете: учился, работал';

б) *лао* + существительное, обозначающее какую-то идеологию, отношения между людьми:

лаочжэнтун 'ортодокс'; *лаогуанси* 'старые приятели';

в) *лао* + наречие/прилагательное:

лаованьгу 'упрямец'; *лаоцу* 'необразованный человек';

г) *лао* + глагол:

лаочуаньда 'вахтер, дежурный'.

Таким образом, аффиксация остается одним из продуктивных способов словообразования. Аффиксальный инвентарь современного китайского языка пополняется за счет десемантизации ряда знаменательных морфем и постепенного превращения их в словообразовательные форманты. Наблюдаются семантические и функциональные изменения и у ряда традиционных аффиксов.

SUMMARY

The article deals with the wordbuilding affixes used in forming modern Chinese neologisms with wordbuilding peculiarities of the words formed with the new affixes.

НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ СОПРЯЖЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Конструкция сопряженных действий (КСД — *ляньдунши*), относимая китайскими исследователями к числу особых, употребляется во всех стилях современного китайского языка (КЯ). Учитывая это обстоятельство, можно выделить ее следующие основные внестилистические черты: наличие двух и более полнозначных глаголов, относящихся к одному грамматическому субъекту действия, отсутствие пауз (соответствующих запятой в письменной форме) между глаголами. Вместе с тем КСД имеет некоторые стилистические отличия, которые проявляются в 1) количестве глаголов в глагольной цепочке (разновидностях структурных схем), 2) частоте употребления глаголов определенной лексико-семантической группы в качестве первого, 3) характере глагольного оформления, 4) характере употребления модального глагола в конструкции, 5) наличии/отсутствии приглагольных дополнений и характере их определений, 6) количественной характеристике глагола (однослог, двуслог).

Наблюдения над КСД в публицистическом, научно-техническом, художественном и разговорном стилях свидетельствуют о том, что особенности каждого стиля вносят в ее употребление некие дефиниции, которые проявляются главным образом в частотных характеристиках.

1. Со стороны протяженности глагольного ряда КСД характеризуется тем, что максимальное количество глаголов встречается в художественном стиле (от двух до шести). Разговорный стиль допускает два и более глагола, научно-технический и публицистический — в основном два.

2. Среди конструкций трех последних стилей, образованных двумя глаголами, наблюдаются некоторые отличия, связанные с семантикой первого глагола. Так, в разговорном стиле выделяются двуглагольные конструкции двух видов. В образовании первого вида принимают участие глаголы движения и перемещения и пространстве, второго вида — глаголы состояния (точнее — положения в пространстве). Эти конструкции являются ограниченными со стороны употребления Г1. В двуглагольных же конструкциях научно-технического стиля в качестве Г1

чаще используются *юн, лиюн, шиюн, цайюн*, реже — глаголы иной семантики. Главной отличительной чертой двуглагольных конструкций двух стилей является отсутствие дополнений у каждого из глаголов в разговорном стиле в случае с глаголами движения и перемещения (глаголы положения в пространстве допускают как наличие, так и отсутствие дополнения), тогда как двуглагольная конструкция научно-технического стиля после глаголов группы *юн* обязательно предполагает его наличие. Для двуглагольных конструкций публицистического и художественного стилей с точки зрения семантики Г1 ограничений нет.

3. Морфологическая оформленность глаголов суффиксами *-ла, -го, -чжэ* — наиболее характерная черта художественного стиля. Научно-технический и публицистический стили избегают подобного оформления. Случаи употребления *-ла* в научно-техническом стиле, как и *-чжэ* в разговорном, довольно редки. В конструкциях публицистического стиля односложные глаголы оформляются лексически, а разговорного стиля — чаще удваиваются. Оформленность глаголов модификаторами направления чаще характеризует разговорный и художественный стили.

4. Модальные глаголы в препозиции к конструкции — явление, характерное для всех стилей СКЯ, но и здесь имеют место некоторые особенности. В научно-технических текстах чаще используются *кэ, кэи*, в публицистическом — *яо, (би)суй*. В разговорном и художественном — все многообразие модальных глаголов. Однако в разговорном стиле, кроме общеупотребительных, представлены модальные глаголы и модальные формы слов, присущие только этому стилю (*дэй, бу юн, юн бу чжао*). Для модальных глаголов художественного стиля характерна не только препозиция к конструкции в целом, но и к любому другому (не первому) глаголу, что для других стилей — явление довольно редкое.

5. Стиливые отличия в рамках конструкции проявляются также в характере определений к приглагольному дополнению. Чем протяженнее глагольный ряд, тем короче определение. Чем глагольный ряд короче, тем оно протяженнее (исключение составляют вышеупомянутые конструкции). Последнее имеет место в научно-техническом, публицистическом и художественном стилях. Определения к приглагольным дополнениям разговорного стиля часто отсутствуют; если они имеются, то носят, как правило, односложный нераспространенный характер.

6. КСД всех стилей допускает использование как односложных, так и двусложных глаголов. Но все же наибольшее количество односложных глаголов приходится на разговорный стиль [Захаров 1982, 102].

ЛИТЕРАТУРА

Захаров В. П. Односложные слова в китайской речи. — М., 1982.

Котов А. М. Некоторые синтаксические особенности китайской научной речи как функционального стиля // Перевод как лингвистическая проблема. — М.: Из-во МГУ, 1982. —

Орлов Е. Н. Грамматические особенности публицистического стиля китайского языка. — М., 1985.

Шевцова Н. И. Синтаксис глагольного предложения (конструкция сопряженных действий). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1991.

SUMMARY

The construction with several verbs (liandongshi) is used in all styles of modern Chinese. Having some out of stylistic peculiarities, it has some stylistic differences, which are as follows: 1) number of the verbs, 2) frequency of using the verb as the first in the verb chain, 3) peculiarity of the verb's form, 4) modal verb in the construction, 5) presence/absence of the verb's object and the object's attribute, 6) quantity characteristics of the verb (one syllable or two syllable verb). These six peculiarities have been analysed in public, science-technical, art and oral styles.

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
ИМЕННОГО ПОЛИСИЛЛАБА
В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

0.1. Именной полисиллаб — это присущая современному китайскому языку целостная двух-, трех- и более сложная именная единица; см. [Шутова 1997].

Структурно-грамматическая организация этой единицы включает в себя следующие три составляющие.

Первая составляющая. Два или более моносиллаба как исходные элементы построения полисиллаба. Моносиллаб определяется здесь как минимальная семантема, имеющая в качестве своего экспонента слог (слогосемантема).

Вторая составляющая. Формальная организация: а) деление целого на два компонента (независимо от количества исходных моносиллабов) — главный (имя) и зависимый; б) определенный способ связи между компонентами — слитность компонентов (отсутствие каких-либо разделяющих элементов) и определенный порядок следования компонентов (препозиция зависимого компонента); в) выражение главного компонента элементами предметных значений, зависимого компонента — элементами со значениями типа «качество», «предмет», «действие», «количество»; г) определенный характер отношений между главным и зависимым компонентами.

Третья составляющая. Полисиллаб — конечный продукт сложения моносиллабов.

0.2. Именной полисиллаб как результирующая единица сложения моносиллабов выступает носителем целостного лексического значения, имеющего определенное понятийное содержание. Именно формированию индивидуальных лексических значений различных полисиллабов подчинена структурно-грамматическая организация именного полисиллаба как языковой единицы.

Исходя из сказанного выше общий вид структурно-грамматической организации может быть представлен формулой «ЗК—ГК (имя)». Отношению «ЗК—ГК (имя)» отвечает определенное семантико-реляционное содержание, суть которого состоит в отношении «признак предмета, или атрибут (ЗК) — предмет (ГК)». Это семантико-реляционное отношение являет собой значение синтаксического

(грамматического) порядка, поскольку оно коррелятивно определенному формальному способу организации полисиллаба — определенному порядку следования компонентов, сопряженному с селекцией категории имени в качестве центрального компонента.

Грамматическая сущность атрибуции в структуре именного полисиллаба определяется ее подчиненностью фактору структурно-смысловой целостности, или лексичности, семантики полисиллаба, непосредственно связанному с формальным признаком слитности. Определяясь контрольной значимостью фактора лексичности значения полисиллаба, атрибуция в структуре полисиллаба характеризуется следующими основными чертами:

— синтаксической связанностью компонентов (синтаксическая неразложимость, несводимость целого к тому или иному из компонентов);

— обобщенность, неконкретность, инактуальность семантики атрибута;

— широкий круг семантико-реляционных реализаций атрибутивного признака, не получающий на уровне структуры полисиллаба формальной дифференциации.

Семантико-реляционная реализация¹ атрибутивного признака в структуре именного полисиллаба имеет несколько степеней обобщенности. Во-первых, это степень обобщенности атрибутивного признака, рассматриваемая на уровне выражения атрибута категориями «качество», «предмет», «действие», «количество». Во-вторых, это типовые варианты атрибутивного признака, восходящие к внутренней дифференциации категорий «качество», «предмет», «действие», «количество». Наибольшее число такого рода дифференциаций дают атрибутивные признаки, восходящие к категориям «предмет», «действие». И в-третьих, это типовые разновидности атрибутивных признаков, обнаруживающих себя на уровне дальнейшей субкатегоризации.

Проиллюстрируем примером.

Предметный атрибутивный признак складывается на основе тех или иных отношений между соответствующими предметами, наиболее типичными из которых являются:

— отношение принадлежности в широком смысле этого понятия:
а) *renxin* (человек — сердце) 'сердце человека', *zhuomian* (стол — по-

¹ Термин «семантико-реляционная реализация» может быть соотнесен с термином «семантическая реляция», используемым в работах Б. Ю. Городецкого, А. Л. Семенас [Городецкий 1994; Семенас 1992].

верхность) 'поверхность стола'; б) *shengao* (тело — высота) 'рост', *biyan* (нос — воспаление) 'насморк'; в) *dianti* (электричество — лестница) 'лифт', *daoshang* (нож — рана) 'ножевая рана';

— пространственные отношения: а) *zhuobu* (стол — материя) 'скатерть', *shanji* (горы — курица) 'фазан'; б) *zhongcan* (Китай — пища) 'китайская пища', *xifu* (запад — одежда) 'костюм';

— временные отношения: *zaofan* (утро — пища) 'завтрак', *wufan* (день — пища) 'обед';

— отношения предназначения: *shuiping* (вода — бутылка) 'графин', *xinzhì* (письмо — бумага) 'бумага для писем';

— указание на материал: *jieliao* (железо — мост) 'железный мост'.

Процессный атрибутивный признак складывается на основе отношений предмета (ГК) и действия (ЗК), реализуемых как:

— субъектные: *tidaò* (брить — нож) 'бритва', *zhengzhang* (удостоверять — знак отличия) 'значок, медаль';

— объектные: *guazhong* (вешать — часы) 'настенные часы', *tuoxie* (тащить — туфли) 'шлепанцы';

— назначения: *yutang* (мыться — зал, помещение) 'баня', *shaoping* (обжигать — бутылка) 'колба';

— побуждение: *xiaohua* (смеяться — слова) 'анекдот'.

0.3. Различные виды семантико-реляционных отношений между компонентами полисиллаба — фактор грамматической семантики. Это различные, зависящие от конкретной семантики сочетающихся элементов проявления атрибутивного признака, грамматический характер которого подчинен конечной цели формирования лексического значения полисиллаба и характеризуется чертами, диктуемыми этой целью (см. выше). На основе атрибутивного признака, взятого в том или ином семантико-реляционном проявлении, организуется внутренняя форма полисиллаба, являющая собой способ представления его лексической семантики и фактор его мотивации. Мотивируя лексическое значение полисиллаба, внутренняя форма тем не менее не равнозначна его понятийному содержанию. Последнее выводится из некоторой внутренней формы, однако становится фактом лексического значения конкретного полисиллаба, лишь закрепляясь за ним узуально, на базе практики общественного употребления. По отношению к внутренней форме лексическое значение всегда в той или иной степени идиоматично; особенно это верно применительно к экзоцентрическим атрибутивно-именным образованиям.

ЛИТЕРАТУРА

- Городецкий Б. Ю. К семантической теории сложного слова // Актуальные проблемы китайского языкознания. — М., 1994.
- Семенов А. Л. Лексикология современного китайского языка. — М., 1992.
- Шутова Е. И. Сложение значимых моносиллабов как грамматический способ современного китайского языка // ВЯ, 1997, № 1.

SUMMARY

The paper deals with the problem of correspondence between lexical and grammatical semantics of nominal polysyllabic unit in modern Chinese. It is shown, that the unit as a whole has any lexical meaning; the role of grammatical semantics consist in the organization of lexical meaning. Thus the attributive relations as the grammatical meaning of nominal polysyllabic unit became characteristics, that corresponded with the nature of lexical semantics, such as (a) syntactic boundness, (b) generalisation, non-actualisation, (c) high semantic variability without using of grammatical markers.

«СВЯЗЬ» И «СВЯЗНОСТЬ» В КИТАЙСКОМ ТЕКСТЕ

(К ВОПРОСУ О ТОЛКОВАНИИ ЭТИХ ПОНЯТИЙ В РАБОТАХ
СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ ТЕКСТ-ЛИНГВИСТОВ)

1. По мере того, как «изучение текста, дискурса, включая речевые акты и прагматику, становится центральным в лингвистике» [Дж. М. Синклёр], исследования по проблеме связи и связности в тексте, естественно, выходят на первый план. В докладе представлены некоторые подходы, предлагаемые современной китайской лингвистикой текста.

2. Для понятия «текст» китайские лингвисты используют несколько терминов, основных — четыре (*yupian*, *pianzhang*, *hua**yu*, *wenzhang*). Исключив последний, более литературоведческий, нежели лингвистический, три оставшихся применяют для обозначения письменного, устного текста, а то и в обоих значениях. Не углубляясь далее в проблему, отметим явную тенденцию: *yupian* и *pianzhang* — синонимы письменного текста (т. е. text), *hua**yu* — устный текст (discourse).

3. Более существенной и сложной задачей представляется выявление лингвистических параметров текста. Связность в большинстве китайских и зарубежных работ обычно постулируется как основной конституирующий признак текста. Разделяя точку зрения Е. В. Сидорова, что связность «лишь одно из важнейших свойств текста, обеспечивающих выполнение им коммуникативной функции», что «коммуникативность является сущностью текста», нельзя также не признать, что анализ конкретного текста в итоге сводится к извлечению-получению информации — смысла текста через выявление системы внутри- и межтекстуальных связей. Китайские лингвисты далее эту тему не разрабатывают, а просто признавая связность в качестве ведущего признака (Ср. у Чжан Дэлу: «Текст должен быть связным, ибо группа несвязанных предложений не есть текст»). Это мнение является типичным.

4. Анализ китайских работ, особенно 90-х годов, посвященных связности в тексте, показывает, что их авторы: а) столь же хорошо знакомы с подходами Н. Е. Эквиста, ван Дийка, Р. А. Богранда и В. Дресслера, Г. Брауна и Г. Юле и др., сколь же плохо с разработками советско-российской текст-лингвистики, что, впрочем, легко объяснимо; б) наибольшее влияние (по признанию самих же китай-

цев) на них оказала известная концепция когезии в тексте М. А. К. Халлидэя и Р. Хасан [M. A. K. Halliday & R. Hasan. *Cohesion in English*. — London: Longman, 1976] и последующие работы соавторов 80-х годов. Не вдаваясь в пересказ известной теории, отметим, что вслед за Халлидэем в тексте выделяют «связь» (cohesion) и «связность» (coherence): «связь» (кит. аналог — *xianjie*, иногда *lianjie*, *jieying*), — это структурные отношения грамматического (референция — *zhicheng*, субституция — *tihuan*, эллипсис — *shenglue* и союзные слова — *lianjieci*) и лексического (реализуется через повторы, синонимы, анафорические отношения, обобщающие слова и др.) рода. Эти способы связи — одно из основных средств построения когерентных отношений, когерентности (кит. *lianguanxing*), понимаемой как смысловые, семантические отношения.

Универсальность концепции Халлидэя позволяет достаточно продуктивно применить ее к анализу китайского текста, и на этом пути прикладного усвоения его идей уже получены свои результаты. Так, Ху Чжуанлинь показал, что в китайском языке при отсутствии артиклей определенность номинативного значения может быть получена исходя из позиции информации о соответствующей лексике, контекст ситуации более важен, чем в английском [Hu Zhuanglin, *Yupiande xianjie yu lianguan*. — Shanghai, 1995]. Известно, что средства замещения во всех языках имеют «местоименную природу» [Л. И. Зильберман] в широком смысле, это одна из наиболее общих языковых универсалий. Специфика языка — лишь в отборе тех или иных средств местоименной связи. Поэтому интересны выводы Янь Чэньсуна [1992] о роли «центральных местоимений» в дискурсе (к ним вслед за Квирком [Quirk] он относит личные, притяжательные и возвратные): автор показал, что китайский текст более экономичен в их употреблении, чем английский, допускает больше случаев эллипсиса, что иногда даже затрудняет выявление антецедента. Ляо Цючжун [1991], изучая дистрибуцию временных, целевых, условных и др. «связующих элементов» (*lianjie chengfen*), выражающих различные смысловые отношения в «связном тексте», выявил их существенные позиционные, функциональные и формальные отличия от аналогичных по составу обстоятельств и обстоятельственных оборотов, употребляемых для передачи тех же отношений в предложении. Будучи «учеником Халлидэя», Ху Чжуанлинь (см. выше) предложил свою оригинальную схему текстовой связи и связности, состоящую из пяти уровней: 1) социальной

символики (категории «контекст» и «прагматические знания»); 2) семантический (категории «переходность» — по Халлидэю, «логическая связь» и «структура текста»); 3) лексический («лексическая связанность» и «номинативность» (референции); 4) синтаксический (категории «структурная связь» и «тема—рема»); 5) фонетический (категории «интонация», «информационная единица» и «произносительная модель»). Ху считает, что категории всех уровней в принципе могут свидетельствовать о связи и связности текстов разных языков, но каждый язык в способах их реализации имеет свою специфику. (Схема более подробно будет освещена в докладе.)

5. Однако усвоив теорию и применив методологию Халлидэя, китайские лингвисты, впрочем, как ранее и их зарубежные коллеги, убедились, что «лексико-грамматические средства связи отнюдь не гарантируют смысловой связности (*lianguanxing*)» [Се И] и что когезия не только не общее условие связности, но и не необходимое условие. Далее, типологические свойства китайского языка диктуют особую роль контекста (*yujing* — лингвистического: лексико-грамматические сведения, и экстралингвистического: фоновые знания, пресуппозиции). Отсюда, по нашему мнению, очевидно, что изучение связности в китайском тексте в последующие годы пойдет в направлении анализа роли экстралингвистических факторов (*feiyuyan zhishi*), контекстных ситуаций в их изменчивости (*yuyu yizhixing*) и их составляющих: «поля» (*yuchang*), «тенора» (*yuzhi*), и «моуда» (*yushi*). Особенно тех контекстных ситуаций (так называемого «кросс-культурного дискурса»), при которых участники могут обладать совершенно разными знаниями или делать неверные заключения о невербальной информации, необходимой для коммуникации и ее интерпретации. Тогда проблема связности предстает в ином свете и будет решаться уже другими средствами.

SUMMARY

In this report some viewpoints of Chinese linguists and their approaches to problem of cohesion and coherence in modern Chinese are described.

ВРЕМЯ И МОДАЛЬНОСТЬ В ДРЕВНЕБИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ:
ПАЛИ-БИРМАНСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Древнебирманские тексты (XII–XIII вв.), являющиеся по жанру дарственными записями, создавались под сильным влиянием палийской грамматики. Это влияние отчетливо проявляется, в частности, в области формирования весьма специфической глагольной парадигмы, обеспечивающей выражение временных и модальных отношений.

В независимых предложениях древнего языка в роли основного сказуемого выступает финитная форма глагола, которая образуется одним из двух грамматических показателей: *и¹* и *тади³*. Оба показателя представлены в современном языке: *и¹* является одним из наиболее частых показателей настоящего-прошедшего времени, *тади³* является довольно редким показателем, имеющим, видимо, то же значение, что и *и¹*, но осложненное эмфазой.

Показатель *и¹* функционирует в древнем языке в основном так же, как в современном, однако довольно часто встречается в условиях, где по современным правилам должен использоваться показатель будущего времени, например: *наун² а³ та³ мье³... пхйе⁴ схи³ и¹ ху² му² ка³...* ‘если в будущем дети или внуки разрушат (мое подношение)’ (букв.: ‘в будущем дети внуки... разрушили. Если так сказать...’). Глагол *пхйе⁴ схи³* ‘разрушать’ употреблен с показателем настоящего-прошедшего времени *и¹*, хотя, по современным правилам, если в предложении будущее время выражено лексически, то это автоматически влечет за собой использование показателя будущего времени при сказуемом.

Анализ показывает, что во всех случаях, где присутствует семантика будущего времени, но имплицитно присутствует также семантика нежелательности осуществления действия, выраженного основным сказуемым, используется конструкция, аналогичная приведенной, и основное сказуемое оформляется показателем *и¹*. Это касается таких фраз, как, например, «мир разрушится», «кто-либо посягнет на мой дар», «не будет заботиться о моем подношении» и им подобных.

Употребление показателя *тади³* носит еще более противоречивый характер. В каких-то случаях его трактовка как показателя настоящего-прошедшего времени не вызывает возражений, например: *чун² лэ² хлу² тади³* ‘рабов и поля пожертвовал’ (букв. ‘раб поле жертвовать *тади³*’). Однако достаточно типичным для этого показателя является за-

вершение каузативных конструкций, и в этом случае в рамках традиционных представлений его значение объяснить трудно, например: *нгайэ³ ча¹ сэй² тади³* 'пусть попадет в ад' (букв. ад + падать + каузатор + *тади³*'). В современном языке в аналогичных конструкциях никакие грамматические элементы не могут сопровождать каузатор. Наконец, показатель *тади³* широко используется в предложениях с отчетливой семантикой будущего времени. В таких случаях он выступает в сочетании с другим грамматическим показателем — *ам¹*, например: *йахан³ чхи² тин¹ ам¹ тади³* '(в будущем) пусть монахи превознесут (мой дар)' (букв. монах + превозносить + *ам¹ тади³*). Семантика будущего времени в данном предложении эксплицируется показателем *ам¹*, значение же показателя *тади³* неясно.

По всей вероятности, показатель *ам¹* является заимствованным палийским суффиксом оптатива. В пали есть несколько суффиксов, с помощью которых образуется оптатив, один из них имеет форму *ам*. Суффиксы различаются в зависимости от лица, в котором употреблен глагол. В бирманском языке глаголы не различаются по лицам, и в этом смысле все суффиксы оптатива в пали должны были быть равнозначными в сознании бирманцев. Поэтому неясно, почему выбор бирманцев мог упасть на *ам*, однако заимствованный характер бирманского *ам¹* подтверждается не только его семантикой, о которой речь еще пойдет, но и тем, что он записывается не стандартным способом, т. е. с конечным *м*, а с анусварой, которая в бирманском языке обычно используется при передаче палийских заимствований. Возможно, на выбор показателя оказал влияние характер палийских текстов, через которые происходило знакомство бирманцев с пали — в них абсолютно преобладающей могла оказаться форма с *ам*. О связи бирманского показателя *ам¹* с палийским суффиксом *ам* говорит и его весьма специфическое значение в древнебирманских текстах — во всех случаях его употребления наряду со значением будущего времени он выражает также желательность осуществления действия. В приведенном выше примере с *ам¹* мы попытались отразить в переводе эту семантику. Этот пример и следующий являются типичными для заклинаний, которыми обычно завершаются древнебирманские тексты: *нга² хнин¹ тха⁴ ту² йа¹ ам¹ тади³* '....одинаково со мной пусть получают' (*йа¹* 'получать').

В примерах на употребление *ам¹*, взятых вне контекста, значение этого показателя в принципе можно трактовать как «категорическое» будущее время — «превознесут», «получат». Однако на фоне широкой вы-

борки примеров наличие значения желательности осуществления действия у этого показателя не вызывает сомнений. Как известно, наиболее общим определением значения опатива в пали является выражение желательности осуществления действия. Таким образом, предположение, что бирманский показатель восходит к палийскому суффиксу опатива, представляется реальным.

С точки зрения современной грамматики, в древних текстах мы наблюдаем абсолютно непоследовательную картину функционирования финитных глагольных показателей. Показатель *тади*³ фактически используется в предложениях с семантикой любого времени и поэтому должен быть исключен из разряда временных служебных элементов. Однако он является взаимоисключающим с *и*¹, который, бесспорно, является временным показателем, и поэтому формально должен рассматриваться как член одной с *и*¹ парадигмы. Показатель *ам*¹, выражающий будущее время, не может быть отнесен к временным, поскольку не является финитным, т. е. занимает позицию, не свойственную показателям времени, и сопровождается показателем *тади*³, который, как было показано в одном из примеров, может выражать настоящее-прошедшее время.

Мы говорили, что в современном языке наряду с указанием на время *тади*³ выражает эмфазу. Можно было бы предположить, что в древнем языке его основной функцией было выражение эмфазы, поскольку эмфатические частицы могут помещаться после показателей времени, и тогда сочетание *ам*¹ *тади*³ не представляло бы собой загадки. Однако и такое предположение не может быть принято по крайней мере по двум причинам: показатель *и*¹ нейтрален в отношении эмфазы и в принципе допускает присоединение к себе эмфатических частиц, однако, как говорилось, он не сочетается с *тади*³, показатель *тади*³ не может быть также опущен, поскольку в этом случае глагол, при котором происходит опущение, приобретает форму императива. Таким образом, значение показателя *тади*³ остается проблематичным.

Описанную ситуацию с функционированием некоторых глагольных показателей в древнем языке, по-видимому, следует рассматривать как отражающую фрагмент грамматики языка, сформировавшийся под влиянием пали для обслуживания текстов определенного жанра. История и логика создания такой грамматики представляются следующими. Палийский опатив, который в индийской грамматической традиции считался главным наклонением, представлялся бир-

манцам наиболее соответствующим стилистике заклинаний в дарственных записях, где выражалось пожелание на будущее. Однако проблема заимствования палийского суффикса осложнялась тем, что в пали он не мог занимать крайне правую позицию в глаголе, тогда как бирманские показатели времени являлись финитными. Понятно, что в случае заимствования словообразовательная модель палийского глагола должна была быть адекватно отражена бирманской глагольной формой, т. е. после *am*¹ необходим был показатель, который превращал бы глагол с *am*¹ в финитную форму. Из имевшихся двух бирманских финитных показателей выбор, естественно, пал на *тади*³, поскольку заклинания по определению являются эмфатизированными.

Попытка совместить палийскую словообразовательную модель с требованиями глагольного формообразования в бирманском языке привела к тому, что показатель *тади*³ оказался фактически расщепленным на два омонима — детерминированную эмфатическую частицу при *am*¹ и показатель времени. Одновременно с этим семантика будущего времени, являющаяся вторичной в палийском оптативе, в бирманских текстах была реинтерпретирована в качестве основной. При этом модальная семантика сохранялась в заимствованном показателе, что хорошо видно в приведенных примерах.

В итоге в древнебирманских текстах стала функционировать специфическая система времени. Будущее время выражалось показателем *am*¹ *тади*³, использовавшимся только при глаголах, осуществление действия которых было желательным. Такая модальная нагруженность этого показателя привела к изменению функции показателя настоящее-прошедшего времени *и*¹ — наряду со своей обычной функцией он стал использоваться в контексте будущего времени при глаголах, осуществление действия которых было нежелательным. Иначе говоря, показатели финитной формы глагола, чья функция в современном языке состоит в выражении времени, в древних текстах в результате палийской интерференции функционировали как модально-временные показатели.

SUMMARY

In Old Burmese Inscriptions, future tense was expressed by marker *am*¹ present-past tense — by marker *i*¹. Future tense marker was obviously a borrowed Pali suffix for optative. The implication of such borrowing was that future tense was expressed only with verbs with desiderative semantics. This, in turn, made marker *i*¹ function in the contexts of future time with verbs of non-desiderative semantics. Thus due to Pali interference tense markers in Old Burmese functioned with «mixed» — modal and temporal — semantics.

LANGUAGE ATTITUDE AND LANGUAGE SHIFT IN TAIWAN:
A SOCIOLINGUISTIC STUDY OF THE SOUTHERN MIN DIALECT

Language is always in flux either in its form or function. We assume that people's use of language is strongly correlated with people's attitude toward it and toward the speakers who use it. Under such assumption, this paper intends to investigate the relations between people's attitude toward language and its impact on language maintenance or shift by studying the case of Southern Min, a dialect spoken in Taiwan. First, there are a general survey of language proficiency in Mandarin, the official language, and the Southern Min dialect of the Southern Min ethnic group, and a more detailed one by dividing the ethnic group into different age intervals. These two surveys show that generally native speaker of Southern Min dialect are more proficient in their mother tongue than in Mandarin; however, the younger the speakers, the less proficient in their mother tongue. Second, sociolinguistic domain analysis is used to see the distribution of the use of Mandarin and the Southern Min dialect. That is, we intend to see if the members of the ethnic group use different languages when talking to different people, about different topics in different places. Results indicate that the frequency of use in the Southern Min dialect decreases when people of the Southern Min ethnic group talk to co-workers and strangers. They use the dialect less often as well they are in public places and talking about formal topics. Likewise, the younger the generation is, the less frequently the dialect is used, regardless of the interlocutor, place, or topic. Third, the attitude toward Mandarin and the Southern Min dialect, and the attitude toward the people who speak them are investigated. Then we investigate the correlation between language attitude and language proficiency, and between language attitude and frequency of use. We find that people's language proficiency and frequency of use are highly correlated with their attitude toward the language and the people who speak it. The younger the generation is, the less positive attitude toward their mother tongue they hold. This is the main reason why the Southern Min dialect is gradually shifting. Finally, based in these findings, we discuss their implications for language planning and policy and mother tongue education program in Taiwan in terms of its standardization, its written form, teaching materials and teachers, financial sources, implementation on mass media, and the delegation of power to the local government.

THE INTERNAL STRUCTURE OF CHINESE
RESULTATIVE CONSTRUCTIONS

The term resultative (V—R) constructions refers to two-morpheme items like *chi-bao* 'eat-full' and *da-po* 'smash-broken', in which the first morpheme (V) represents an action and the second morpheme (R) represents the result brought about by the action. An analysis commonly accepted by Chinese grammarians is that the V—R is a *pian-zheng* *jiegou* 'secondary—primary construction' namely, a phrasal construction in which one element is the head (the *zheng* 'primary') and the other is the modifier (the *pian* 'secondary'). Opinion differs, however, with regard to which morpheme is the head and which is the modifier.

In most grammar books (e.g., [Liu et al. 1986; Zhang 1985]) the V is treated as the head and R the modifier. The main argument is that the function of R is to elaborate on V by supplying additional information. Hence the term *dong-bu-shi* 'verb-supplement-construction'. Y. Li [1991] also considers V the head but for different reasons.

L. Li [1980, 1984], on the other hand, argues that R is the *zheng* 'the head' while R is the *pian* 'the modifier'. His main argument is that in sentences like (1), if the V is taken away from the V—R construction, the sentence is still acceptable and has a reading close to that of the original, as in the case of (2a). If the R in the same construction is omitted, as in (2b), the sentence will no longer be acceptable and will lose the essential meaning of the original sentence.

- (1) *Ta yijing bian-hao-le*
I already change-good-Asp.
'He has changed and as a result is good'.
- (2) a. *Ta yijing hao-le*.
he already good-Asp.
'He has become good'.
- b. **Ta yijing bian*.
he already change
'He has changed'.

Wang [1995] supports L. Li's [1984] analysis by claiming that in sentences like (3) the R represents the new information being conveyed, namely, that the new clothes have been worn out. What the V represents is said to be some background information.

- (3) *Womende haizi chuan-po-le diyishen yifu.*
 our child wear-broken-Asp. first Cl. clothes
 'Our children wore the first set of clothes and as a result the clothes were worn out'.

There is strong evidence that neither analysis has presented a complete picture. In the V-R construction of sentence (4), for example, neither V nor R can be omitted in the sense of L. Li [1984] because both (5a) and (5b) are not acceptable and do not retain the meaning of the original sentence. What is more, there are two separated events in the sentence. One is that workers bought meat with lots of money and the other is that the price of meat went up. The former is represented by V and the latter by R. The two events may be considered as cause and effect or be described as a sequence. There is no a priori reason to consider one event more salient than the other or newer than the other.

- (4) *Gongrenmen yong da piaozi mai-gao-le rou-jia.*
 workers with big bank-note buy-high-Asp. meat-price
 'The workers bought (meat) with big denomination bank notes and as a result the price of meat went up'.
- (5) a. **Gongrenmen mai-le rou-jia.*
 workers buy-Asp. meat-price
 ('The workers bought meat-price'.)
- b. **Gongrenmen gao-le rou-jia.*
 workers high-Asp. meat-price
 ('The workers high the meat-price'.)

When there is a clear context, however, either V or R can be considered the old information. When sentence (4) functions as the answer to the question in (6), the R will be the old information; and when (4) is the answer to (7), V is the old information.

- (6) *Roujia zenme gao-le?*
 meat-price how high-Asp.
 'How did the price of meat go up?'
- (7) *Gongrenmen mai rou you shenme bu-hao?*
 workers buy meat has what not-good
 'What bad effect did workers' buying meat have?'

A reasonable generalization is that the V and R in this case actually have equal status. It does not make sense to treat one as modifier and the other as the head in syntax. The proposal made here is, departing from the long tradition of Chinese grammar, to assume that V and R head their own

predications and therefore have equal status syntactically. The two predications may not be represented in the relationship between V-R as a whole and its arguments. L. Li's [1984] test is therefore not reliable. Which element represents new information or not is not syntactically determined and is not related to the internal structure of V—R.

REFERENCES

- Li, Linding.* Dong-bu-ge jushi (The Verb-Result Construction) // *Zhongguo Yuwen*. 1980. 2.
Li, Linding. Jiujing Nage Bu Nage? (Which Modifies Which?) // *Hanyu Xuexi*. 1984. 1.
Liu, Yuehua, Wenyu Pan and Hua Gu. Chinese Grammar. — Beijing: The Press of Teaching and Research on Foreign Languages, 1986.
Wang, Hongqi. Dong-bu-shi Peijia Jiegou Yanjiu (Study of the Valence Structure of Verb-Result Constructions) / Y. Shen ed. // *Xiandai Hanyu Peijia Yufa Yanjiu* (Studies of Chinese Valence Grammar). — Beijing: Beijing University Press, 1995.
Zhang, Zhigong. Xiandai Hanyu (Modern Chinese). — Beijing: People's Education Press, 1985.

RHYTHM OF SPOKEN MANDARIN
(EXPERIMENTAL COMPUTER ANALYSIS)

Grasping the rules and tendencies governing the rhythm of Chinese speech flow is a crucial point in mastering spoken modern Chinese, as the rhythmical incorectness of the utterance considerably obstructs understanding of the speech message. The rhythmical scanning of Chinese speech is realized namely by means of 1) grouping the elements (lexical units, LU) into shorter or longer rhythmical sequences divided by junctures or pauses, 2) changing prominence of the elements. Both phenomena are decided by the interplay of many various factors, operating at various linguistic levels, such as the properties of respective lexical unit (its grammatical functional characteristics, accentuation type the disyllabic LU belongs to etc.), syntactical relationships between the neighbouring LU, the overall grammatical structure of the sentence and its length, position of the logical stress within the sentence, speech tempo etc. The inherent variability of these factors naturally results in the high variability of speech rhythm itself. Thus, the rules governing it are difficult to grasp. Nevertheless, certain important tendencies can be found and described. The results of such research can have practical use in the process of teaching Chinese. Unfortunately, these problems are usually rather neglected by the teachers so far. As the amount of data for any broader generalization has to be considerably large, it is impossible to avoid the help of a computer. I attempt to devise a computer program for analysing the rhythm of Chinese sentence. So far I have finished the application able to grasp the rhythmical behavior of individual LU. It works with the testing sample of 73 sentences taken out of the textbook of O.Svamy, which offers a detailed prosodic rendering of each sentence (it is based on the recordings made by the native Chinese). The sentences are broken into entries (lexical units). Each entry is equipped with seven «facets» containing various grammatical and rhythmical data about the entry's occurrence within the respective sentence. According to the certain combination of searching cues, sub-samples of entries sharing the same properties can be sorted out of the database of entries. The lexical unit itself can serve as a searching cue, too. Thus it is possible to compare all its occurrences within the whole database of entries.

To start with, I chose number of monosyllabic LU with high frequency in spoken Chinese, such as personal pronouns, frequently used monosyllabic verbs and adverbs, numerals, classifiers, deictic words etc.

CHINESE CHARACTERS — THE JESTERS IN WESTERN
READING RESEARCH

To explain to an audience why they have created this particular "task", that is, to sketch their reasons for choosing these particular experimental techniques, creating this particular "target" and posing this particular question to their "subjects", cognitive science experimenters usually give an introductory description of Chinese characters and their relation to verbal language. With verbal language the audience is usually given a description of those aspects of the verbal norm, which seem relevant to the task. With written language it is usually a more or less accurate version of Xu Shen's *liu shu* with special emphasis of the *xingsheng* class.

To draw this outline cognitive science experimenters have to employ basic linguistic terms such as "word", "morpheme" and "syllable". They also have to supply definitions to terms specific to the cognitive aspects of Chinese characters: "logographic", "radical", and "phonetic". As they are usually addressing an audience which is largely unfamiliar with Chinese characters and the linguistic aspects of the verbal norm, they also have to supply explanations, examples and illustrations.

However, the linguistic theory embraced (and the definitions employed) by many practitioners of cognitive science is still firmly rooted in a tradition that derived from the linguistic writings of Zelig Harris, Charles Hockett, and Eugene Nida.

The experiments per se are impeccable, and so is the statistical analysis of the data collected. But to linguistics of the nineties that juggle around with "lexical semantics", "prototypes" and "polysemy" the linguistic justifications for their normal-scientific pursuits seem slightly — well — "pre-paradigmatic" because they take the basic linguistic categories of classical American structuralism for granted without considering the state of the art.

Any conference on Chinese linguistics has an almost moral obligation to discuss basic linguistic categories — if only to line up the present state of affairs so as to explain directly or indirectly why statements such as «In Chinese each character represents a morpheme» make us uncomfortable. Or why «the radical gives the meaning of the character» makes us even more uncomfortable. It just isn't enough to put in the common-sense

objection «If the radical gives the meaning, why bother about the residual?»).

My paper will deal with reflections and conclusions reached, when I had to get rid of my own unease with the axiomatic statement «In Chinese each character represents a morpheme». True, Yuen Ren Chao and Paul Kratochvil have both written that the Chinese script is morphemic, but that didn't seem to me to justify the statement.

My reflections will conclude that Chinese is basically a syllabic script which is "content" informed — parallel to the well-known formula for alphabetic scripts: That they are basically phonemic, but usually heavily influenced by a morphemic principle. My reflections will also conclude that to Chinese children, learning to read is just a very complicated way of learning to read syllables.

This conclusion is controversial, but according to my reading, John DeFrancis reached a similar conclusion in "Visible Speech".

CULTURE CHANGE, LANGUAGE CHANGE
AND SPOKEN CHINESE TEXTBOOK¹

Abstract

Part One

Current problems in teaching Chinese as a foreign language

In recent years, most of the Chinese Language teachers and researchers admitted that cultural factors were very important in teaching Chinese as a foreign language. Some scholars have expatiated on this topic, but there still some problems in this field. The following problems should be discussed and solved.

Problem one: paying much more attention to the traditional culture and less to the popular culture.

Most of the textbooks in Chinese teaching paid attention to Chinese traditional culture. It is necessary for foreign students to understand Chinese traditional culture, but, most of the students, who are young people, are interested in Chinese popular culture. They have the background of the popular culture from their own country. It is very important for students to understand Chinese popular culture and know how to express their ideas in real conversation.

Problem two: paying much more attention to culture inheriting and less to culture change

The aim of teaching Chinese is to let students have the ability to communicate with others in Chinese. According, current culture and current Chinese way of thinking should be main points in teaching and studying. One should follow the change and the new trends of Chinese culture.

Problem three: paying much more attention to Chinese culture and loss to foreign cultures.

It is very important for foreign students to be able to express their thoughts and ideas on their own cultures in Chinese language. Many popular words, such as 教堂 'church', 弥撒 'Mass', 斋月 'Ramadan', 圣诞节 'Christmas Day', etc., are absent from Spoken Chinese textbooks

¹ I would like to thank Prof. Dr. hab. Alfred F. Majewicz, head of the Department of Far East Studies in Adam Mickiewicz University in Poznan, Poland for his kindly help and supervision.

that published in China. It is very difficult for foreign students to talk about, their own countries and their own cultures to the Chinese if they only know 春节 'Spring Festival', 饺子 'dumplings' and other similar words pertaining to the Chinese culture.

Part Two

Culture change and language change in China

In every society, culture is developing and changing. Language change is taking place after culture change. They influence each other, although they don't go at the same pace. The process of modernization in China brought out rapid changes in the Chinese culture and Chinese language.

The culture change and language change can be seen in two aspects.

First, the change happened because of the inside factors of the society. Many factors, such as economy and politics gave the Chinese culture a new face. In the Chinese language, many new words have been created. Many words lost their old meanings, especially their cultural significance. For example, 你吃了吗? 'Have you eaten your dinner?' is seldom used now as word for greeting. People use 你好! 'How do you do!' instead of the old word when they meet, because 你好! seems more elegant. Because of the political change, many words almost disappeared for example, 同志 'comrade'. Many words changed from commendatory terms into derogatory terms, such as 老黄牛 'old ox', it was a word for prying somebody who was hardworking, but now it means that someone is working hard and knows nothing else about life. It is almost the same word as *fool*.

Second, the change occurred because of the influence of the foreign cultures. For example, asking a woman's age became impolite, just like in western countries. Somebody praised by others will say 谢谢 'thanks' rather than 那里那里 (a word expressing one's modesty).

Apart from the change of the old language, a lot of new words on the popular culture appeared in our society, and these words should be taught in classrooms. For example, 摇滚乐 'rock and roll music', 同居 'cohabit', 追星族 'popular fans', 女权主义者 'feminist' etc.

Part three

A design for spoken Chinese textbook

Since the Chinese language changed so much, a textbook of spoken Chinese textbook should be designed with the idea that the Chinese popular culture is written into the textbook to improve students' ability of communication in Chinese.

According to just this idea, I am preparing a textbook of spoken Chinese for foreigners. This book will put emphasis on Chinese popular culture and the conflicts between Chinese popular culture and Chinese traditional culture. It will contain such issues as culture curiosity, culture shock and culture adaptation for foreign students.

The main body of the book will be arranged with two opposite contents. One part will be Chinese popular culture and the other part Chinese traditional culture for example, in one lesson, the first part is a conversation about **classical music** and the second part is a conversation about **rock and roll**.

A lesson will be designed as follow:

- 1) conversations (two parts about Chinese traditional culture and Chinese popular culture);
- 2) sentence structures (grammar drill);
- 3) usage of the words;
- 4) cultural-background knowledge;
- 5) kernel glossary;
- 6) extended glossary;
- 7) topic discussion;
- 8) exercises;
- 9) extended topic discussion.

Conclusion

Attention should be paid to the updated research in the field of sociolinguistics, cultural anthropology and other social sciences. An interesting and useful spoken Chinese textbook, which emphasizes on Chinese popular culture, should be written in the near future.

References

- Bi Jiwan & Zhang Dexin. 对外汉语教学中语言文化研究的问题 (中国对外汉语教学学会成立十周年纪念论文选). — Beijing: Language and Culture University Press, 1996.
- Chen Guanglei. 改革开放中汉语词汇的变动 (语言教学与研究 1997.2). — Beijing: Language and Culture University Press, 1997.2.
- Beijing Language and Culture University Press.
- Lin Guoli. 构建对外汉语教学的文化因素体系 (语言教学与研究 1997.1). — Beijing: Language and Culture University Press.
- Shao Jingmin (ed.). 文化语言学中国潮. — Beijing: YUWEN Press, 1995.
- Zhang Dexin. 中外语言文化漫议. — Beijing: Sinolingua 1996.

LEXICAL TRANSLATION AND transliteration
IN THE DIAMOND SUTRA

According to Xuan-Zang (玄奘), a monk in the Tang Dynasty, there were five kinds of Sanskrit words which were «untranslatable». They were, first, words with meanings alien to Chinese, for example, the names of plants, animals, places, and demons which were peculiar to India, but foreign to Chinese culture; second, words with too many meanings, that is, words which cannot be fully translated by a single term; third, mystic words; fourth, transliterations which were well established by precedent; and finally words with profound meanings which would lose their true meanings if translated. However, the five «untranslatability» principles of Xuan-Zang's did not cover the full range of the methods used in translation and transliteration of Sanskrit Buddhist texts. That is to say, some terms, according to Xuan-Zang, should be transliterated, but are translated instead; for example, *dharma* is translated as 法 *Fǎ*, or *Subhuti* 'name of a Buddha's disciple', as 妙生 *Miàoshēng*. Thus, an extensive study of the translation of selected Buddhist scriptures will yield much more complicated principles which might shed some light in linguistics.

As a starting point, I compare five Chinese versions of the Buddhist scripture *Vajracchedikā Prajñāpāramitāsūtra*, or *Diamond Sutra* 金剛經, produced by Kumārajīva 鳩摩羅什 (344–413 A. D.), Bodhiruci 菩提流支 (508–539 A. D.), Paramārtha 真諦 (499–569 A. D.), Dharmagupta 達摩笈多 (590–619 A. D.) and I-Jing 義淨 (700–711 A. D.). Out of the thirty-seven Buddhist terms, there are twelve which have the same transliterations or translations in all five works. They are:

(1) a. <i>prajñā</i>	般若	Bōrě	'wisdom'
b. <i>nirvāṇa</i>	涅槃	Nièpán	'liberation from existence'
c. <i>Buddha</i>	佛	Fó	'Buddha'
d. <i>pāramita</i>	般羅蜜	Bōluómì	'highest'
e. <i>kalpa</i>	劫	Jié	'a period during which a physical universe is formed and destroyed'
f. <i>bodhisattva</i>	菩薩	Púsà	'a being of enlightenment'

g.	mahāsattva	摩訶薩	Móhēsà	'a great being'
h.	arhata	阿羅漢	Ēluóhàn	'an advanced disciple of Buddha'
i.	Śākyamuni	釋迦牟尼	Shìjiāmóuni	'family name of Buddha'
j.	Sumera	須彌山	Xūmíshān	'a name of a mountain'
k.	Tathāgata	如來	Rúlai	'an epithet of Buddha'
l.	dharma	法	Fǎ	'the Buddhist law, principles, religion and canon.'

All these terms except examples (1k) and (1l) correspond to Xuan-Zang's fourth principle of «transliterations which are well established by precedent». Examples (1k) and (1l) are translations. Though they were translated at different periods of time and sounds thus had changed a lot over hundreds of years, the transliterations remained unchanged. As for the two translation examples (1k) and (1l), they could have been translated differently, since there were many Chinese words which had the same concepts. The lexical transliterations and translations in (1) remained the same at different points in history, since the terms were well established by the precedent translators, and thus they were kept unchanged as they were first translated.

There were others terms which were transliterated by all the translators, except that they used different words. For example:

(2) a.	asura	阿修羅	Ēxiūluó	(K, B, P)	'titanic demons'
		阿脩羅	Ēxiūluó	(D)	
		阿蘇羅	Ēsūluó	(I)	
b.	gamgā	恒河	Hénghé	(K, B)	'the Ganges'
		恒伽河	Héngqiéhé	(P, D)	
		彌伽河	Jiàngqiéhé	(I)	
c.	bhikṣu	比丘	Bīqiū	(K, B, P, D)	'a monk, or almsman'
		苾芻	Bichú	(I)	
d.	bhikṣuṇī	比丘尼	Bīqiūnī	(K, B, P, D)	'a nun, or almswoman'
		苾芻尼	Bichúni	(I)	
e.	upāsaka	優婆塞	Yōupósè	(K, B, P, D)	'a Buddhist follower, disciple'
		鄔波斯迦	Wūbōsuōjiā	(I)	
f.	upāsikā	優婆夷	Yōupóyí	(K, B, P, D)	'a female Buddhist disciple'
		鄔波斯迦	Wūbōsījiā	(I)	

g. Gātha	偈	jì	(K, B, P, D)	'a metrical narrative
	伽他	qiétā	(I)	or hymn'

According to Xuan-Zang, the above examples were «untranslatable» because they were terms very common in Buddhism, but alien to the Chinese people. The letters in the parentheses denote the various translators; thus, 'K' stands for Kumārajīva, and 'B', for Bodhiruci, etc. It was found that the first four translators usually used the same or similar transliterations, while the fifth translator, namely I-Jing, always used different transliterations from the other four translators. In fact, one can say that the first four translators used the same Chinese characters to transliterate Sanskrit sounds in all examples. Thus, while in example (2a) Kumārajīva, Bodhiruci and Paramārtha used the character 修 *xiū* to transliterate the second syllable of *asura*, Dharmagupta use the character 脩 *xiū*. Pulleyblank's Lexicon (1991) shows that 修 *xiū* and 脩 *xiu* were the same; they had the same usage and the same pronunciation /suw/ in Middle Chinese. As for example (2b) Kumārajīva and Bodhiruci's transliteration of *gaṅgā* 恒河 Hénghé might be an abbreviation form of Paramārtha and Dharmagupta's transliteration 恒伽河 Hénghiéhé.

Nevertheless, the differences between Kumārajīva, Bodhiruci, Paramārtha and Dharmagupta on one hand, and I-Jing on the other are quite real. One might wonder why different translators used different sounds to transliterate the same Sanskrit terms. Is it because they came from different places in China, and thus spoke different dialects, or because sounds has changed over hundreds of years? We need more data to come to a satisfactory and solid conclusion. In this respect, it may be important that the first four translators came from the so-called Western countries 西域 Xī-yù or India while I-Jing was the only native Chinese speaker. Kumārajīva was a native of Kharachar, Bodhiruci, of northern India, Paramārtha, of Ujjain, and Dharmagupta, of southern India.

The rest of the terms found in the *Diamond Sutra* were transliterated by some translators and translated by others. They didn't follow Xuan-Zang's «untranslatability» principles. One interpretation would be that these terms are less central to Buddhist doctrine, and thus could be translated, since many of the following terms are mostly names of persons, places, epithets of the Buddha and Sanskrit terms of numbers. However, examples (3b-c) are quite important concepts in Buddhism; and even so, some of the

translators translated the meaning of the terms, rather than transliterating. Some of the terms are listed in (3):

(3) a. Subhūti	須菩提	Xūpútí	(K, B, P, D)	'name of one of the Buddha's disciples'
	◎妙生	Miàoshēng	(I)	
b. anuttara	阿耨多羅	Ēnuòduōluó	(K, B, P, I)	'unexcelled, 'supreme'
	◎無上	Wúshàng	(D)	
c. samyak-satbuddhi	三藐三菩提	Shānmiǎo-shānbútí	(K, B, P, I)	'one who has perfect universal knowledge or understanding'
	◎正遍知	Zhèngbiànzhī	(D)	
d. koki	◎億	yì	(K, B, I)	'ten million'
	俱胝	jùzhī	(P)	
	俱致	jùzhì	(D)	
e. niyuta	那由他	nàyóutā	(K, B, D)	'a numeral, equal to 1.000 koki'
	百千俱胝	bǎiqiānjùzhī	(P)	
	那彥多	nàyúduō	(I)	

As shown in the examples in (3), we find that some translators often used the same transliterated or translated terms. For example, Kumārajīva and Bodhiruci used the same terms in all examples except examples in two examples (not shown here), and I-Jing often used different terms. We may want to know why I-Jing often used different wordings in translation or transliteration, and why Kumārajīva and Bodhiruci used the same terms most of the times. Is it that Kumārajīva and Bodhiruci spoke similar dialects, while I-Jing used a different dialect, or because they lived at similar periods of time while I-Jing lived at a different period of time when sounds had been changed a lot? It is also observed that Dharmagupta and I-Jing preferred translation whereas the other three translators generally used transliteration. What are the principles that determine using translation or transliteration? These are all questions which will be considered in the paper.

THE PROBLEMS OF CHINESE LANGUAGE
IN THAI SOCIETY

Nowadays, Chinese is one of the language that is used all of the world. Moreover, China plays a big role in the world economics and politics. In Thai society is the outstanding topic, which is not only in studying and teaching but also in other contexts, such as politics, trade and economics. Then, to look into using Chinese in Thai society should be done by holistic that each context involved together.

The development of Chinese in Thai society was started since Chinese people migrated in Thai around 2 centuries ago. These Chinese people developed many progresses in several fields which including Chinese using in Thailand. Chinese using in educational system had begin in 1909. Chinese schools had been setting, however; most of the schools' objectives were reactions to the political movement in the republic system be Dr. Sun Yat Sen who was the leader of the revolution. After the victory of that political movement in 1911 and the migration of the oversea Chinese into Siam (Thailand), therefore; there was a need to establish a Chinese schools widely. However, the establishment of Chinese schools were not connected to the politics as the previous period. The Chinese schools were meant to pass along Chinese culture to the generation through educational institution. Although the King Rama VI had emphasized the policy of nationalism and objection towards Chinese, it did not effect the growth of Chinese schools at all.

As result of Marshall P. Pibulsongkram's suppression the political movement of oversea Chinese in Thailand. The Chinese schools were seriously affected. The government of Marshall P. Pibulsongkram viewed that Chinese schools were a part of Thai political movement. The government limited the curriculum of Chinese schools all over Thailand. There were only some scholls outside cities that were able to teach Chinese language more than the number of ours which government regulated. The government policies were successful in curving the use of Chinese language in Thailand. Consequently, the development of holistic Chinese language and culture were slowly growth for 4 decades.

In 1975, Thailand reestablished international relations with China. The relationship had developed more closely after China opened country in 1978-1979, therefore, there was a necessity of using Chinese language in Thailand. Chinese government reformed Chinese language gradually. The

reform could be divided into 3 periods, first, during the 1950's, second, during cultural revolution (1966-1979) and after opened country policy in 1978. The reform Chinese language in the mainland China. As the matter of facts, the use of Chinese language in Thailand was still in the old style which totally different from the use of the reformed Chinese language in the mainland China. Chinese language in Thailand were used ineffectively because of government regulation. Moreover, it was used incompatible with standard Chinese language excepted internationally. The reformed Chinese language was different from the old style in 2 ways. First, it was different in writing characters. Second, it was different in pronunciation. The new pronunciation of Chinese language was relatively easier and faster for foreign students to learn Chinese. Then, teaching and learning Chinese language in Thailand was underdeveloped when compared with the use of Chinese language in Singapore and Malaysia. The underdeveloped use of Chinese language not only decreased the effectiveness of Thai-Sino foreign relations but also international trade, politics and even culture. Nowadays, the use of Chinese language in Thailand could be categorized by usage as follows:

1. Daily usage in society, in trade and politics such as oversea Chinese in Thailand used Chinese in their daily life to maintain their original culture and also used Chinese in trade and international.

2. Usage in government and private educational institute such as used Chinese in teaching and learning.

3. Usage of Chinese literature and mass communications.

The above use of Chinese language are different from each other in 3 ways.

1. The use of Chinese language are in many different standard and dialects, for example, Chao Zhou (Tae — Chew), Cantonese, Fujian Hua and Hakka.

2. Teaching and learning Chinese language are indifferent curriculum. Each language institute in different provinces have different curriculum. Some use old style Chinese language, some use the same reformed Chinese language as the mainland China's. Some use both old and new, moreover, some schools teach Chinese language only in Chao Zhou dialect without teaching Mandarin.

3. Linguistics and structure of Chinese language are different. There are many ways of writing Chinese phonetics in Thai society. The uses of Chinese language produce an ununique of Chinese usage which is inefficient in the use of Chinese in Thai society. Therefore, solving the problems may reproduce the efficiency for Chinese usage in Thailand.

DEVELOPING THE COMPARATIVE STUDY OF THE HISTORIES
OF CHINESE LINGUISTICS AND EUROPEAN LINGUISTICS

(THE SIGNIFICANCE OF LINGUISTIC TYPOLOGY
TO THE STUDY OF THE HISTORY OF CHINESE LANGUAGE)²

(I)

Friedrich Engels placed great emphasis on the comparative method, making an exposition of its application to many disciplines such as biology, zoology, palaeontology, anatomy, physiology, physical geography and botany [1]. The famous Chinese writer Lu Xun (鲁迅, 1881–1936) also attached great importance to the method, saying «The better a teacher is at comparison, the more he will benefit from it». [12] The Russian-Polish linguist Baudouin de Courtenay (1845–1929) also said, «Comparison is an essential method for all the sciences» [13]. In linguistics, the comparative method was applied quite early on, and this technique became the basis for the field of historical comparative linguistics. The German linguist F. Schlegel (1772–1829) wrote, «The study of comparative grammar can provide us with a totally new understanding of the genealogy of languages, just as comparative anatomy has shed light on the history of nature». [14] Because language, the object of linguistic study, is related to all the sciences and has great influence on other disciplines, many areas of research have one after another began to emulate the field of linguistics in this regard, resulting in such disciplines as comparative mythology, comparative literature, comparative versification, comparative law, comparative folklore, comparative politics and so on [5]. However, it is strange that, although the comparative method has long been incorporated into linguistics, and a considerable number of works on the history of linguistics have been published in China and abroad, a paper devoted to the comparative study of the histories of linguistics in China and abroad is yet to appear [6]. The present paper merely attempts to make a comparative study of certain

¹ Chinese Department, Section General Linguistics, Beijing Normal University, P. R. of China.

² The original Chinese version of this article, published in «Chinese Teaching in the World», № 2, 1990, was translated by my student M. A. Wu Yongtao, revised by me with some additions to the Chinese original and edited by Dr. David Moser (Dept. of Asian Languages and Cultures, University of Michigan). This paper was first delivered by me in English at the 23d International Conference on Sino-Tibetan Language and Linguistics held in the University of Texas at Arlington, October 3–7, 1990. — *Wu Tieping*.

achievements of the Qian-Jia Linguistic School of China and similar advancements made in the Western world. It is hoped that this paper can serve to further cultural exchange between China and the West, and that other scholars will be prompted to do research in this area.

(II)

There were undeniably a few Chinese scholars of the time who adopted an unreasonable attitude of total repudiation toward the Qian-Jia School. In fact, the Qian-Jia school did have many weaknesses due to limitations of the era, but despite this, the school was at the forefront of the times in many aspects. The present paper attempts to illustrate, by comparing segments of the histories of linguistics in China and abroad, that 钱大昕 (Qian Daxin, 1728–1804), one of the representatives of the Qian-Jia School, arrived at two significant linguistic discoveries much earlier than the Western linguists Jacob Grimm (1785–1863), Karl Brugman (1849–1919) and H. Osthoff (1847–1909) who are respectively credited with the two results. One of Qian's contributions is his discovery that there were only «heavy labials» (term used by Chinese traditional linguistics, i. e. bilabials: *p*, *ph*, *bh*), but no «light labials» (i. e. labio-dentals: *f*, *v*) in the archaic Chinese [7], and that the latter was derived from the former. This discovery was made a quarter or half a century earlier than the similar law discovered by Jacob Grimm (but see below) [8]. This issue requires some explanation.

As is well-known, the German brothers Jacob and Wilhelm Grimm (1786–1859) are world-famous for their collection of folktales. Moreover, the elder brother Jacob Grimm's great contribution to linguistics is the discovery that the labio-dental (light labial) *f* in Germanic languages came from the bilabial (heavy labial) **p* of the prehistoric Proto-Indo-European language. Cf. English *father* and German *Vater* vs. Latin *pātēr* and Sanskrit *pitā*; E. *foot* and G. *Fuss* vs. L. *pēs* and R. *pehota* (soldiers fighting on *foot*); E. *five* and G. *fünf* vs. S. *pañca*; E. *field* and G. *feld* vs. Russian *pole*; E. *folk* and G. *Volk* vs. R. *polk* (regiment [a group of *people*]; E. *fish* and G. *fisch* vs. L. *piscis* [9]. It is not difficult to see here the manifestation of the law *f* < **p*. This law and the other related discoveries by J. Grimm are called in linguistics «Grimm's Law», which is taken as «a phonetic law of the greatest importance» and is «significant from the angle of epistemology». «Grimm's Law is the justification of the principle of the regularity of the phonetic laws, from which developed the fields of historical and comparative phonetics» [10].

Similar sound laws can also be found in the history of the Chinese language. In his *New Findings In My Study Named Shijia*, vol. V. Qian Daxin pointed out: «(房 *fang* [house]) was read as 旁 (**bang* [side]), 《广韵》(*guang yun*): ‘阿 (e) 房, a palace name’, in which 房 was pronounced as a combination of the initial *b* from 步 (*bu*) and the terminal *ang* from 光 (*guang*). 《释名》(*Shi Ming*, Explanation of the Etymologies of Words): The etymon of the word 房 is 旁 (side), ‘房’ meant siderooms of a 堂 (*tang* [house]) [11]. 《史记·六国表》(Historical record: six states): In the 28th year of Qinshihuang, the first emperor in China, ‘阿房宫’ (E-Pang Palace) was set to be built, it was completed in the first year of the second emperor. Occurrences of the character 房 were all written as 旁 in the literature of the Song Dynasty. 旁 and 房 were equivalents in the archaic time». Here Qian Daxin verified, in terms of 反切 (*fanqie*), 声训 (*shengxun*, the phonological explanation [i.e. seeking etymologies by homophones]), the proper nouns and the variants of Chinese characters, that *f*, the labio-dental of the modern and contemporary Chinese, had been derived from the bilabial of the archaic Chinese. (Generally speaking, *f* in modern and contemporary Chinese is derived from *p*, *ph*, *bh* in archaic Chinese) [12]. Moreover, 旁 and 房 have the same phonetic component 方 (in archaic and ancient pronunciation *piwang*), which provides further proof of the law. (Qian Daxin pointed out elsewhere in the same book: «方 was read as 旁 in the archaic era». There is still further evidence: 方 is still read as *pang* in Korean. Dr. Hu Shi (胡适, 1891–1962) held Qian Daxing's finding in such high esteem, that he even included it into his «Outline of history of Chinese Philosophy (Commercial Publishing House, 1919, pp. 221–222).

The ancient pronunciation often remains in proper nouns and idioms, which is the common case both in Chinese and foreign languages. For example, the name of the last emperor is 溥仪 (*Pu Yi*), but 傳 (teach) and 缚 (tie up) are pronounced with initials *fu*. As another example, the character 番 in the place name 番禺 (*Panyu*) is pronounced differently from the character 番 (*fan*) in 翻番 (*fan fan* [multiply by itself]). 潘 (a surname) is also pronounced as *pan*, another surname 繁 (*po*) is different from the same character 繁 (*fan*) in 繁荣 (*fan rong* [prosperous]). The character 繁 in 繁台, a place name in the Southeast of Kaifeng city, is read as *po*, but not *fan*; the character 郇 (*bin*) in 郇县 («Binxian County», which is now written as 彬县) in Shanxi Province is not read according to its phonetic 分 (*fen*). The character 番 in 吐番 (a loan word), a Tibetan (Tibet being the translation from 图伯特) regime which existed during the 7–9th centuries

at the Qing Hai-Tibet Plateau, is read as *bo*, but as *fan* when it means 're-produce'. However, some archaic pronunciations are not retained in place names. For instance, the character 涪 in 涪 (fu) 江 and 涪 (fu) 陵, both in Sichuan Province, is not read as 倍 (*bei*), as the character 碕 in 北碚, also in Sichuan Province.

There are some instances where the archaic pronunciation remains in idioms: the character 否 (*fou*) in 否极泰来 ('Out of the depth of misfortune comes bliss') is read as *pi*; its phonetic component is still read as *bu*. The character 冯 in 暴虎冯河 ('to strike the tiger with hands and to go across the great river by feet', meaning 'to take a risk') is the archaic form of the variant of 凭, read as *ping*, but not *feng*. As another example, the phonetic notation of the character 父 in «Guang Yun» is «扶 (*fu*) 雨 (*yu*) 切» (a combination of *f* from the initial of 扶 and *u* from the final of 雨), its ancient pronunciation is [biu] and its archaic reading is reconstructed as [*biwa]. But the archaic pronunciation of the initial remains in the character 爸 (*ba*). Since 父 in 爸 had lost its original function as a phonetic component, 巴 (*ba*) as the phonetic component was added to it. For this reason, Wang Niansun (王念孙 [1744 - 1832]) said, «The sound of 爸 came from that of 父 through sound mutation (u/a)» [13]. There are too many similar examples to enumerate them one by one.

The transition from the heavy labial to the light labial can also be verified from the viewpoints of ontogeny and phylogeny. From the perspective of ontogeny, the famous linguist Roman Jakobson pointed out that all children the world over learn *p* first, and then *f*. Before *f* is mastered, *p* is often used instead of *f*, for instance, the French word *fou* [fu] (insane) is pronounced by children as [pu] [14]. In an experiment conducted by C. V. Baletin, he taught his twenty-one-month old son to pronounce many sounds. The outcome was that his son could pronounce all the stops and nasals, but had much more difficulty with the fricatives *f*, *v*, *s*, *z* [15]. Zhu Zhixian et al. pointed out in «Developmental Psychology Of Thought» (Publishing House of Beijing Normal University, 1986, p. 371) that 73% of children from two-and-a-half to three-years old can correctly pronounce *p*, but only 33% of them can pronounce *f*. It is worth noting, that Chinese linguist 汪荣宝 (Wang Rongbao) pointed out in his article published in 1923, that the first sound pronounced by children is *a*, and thus this sound should be the foundation of all sounds. (See for more details «Contemporary Chinese Linguists», v. 2, p. 205, Hebei People's Publishing House, 1982).

Roman Jakobson informs us that, «there is certain regular parallelism between the process of the acquisition of language by children and the historical development of linguistic phenomena. In human language, the history of plosives is longer than that of fricatives» [116]. So we can see that in the history of Chinese language, the law that *p* appeared first and *f* later coincides with the general trend of the development of sounds in the world's languages.

Jakobson also pointed out that the process of the acquisition of speech sounds by children has close connection with the inner structural characteristics of language. For instance, there is no language in the world without plosives, but there are languages without fricatives [17]. These are pieces of evidences from linguistic typology that the archaic Chinese sound *p* appeared before *f*.

The study of aphasia can also provide strong evidence for the law. As Jakobson pointed out, the sounds which aphasia victims first lost are exactly those children mastered latest. For instance, an aphasic patient loses his ability to pronounce the fricative (such as *f*) first and then the stop (such as *p*); therefore his speech is usually similar to a child's (for example, pronouncing the French word *fou* as [pu]).

Now let us prove, from the perspective of phylogeny, the above argument that *p* appeared earlier than *f*, which is observed in a great many languages. Take for examples ancient Russian, in which, as with all other Slavic languages, there used to be no *f* originally, except as the weakened form of [v], and the words with the letter Ф, which first appeared in the Russian literature in 10th century, are all loan words except a few onomatopoeias. The final consolidation of the phoneme [f] in the ancient Russian happened no earlier than in the 12–13 century A. D., so in the loan word *parus* (from Gr. *faros* [sail]) and proper names *Stepan* (from Gr. *Stefanos*), *Osip* (from Gr. *Iosif*), there are still *p* instead of *f* (Иванов В. В. «Историческая грамматика русского языка». — Москва, 1983, с. 90). Almost the same situation exists in the Indonesian, Korean and Japanese languages (See Zhang Qingchang [1915–]: Collection of papers on linguistics. — Commercial Publishing House, 1993, p. 46). In this paper he also proves the existence of *p* in the archaic Chinese instead of the later developed *f* by the loan words in Korean from archaic Chinese.

A similar case is also found in most of the Turkic including the Mongolian language), Jingpo, Lishu, Hani, Wa, the eastern dialects of Miao, the northern dialects of Tujia, Tibetan and the ancient Dong-Thai languages.

The famous contemporary American comparative linguist H. M. Hoenigswald pointed out in his report «Historical Linguistics: on Explanation of Language Change» at the 14th International Congress of Linguists, that all Proto-Semitic instances of *p go to Arabic t [18]. Not a single case of the converse shift (f > p) is found in languages we know, nor is it reported in the literature we have read.

The law that the light labials in modern Chinese came from the heavy labials in archaic Chinese has been proved as above in terms of ontogeny, phylogeny, linguistic typology and pathology (the study of aphasia). It is really an amazing achievement of Qian Daxin to draw such a scientific inference as «there were no light labials in the Archaic Chinese» at his time in history when the studies of these four subjects had not yet been initiated. Some later scholars, such as Mr. Fu Dingyi (1878-?) were against Qian's view, because it was impossible for them to understand the enlightenment provided by the above-mentioned four disciplines [119]. 章太炎 (Zhang Taiyan, 1869-1936) said: «The study of the language and writing of one nationality can not draw inspiration from other countries» [20]. How biased this comment is! It is true that a nation's language has its national characteristics, but, being one among the human languages, it inevitably has the characteristics common to all of them. Entirely excluding the enlightenment that comes from the study of foreign languages for the study of one's native language can only shackle oneself, which is not advantageous to the study of the native language.

洪诚 (Hong Cheng, 1910-1980) pointed out in his «Reading-Book About Chinese Historical Linguistics and Graphology» (The Jiangsu People's Publishing House, 1982) that the fact that Chinese light labials came from heavy labials and the light labials emerged after the Six-Dynasty period (220-589 A. D.), has become a standard conclusion (p. 241). However, it has not been proved in the perspective of general linguistics, at least not in the literature I've read, except the above mentioned paper written by Prof. Zhang Qingchang, which, however, devotes only five lines to the developing of English *father* from Latin and Greek *pater*.

It was 1822 when Jacob Grimm discovered his law. Qian Daxin left the government circles and began to give lectures around three academies of classical learning after 1775. In 1799 he put his lectures together and had them edited into a book: «New findings in my study named Shijiazai». It may be inferred, accordingly, that the above sound law was advanced by Qian about half a century (1775 vs. 1822) or at least 23 years (1799 vs.

1822), earlier than the similar law put forward by Grimm. R. H. Robins writes on p. 171 of his «A Short History of Linguistics» (Longman, 1967) that the so-called Grimm's law was, in fact, first advanced in «The study about the origin of the ancient Northern language or the Icelandic» by R. Rask in 1818. I have been told by Prof. Kenneth Pike at the above-mentioned Arlington conference that Danish linguist Jacob Bredsdorff (1790–1841) discovered the so-called Grimm's law early in 1812. Qian then found the law either 43 or 19 years earlier than R. Rask, and 37 or 13 years earlier than J. Bredsdorff. Incidentally, J. Bredsdorff is also the scholar who first suggested the theory of substratum. See «Лингвистический энциклопедический словарь». — М., 1990, с. 497.

As a matter of fact, although it was Qian that gave a definite formulation about the above-mentioned sound law, 陈第 (Chen Di, 1514–1617) had earlier pointed out that «福» (*fu*) should be read as «逼» (*bi*); 顾炎武 (Gu Yanwu, 1613–1682) in his «音学五书» (Five articles on Chinese historical phonology) also points out that, «冯» (*fēn*)'s archaic pronunciation was 凭 (*pín*). 黄生 (Huang Shen, 1622–?) also had the same conclusion in his two books «The explanation of words» (字诂) and «The repository of meanings» (义府) [21]. Compared with these three scholars' findings, the conclusion $*p > f$ in Grimm's law was arrived at one-and-a-half to two centuries later. Of course, Grimm's conclusion was reached with much more difficulty than Qian's, because the latter was based only upon comparison between the data of different times within the Chinese language itself, but the former between many different Indo-European languages. On the other hand, the alphabetic writing of Indo-European languages would make it a bit easier to study phonology than Chinese characters. What we should note, moreover, is that Qian among the others did not determine the conditions of sound shift, neither did he systematise the entire sound shift (which have been done by Bernhard Karlgren and Chinese scholars under the influence of Western linguistics since 19th century), but Grimm's law is strongly systematic, based on the scientific linguistic theory of that time, using the historical comparative method.

(III)

The second great contribution of Qian Daxin was the application of Chinese dialect data in his reconstruction of the archaic pronunciation of Chinese which was also a whole century earlier than the work the Europeans did in this field. In his «New findings in my study named Shijiazai», vol. V, for instance, in order to prove that the archaic pronunciation of 无

(wu) was 模 (mo), he cited loan words, pointing out that «南 (nan) 无 (wu)» [122] should be read as «曩 (nang) 谟 (mo)», because «the Sanskrit Buddhist books introduced into China were mainly translated during the Eastern Jin Dynasty (317–420 A. D.), when the pronunciation was close to the archaic one and the monks had it preserved»; on the other hand, he cited as proof some dialect data: «In modern day dialects of Jiangxi and Hunan provinces 无 (wu) is read as 冒 (mao) [23]. As another instance, in order to prove that the ancient and archaic pronunciation of 文 (wen) was like 门 (men), he cited dialect data among others: «Nowadays the Wu people read 蚊 ([wen], mosquito) as 门 [men], door)». In the section «Words Confused with Similar Sounds» in the same volume, he cited the data from the dialects of the East Zhejiang, the Central Wu, Jiangxi, Suzhou, Tongcheng, Wuyuan, Qingjin, Guangdong and the others. He expressed no disdain for these dialects when citing them.

But what about Europe in this respect? In Europe up until 1878 when H. Osthoff and Karl Brugmann wrote the preface for the first volume of «Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen» (Leipzig, 1878) no one had come out with the objection that the historical comparative linguists of the older generation had merely concentrated their attention on the comparison of dead languages, but never to living languages (including dialects) and individual speech. This was a great theoretical innovation, for which, Brugmann and Osthoff in addition to others, were known as the Young Grammarians so as to be distinguished from the grammarians of the older generation. Their preface was acclaimed as the manifesto of the Young Grammarians. Before that time, dialects, having been despised by linguists (who were mostly of distinguished family origin), were taken as unacceptable rural vernaculars [24], and as distorted and degraded languages. As Jacob Grimm said, «Dialects are the languages of uneducated people in society, and are doomed to die out» [125]. Therefore, the linguists of that time in Europe did not cite, much less study dialects. Even if Brugmann and Osthoff explained the importance and necessity of paying attention to living languages, what the Young Grammarians laid stress on in their scientific practice were nevertheless dead languages [26]. It was only after the emergence of the school of Dialect Geography represented by J. Gilliéron (1854–1926) that dialect study (including the «Atlas Linguistique de la France», published in 13 volumes from 1902 to 1910 and various dialect atlas published later) began to flourish. However, K. Vossler (1872–1949) and his aestheticist school in Europe

again concentrated their attention «on the literate languages, overstressed the literary and aesthetic element in the development of languages» [27]. Thus it can be seen how the study of dialects has gone through difficulties and setbacks in the attempt to be taken seriously. It was commendable that Qian Daxin cited dialectal data boldly in reconstructing the ancient sounds of Chinese at least 100 years earlier than Brugmann and Osthoff published the above-mentioned preface (1878). In fact, a whole century earlier than Qian, Huang Sheng had taken care to apply dialectal data in reconstructing archaic sounds. The scholar 杨雄 (Yang Xiong, 53 B. C. — 18 A. D.), recorded dialects, and compiled the first dialectal thesaurus in human history «方言» («Dialect») [28] 1800 years before dialectical data began to be collected and taken seriously, some dialectal dictionaries emerging only toward the end of the 18th century in Europe. Before that time, even the eighteenth-century grammarians believed that «the literary and upper-class standard language was older and more true to a standard of reason than the local speech-forms», though in fact «the standard language was by no means the oldest type, but had arisen... from local dialects» [29].

Besides Yang Xiong, 颜之推 (Yan Zhitui, 531– c. 590) also took special notice of the regional divergence of Chinese language. He wrote in the section «Phonology» of his «颜氏家训» («Yan Shi Jia Xun» — «The Yans' Instructions to His Family»): «It is natural that there have been differences between the speech of the people from different places in China since people existed», and «Language changes according to time; writers from 楚 (Chu) and 夏 (Xia) speak differently». «Xia» here refers to Central China, where standard Chinese was spoken, and «Chu» the other places where dialects were spoken. The famous scholar 顾炎武 (Gu Yanwu, 1613–1682) in his «Tang Yun Zheng» («Correction to the phonology during the Tang dynasty»), vol. 3, also accepted that there had been dialects in the ancient time [30]. Foreign linguists had also pointed out the existence of dialectal variation within ancient Greek [31]. However, many historical-comparative linguists still considered the Proto-Indo-European Language as a unity without dialectal variation. Constrained by the concept of evolution introduced by Darwin, these scholars (especially A. Schleicher) had envisioned the divergence of a language to be as simple and neat as the branching of a tree. It was not until the 20th century that linguists realized the essential defects of the 19th century's historical comparative linguistics. The linguists of the 20th century criticized the biologism in the views of

linguists during the 19th century, pointing out that it was impossible that there had been no dialectal variation in the Proto-Indo-European language since it covered such a wide region from Europe to India. The various later Indo-European languages were merely independent languages gradually coming into being on the basis of further development of these dialects. This is the theory of the divergence of linguistic development. Other scholars (represented by N. S. Trubetzkoy [1890–1938]) supposed that the common proto-languages resulted from the gradual convergence of various dialects or languages. This is the theory of convergence. Ancient Chinese and foreign scholars could not possibly have arrived at such views, of course, being constrained as they were by the limitations of their era.

(IV)

Although Qian Daxin made a brilliant contribution for his time, unfortunately, with the constraints of the Qing dynasty's closed-door policy, he was ignorant of foreign languages and languages related to Chinese. Moreover, China at that time was rather weak in scientific theories such as those of the 19th century in Europe (including scientific physiology, anatomy and modern phonetics arising from these), otherwise Qian might have been one of the initiators of historical comparative linguistics pre-dating the European scholars. Franz Bopp (1791–1867) and Rasmus Rask (1787–1832), together with Jacob Grimm, considered as the initiators of historical-comparative linguistics, were half a century later than Qian. However, as to his reconstruction of the pronunciation of archaic Chinese on the basis of the diachronic data of Chinese and its dialects, Qian Daxin had in fact applied some methods of internal reconstruction [32], as it is called by contemporary scholars. Therefore, Qian may be called one of the forerunners of the internal reconstruction [33].

By a historical coincidence, Qian Daxin had a younger brother called Qian Dazhao (1744–1813) who was also a scholar engaged in philology and textual research [34], just as Jacob Grimm's brother William Grimm was also engaged in linguistics. However, the dissemination of the work of Qian brothers has been so sparse in China that it simply cannot compare with that of the Grimm brothers in Germany, where the people pay great respect to the brothers; their photos are printed on the title pages of German textbooks for middle schools, the Grimm's Scholarship is offered at universities and middle schools, and commemorative stamps for the brothers have been issued several times. Certainly, they share the great honour also because they were

folklorists and the compilers of the great German dictionary, and Jacob Grimm was in addition the author of «German Grammar» (which is in fact a book on Germanic historical grammar). Fortunately, the social neglect of the Qian Daxin brothers in China has evidently been rectified recently. For example, a commemoration meeting of somewhat limited scope was held for Qian Daxin in Shanghai. But there is still a long way for us to go in this area, considering that a nation ought to pay great respect to its cultural tradition and representative figures. With a guilty conscience for how we have treated our great cultural figures, we still have much work to do.

In addition, it seems that no one has ever explored Gu Yanwu's outstanding role in world linguistic history from the angle of a comparison between Chinese and foreign linguistics. 江水 (Jiang Yong, 1718–1762) affirmed Gu Yanwu's discovery of the method of «seeking for the origin by following its flow» i. e., «reconstructing the archaic (i. e. before the Qin Dynasty [221–207 B. C.]) sound of a word through its modern (i. e. in the Sui Dynasty [581–618 A. D.]) sound». This approach represents the kernel of internal reconstruction, the idea (and the term) of which did not emerge abroad until the mid-20th century, nearly three centuries after Gu Yanwu's work. Of course, the method of internal reconstruction proposed by J. Kuryłowicz (1895–1978) is based on modern scientific phonetics and phonology, their principle is that the phonology of a language form a system, just as does its grammar, and consequently it's not difficult to reconstruct, for example, the ancient phonological system by filling in the empty positions in the modern phonological system. This method was impossible to be mastered by Gu Yanwu at his time.

It can be seen, from the above account that the comparison between the histories of linguistics in China and abroad is a serious scientific task as well as being important in instruction to develop the national patriotic consciousness of the Chinese people. Such comparative research is never so simple as simply putting together for comparison some quotations from works on Chinese linguistic history and those on foreign ones; it requires the comparative scholar to familiarise himself with Chinese and foreign languages as well as their histories, to have an intimate understanding of the histories of Chinese as well as foreign linguistics, and to know a considerable amount about historical-comparative linguistics, linguistic typology and sometimes even developmental linguistics or clinical linguistics. I firmly believe that some scholars of the younger generation in China will carry out this glorious and significant work.

Moreover, the comparative scholars should assume an objective, scientific attitude, confirming what should be confirmed and refuting what should be refuted in the light of facts. In general, the Western world has been ahead of China in linguistic theories, with grammatical study developing earlier [35]; China is prominent in its historical-phonological and historical-semantic studies of the Chinese language and the Chinese writing system from the inscriptions on bones or tortoise shells of the Shang Dynasty (c. 16–11th century B. C.) to the present day. We must not improperly belittle ourselves, but, on the other hand, we should introduce advanced foreign linguistic theories or methods into our linguistic study. Only in this way can we summarise our experience through comparing Chinese and foreign linguistic histories, and thus promote linguistic science in China.

NOTES:

[1] «Dialectics of nature» (*translated from German*). — Beijing, The People's Publishing House, 1956, pp. 11–12.

[2] «A Collection of Lu Shun's Letters». —, Beijing, 13, p. 98.

[3] Quoted from «Методы описания языков мира». — М., 1976, p. 106.

[4] F. Schlegel: *Ueber die Sprache und Weisheit der Indier*. — Heidelberg, 1908, S. 28. English translation is ours.

[5] See in detail my book «Linguistics as a Pilot Science. — Beijing, Publishing House of Beijing Institute of Languages, 1994.

[6] Prof. Cen Qixiang's (岑麒祥, 1903–1989) «An Outline of History of Linguistics» (Beijing University Press, 1988) brings for the first time the history of Chinese linguistics into the frame work of the world history of linguistics, breaking with the pattern of taking Europe as the center in works on the history of linguistics written by Western scholars. This is a great contribution. It is a pity that he did not make a comparison between these two kinds of traditions, i.e. the histories of Chinese and foreign linguistics.

Esa Itkonen has devoted one chapter of his book «Universal History of Linguistics: India, China, Arabia, Europe» (John Benjamins Publishing Company, Amsterdam and Philadelphia, 1991) to the history of philosophical-linguistic thought in ancient China. But unfortunately he underestimates Chinese traditional linguistics (He wrongly writes that «From a strictly scientific point of view, the linguistic tradition of China is without much interest»), which arouses resentment among Chinese scholars. Although Prof. Wang Li (王力, 1900–1986) mentioned in his «History of Chinese Linguistics» (Shanxi People's Publishing House, 1981) that «Sanskrit phonology had an influence on phonology in our country» (p. 211), and devoted a whole chapter to «the influence of European Sinologists upon Chinese linguistics» in the 20th century, he did not make a comprehensive comparison between the histories of Chinese and foreign linguistics. Moreover, influenced by the political atmosphere during the writing of the book, he incorrectly concluded, that «before Western linguistics was introduced into China, Chinese linguistics belonged to feudal culture. After that, before the year 1949, it belonged in its principal aspects to capitalist culture» (p. 206). It's not surprising that he was unable to realize, or point out, that Chinese traditional linguistics had advanced beyond Western linguistics in some respects, though he con-

ceded that, «the Qian-Jia (乾壽) and Zhang-Huang (章黃) Schools were of such scholarly quality with regards to the classical Chinese language and its history that no new schools can bear comparison with them» (p. 207) (Qian Long [1736–1796] and Jia Qing (1796–1821) were the titles of two emperors' reigns in the Qing Dynasty, during which there were many famous Chinese philologists–linguists, who were collectively named under the rubric of the Qian-Jia School; The Zhang-Huang Linguistic School is so called because its leaders were 章太炎 (Zhang Taiyan [1869–1936]) and 黃侃 (Huang Kan [1886–1935]).

In his «The Status and Value of the Dictionary» «Shuo Wen Jie Zi» (Explanation of the meanings and etymologies of Chinese characters) in «The History of Dictionaries» (in «Dictionaries and Language», Hubei People's Publishing House, 1985), Prof. Xu Jialu (1937–) correctly pointed out that «Shuo Wen Jie Zi» came out during the transition from the 1st century to the 2nd century, some centuries earlier than unilingual dictionaries in the Western world. Of course, very different in nature from Western dictionaries, «Shuo Wen Jie Zi» is a dictionary of Chinese characters, because Xu Shen did not know the difference between a character and a word owing to the limitation of his times and because of the monosyllabic character of classical Chinese. However, this should not belittle its pioneering value in the history of dictionaries.

[7] Qian Daxin's heavy labials also include *m*, which is not mentioned, as it is irrelevant to the subject discussed here. But it will be mentioned in the following quotation from him about the pronunciation of 晚 (evening).

[8] Please bear in mind that this kind of comparison is a typological, not genealogical one. This is the reason I say «a similar law».

[9] The Proto-Indo-European **p* is still retained in the above mentioned words in Latin, Sanskrit and Russian. Cf. also the English word *paucity* ('fewness') of Latin origin and *few*.

[10] Jean Dubois et al.: Dictionnaire de linguistique, Librairie Larousse, 1973, p. 240. English translation is mine. Stephen Gould humorously called Grimm's law the most remarkable «folktale» in linguistics (See «Natural History, 1989, № 2, pp. 20–24).

[11] 堂 (*tang*) must be replaced by 室 (*shi*). 段玉裁 (Duan Yucai, 1735–1815) pointed out in his «Notes to «Shuo Wen Jie Zi»» that «In each 堂 (house), the main room at the middle was called 室, at each side of which were the rooms called 房 (*fang*)». So it is obvious that 房 and 室 were different in ancient China. Yet this kind of difference disappeared later probably because of the change of building setup. E. g. 书房 (study room) or 客房 (guest room) can lie at the middle of a building, and 教室 (classroom) or 卧室 (bedroom) at the side of a building. Furthermore, 房 now can refer to «house» or «building», e. g. 瓦房 (tile-roofed house) and 楼房 (storeyed building); and 室 can now refer to «working units» and/or their rooms, e. g. 图书室 (library) and 资料室 (reference room), which are now absolutely irrelevant to their positions in the building.

[12] Wang Li: The History of Chinese Language. — Zhonghua Publishing House, 1980, vol. I, p. 115. Wang Li also made a proof of the law by the bilabials (instead of *f* in the Putonghua [Contemporary Standard Chinese]) retained in Min and Hakka dialects. In fact, the same situation also exists in Yue and other dialects. For example, in Yue vernacular 妇 is pronounced as [pou] instead of [fu] as in Putonghua. The transition of *f* from [p] [ph] [bh] began at Han Dynasty (206 B. C. – 220 A. D.) and ended at the beginning of Sun Dynasty (960–1279). See 张清常 «Selected Writings on Linguistics», p. 50, 1993. (For the sake of convenience for typesetting and printing, the bracketed letters are the international phonetic alphabet, and the others are the phonetic alphabets for Chinese characters or Latin alphabets.)

[13] Wang Li: «A Dictionary of Cognate Words». — Commercial Publishing House, 1982, p. 117; Li Xinkui: «About Some Relations Between Language Sound and Writing from the Point of Homophonic Phenomena», in: «Lexical Works and Language». — Hubei

People's Publishing House, 1985, pp. 91–92. Similar mutation is also found in German (Cf. *graben, Grab//Grube*). In China, though 杨雄 (Yang Xiong, 53 B. C. — 18 A. D.) in his «Dialect» mentioned the terms «声转 [shen zhuan]», «转», 戴震 (Dai Zhen, 1723–1777) is the first scholar to advance the theory of sound mutation (音转 [Yin zhuan]) in his book 转语 (Sound Mutation), which had been lost, the only surviving part being its «Preface». 王念孙 (Wang Niansun, 1744–1832) is one of the scholars who systematically used the sound mutation to discover the etymologies of Chinese words. In Russia, Baudouin de Courtenay in his «Versuch einer Theorie der phonetischen Alternationen» (1895) elaborated the mutation (Alternation) theory from the point of view of phonology. Since the theory of mutation had already been in embryo in Indian linguistic tradition (See «Лингвистический-энциклопедический словарь». — М., 1990, с. 580), I wonder if Dai Zhen and Wang Niansun had been influenced by this tradition, since Indian linguistics had penetrated into China together with the Buddhism early in the Han Dynasty, at the beginning of the Christian era.

[14,16,17] R. Jakobson: «Child Language, Aphasia and Phonological Universals» in my translation into Chinese and introduction, in: «Linguistics abroad. — Beijing, 1981, № 3, pp. 56–59.

[15] A. S. Diamond: «The History and Origin of Language. — London, 1960, pp. 202–205.

[18] See «Proceedings of the 14th International Congress of Linguists», — Berlin, Akademie-Verlag, 1990, v. I, p. 216. The Turkic data was provided by my Uyghur student Baisimuhan from Xinjiang. Other data of the ethnic minority languages of China are due to my student Zhao Xue's general survey according to the series of «Sketch of Ethnic Minority Languages of China», The Publishing House of Chinese National Minorities, published in eighties of this century. I have it checked with the same series of books.

[19] The above-quoted R. Jakobson's «Child Language, Aphasia and Phonological Universals» was first published in German in 1941 having been translated into English in 1972.

[20] See Zhang Taiyan's «Self-evaluation of my Academic Achievements» in: «The Chronicle of Zhang Taiyan's Life» (Zhonghua Publishing House, 1979, p. 345) edited by Tang Zhijun. In his praises of Zhang Taiyan's «The Evaluation of Chinese Traditional Science», Zhang Taiyan's student Huang Kan (1886–1935) said: «New knowledge introduced from the Western world has washed away our traditional science». But in «A Letter to Su Manshu» (1884–1918, a famous monk-scholar) Zhang Taiyan said: «I have asked an Indian friend of mine to buy a Panini «Grammar» of 8 volumes (This «Grammar» is divided into 8 chapters — *Wu Tieping*)... Besides Chinese, the Sanskrit and Arabian languages have attained the greatest successes among the languages in Asia, and the Sanskrit language is the most ingenious one» (Ibid., p. 296).

[21] See Huang Sheng's «字诂义府合按» («The Explanation of Words and the Repository of Meanings» with notes by Huang Chengji [黄承吉], Zhonghua Publishing House, 1984, pp. 127, 69.) Moreover Huang Sheng discovered that in the archaic Chinese 涿 (zhuo) was pronounced as 督 (du), and 卓 (zhuo) 吾 (wu) was pronounced as 笃 (du) 吾 (wu) (p. 189), which had implied the idea put forward later by Qian Daxin that in the archaic Chinese the sound *zh* came from the sound *d*. This can also be seen from the word 睹 (du) with the sound component 者 (zhe). Similarly, 澄 (cheng) with the sound component 登 (deng). Cf. the similar sound shift: English *this* versus German *der*.

[22] 南 is a loan word from Sanskrit *Namas* meaning 'bend, bow', which is often used before Buddha's names or classic works to show respect, e. g. 南无阿弥陀人佛 (*Amitabha* — the name of a Buddha who is supposed to be able to lead the devotees to the Western Paradise). The ancient sound of 无 is reconstructed as **ma* by Zhou Fagao (see «Research of Chinese Language and Writing, published in Taiwan, p. 101), and as *miua* by Wang Li (see his «A Dictionary of Cognate Words», p. 178).

[23] «Dictionary of Modern Chinese» (Commercial Publishing House, 1979) includes a word 冇 (mao) defined as «(dialect) not have», which is evidently derived from 有 ([jou], have).

[24] The word 土话 (local dialect), which is still used in Chinese, also implies a contemptuous attitude towards dialects in some peoples' minds. In fact, as far as language structure is concerned, a dialect is also an integrated linguistic system with the same status as a standard language, except that its use is limited in geographical scope, less widespread than a standard language. Departing from their previous incorrect attitude of despising black English, many contemporary American sociolinguists now consider black English as having status completely equal to that of English, and even that some characteristics of black English (e. g. the form -s is not added to the singular simple present verb) might reflect the developmental course of English. This kind of democratic and impartial viewpoint towards language is praiseworthy.

[25] Quoted from С. В. Смирницкая: «Якоб Гримм и немецкая лингвистика», in: «Вопросы языкознания», М., 1986, № 3. The state of European languages is very different from that of Chinese. In many European countries, the dialectal variation is not so evident as that of Chinese. On the other hand, regional dialects in Europe are also social dialects; only farmers speak dialects, and intellectuals have to speak a standard language; to speak a dialect would be considered beneath their dignity. When I visited Germany and Poland in 1987, I found the scholars there were very surprised to be told that many Chinese leaders speak dialects.

[26] В. А. Звегинцев: «Хрестоматия по истории лингвистики XIX-XX вв.». — М., 1956, p. 145.

[27] R. H. Robins: «A Short History of Linguistics», 2nd ed. — London, Longman, 1979, p. 190.

[28] As is well known, the lay-out of «Dialect» follows «尔雅» («Er Ya»), which is acknowledged as the earliest thesaurus in the world. It is referred to in «A Dictionary of Linguistics» (4th edition, Germany, 1985) edited by T. Lewandowski that the first thesaurus in the Western world «A Thesaurus of English Words and Phrases (edited by P. M. Roget) was published in 1852, and the second one is «A Thesaurus of Latin» (published in succession from 1894). «Er Ya» was 2000 years earlier than the first thesaurus in the Western world.

[29] L. Bloomfield: «Language». — London, 1935, p. 321.

[30] It is a pity that Gu Yanwu's attitude in this respect was not consistent. For instance, in his «Preface to Yin Xue Wu Shu» (音学五书 [«Five Articles on Chinese Historical Phonology»]) he said that, spreading all over the 15 states (in ancient China), the language of «诗经» («The Book of Songs») lasted almost a thousand years without any phonetic variation, which is contrary to the viewpoint of diachronic variation and synchronic geographical variation of language. As for its social variation, not only was it not recognized by Gu Yanwu, but it was not even noted until late in the end of the 19th or even the 20th century in Europe. Moreover, when citing data, or reconstructing a proto-language in historical comparative linguistics, few people have so far taken into account whether or not there existed social dialects in the oldest languages and the reconstructed proto-languages. It is true that there were not any class dialects in primitive society since no classes existed at that time; however, by inference from linguistic theory, it is probable that age and sex variations existed in the languages of that time.

[31] For instance, L. R. Palmer refers in his «An Introduction to Modern Linguistics (Edinburgh, 1936, p. 123) that students studying classical Greek came across dialect complications, and they had to learn many varieties of speech, if they wanted to appreciate Homer, Sappho, Herodotus and Demosthenes.

[32] It is called «internal reconstruction» because it applies the method of inferring the pre-historical appearance of a language from the data of the language within itself, rather than from comparing it with relative languages.

[33] I will discuss in the following that, Gu Yanwu is the first linguist to apply a method similar to the method of internal reconstruction (though the term itself was not used), three centuries earlier than those linguists applying the method in Europe.

[34] This coincidence implies, in fact, a kind of historical necessity. G. V. Plehanov (Г. В. Плеханов, 1856–1918) pointed out in his famous brochure «О роли личности в истории» («On the role of individuals in history»), that prominent figures in history did not arise independently. It is often the case that a splendid star was surrounded by a group of bright ones. During the age of William Shakespeare there were also many dramatists well-known at that time. In Europe in the 19th century, the historical-comparative linguistic school included a great number of famous linguists. Similarly, In China, there appeared dozens of world-class linguists in the Qing Dynasty, particularly during the reign of Qianlong and Jiaqing. The emergence of the academic climax represented by the Qianjia School was at least half a century earlier than that of the academic flourishing represented by the historical-comparative linguists in Europe (J. Grimm, one of the oldest founders of historical-comparative linguistics, was born in 1785, while Dai Zhen, the first scholar of Qianjia School — in 1723). It's a pity that, owing to the close-door policy of the Qing Dynasty and barrier of Chinese characters as well, the 19th century's Europeans knew little about the achievements of Chinese linguistics and there was almost no exchange between Chinese and foreign linguistics before 20th century, so that Chinese linguistics fell behind the rapid worldwide linguistic development after the Qianjia School, except for the study of Chinese characters and language.

[35] Prof. 杨树达 (Yang Shuda, 1885–1956) in his «Superior Course to Chinese Grammar» (Commercial Publishing House, 1930) and Prof. 孙良明 (Sun Liangming, 1927–) in his series of articles demonstrate that there were already many grammatical analyses in the annotations to the Chinese classics during the past ages, especially during the Han Dynasty (206 B. C. — 220 A. D.); the seeds of these analyses can be found early in «公羊传» («Gong Yang's Annotation to the Classic "The History of the Spring and Autumn [from 722 B. C. to 481 B. C.]» . This annotation was supposedly made during the «Warring States» (475 B. C. — 220 B. C.).

A PRIMITIVE CENTRAL-BASED DIALECT
SPOKEN IN WESTERN HUNAN

Western Hunan has been classified as a Mandarin speaking area [Hunan Normal University 1960; Yang Shifeng 1974], and only in recent years has it been discovered that a local dialect named 鄉話 *Xianghua* or 瓦鄉話 *Waxianghua* is also spoken there. The people who speak this local dialect cannot communicate with speakers who speak a Han dialect (such as Mandarin and the Xiang dialect), nor with speakers who speak a minority languages (such as Miao). It is regarded as a variety of Han by some scholars [Wang Fushi 1982; 1985; Bao & Wu 1985¹], but a variety of Miao by others [Zhang & Hou 1984; Yang Fan et al. 1994, 764]. The aim of this paper is to provide a preliminary identification of the Waxiang dialect.

I propose that the Waxiang dialect is not a dialect of Miao but a primitive central-based Han dialect with influence from Mandarin and some minority languages such as Miao. The following questions will be addressed in this paper:

1. The distribution of the Waxiang dialects
2. The origin of the Waxiang speakers
3. The language identification and characteristics of the Waxiang dialect

1. The distribution of the Waxiang dialect

Waxiang is spoken along the Yuan and You rivers, mainly in Yuanlin county, and can also be found in Luxi, Guzhang, Dayong, Shenxi and Xupu. The speakers normally live on the boundary of counties and in the mountainous areas where the Miao and Tujia live, and access is difficult.

In western Hunan, Mandarin is widely used as a lingua franca. The Waxiang speakers, who came to the area earlier than the Mandarin speakers, regard themselves as hosts and call their own language 鄉話 *Xianghua* 'local speech'. They treat the new migrants as guests, whose Mandarin dialect is called 客話 *Kehua* 'guest speech' [Zhang Mianzhou 1948]. As the 'hosts' have to communicate with the newcomers, most can also speak their 'guests' dialect, but not vice versa. When a bilingual speaker meets a stranger, he always asks: Do you 話鄉 *Wa Xiang* [speak — local] 'speak local dialect' or 話客 *Wa Ke* [speak — guest] 'speak guest dialect'? They then proceed to communicate in the dialect which they have in common.

¹ This paper is the result of the fieldwork Bao Houxing and I conducted in 1984.

People not familiar with the meaning of the expression Waxiang call the local dialect *Waxianghua* 'Waxiang dialect' and the local people *Waxiangren* 'Waxiang people'. But of course *wa* is just the dialect equivalent of the standard language form *hua* 'speech, to speak'. People mistakenly wrote the name *Waxiang* as 瓦鄉 [tile — village] instead of the correct 話鄉 [speak (village) or [speak — local]; the sounds for 'tile' and 'to speak' are homophones in Waxiang.

In the *Guzhangping Tingzhi* [Dong Hongxun 1898], local people are classified into five categories according to their origins: Miao 苗, Zhang (Kelao) 章 (仡佬), Tu 土家, Min 民, and Ke (guest) 客. Then under each category, the names of *Bao* 'district', the names of *Zhai* 'village', the surnames of people and the distribution of languages or dialects are exhaustively supplied. Five different languages or dialects are described in *tins* document: i) The Miao language; ii) The Zhang language, also known as Kelao; iii) The Tujia language; v) *Kehua* 'guest language'; this is a Han language which is also known as *Kekehua* 'guest guest language' or *Guanynin Kehua* 'official guest language'; vi) Tu *Kehua*; this is also known as *Xianghua local language*, *Xiao Kexianghua* 'small guest local language' and *Xiangyin Kehua* 'Guest language with local accent'.

Table 1. The classification and distribution of languages and dialects in Guzhang county

Nationalities	Villages	Languages				
5	282	Miao	Kelao	Tujia	Mandarin	Xianghua
Miao	52	+			(+)	
Kelao	83		+		(+)	
Tujia	9			+	(+)	
Tujia	4			+	(+)	(+)
Tujia	4			+		
Min	34				+	
Ke	69					+
Ke	9				(+)	+
Ke	9	(+)				+
Ke	9				+	

There are altogether 282 villages in Guzhang county. The classification and distribution of languages or dialects can be summarized as follows: the symbol '+' stands for a language or a dialect which is used by a whole *zhai*

'village', and the symbol '(+)' for a language or a dialect which is used by only part of a *zhai* 'village' when they speak to outsiders.

It is shown that people in 34 villages came from Mandarin origins and that Mandarin is widely used by other villages where people came from other regions rather than from Mandarin origins. The people who speak Mandarin as their first language cannot speak the Waxianghua while the people who speak Waxianghua may be able to speak Mandarin. 96 villages out of 282 are from Ke origins and most of the villages speak Waxianghua exclusively.

2. The origins of the Waxiang people

There are different opinions about the origin of these people who speak Waxiang. Some of the native speakers of Waxiang strongly contend that they are a branch of the Miao, while they are classified as Han by the government. They have claimed Miao status many times and have asked the central government to recognize them. They claim that they have their own special style of clothes, their own festivals, have their own farming tools and their own language. Moreover, some Waxiang speakers who have migrated to other places have been classified into minority nationalities [Zhang Yongjia and Hou Zijia 1984].

According to the local gazetteers (e.g. [Dong, 1898; Zhou Guanglie et al 1993; Yang Fan et al 1994; Peng Jun et al 1989]), there were two main groups of Han migrants in western Hunan. A group came from Jiangxi in early Ming, and a group from northern China in later Ming and early Qing. If the Waxiang speakers are Han, they may migrate from Jiangxi.

3. The language identification and characteristics of the Waxiang dialects

There are two questions that need to be discussed regarding identification of the language: Is the Waxiang a dialect of Han or a dialect of Miao? If it belongs to Han, which dialect group can the Waxiang be classified in? I consider that the Waxiang is a dialect of Han and that it is a primitive central-based dialect with influence from some other dialects and languages.

3.1. Waxiang is not a dialect of Miao

The people who claim that the Waxiang is a dialect of Miao mainly base their arguments on the following two facts:

- 1) the Waxiang dialect cannot be written down in Chinese characters;
- 2) there are cognates between Waxiang and Miao [Zhang and Hou 1984]. I will argue that:

- 1) the Waxiang dialect can be written down in Chinese characters;
- 2) the Waxiang share many more cognates with Mandarin than it does with Miao.

3.1.1. The Waxiang dialect can be written down in Chinese characters

One of the key arguments which states that the Waxiang is a dialect of Miao is that the Waxiang speech cannot be represented using characters. This suggests that for a spoken variety to be regarded as Chinese, the essential criterion is that it can be represented using Chinese characters. 'Represented' should mean that not only can the lexical meanings be represented with characters, but also that the characters are used in such a way as to capture systematic phonological correspondences with the standard language. That is, the characters must be able to be used to represent both sound and meaning, and for this the speaker must be able to recognize an extensive system of phonological semantic corresponding forms. There is nothing wrong with this opinion. All of the Chinese dialects can be transcribed by Chinese characters. Mandarin speakers cannot communicate with Cantonese speakers orally, but they can read the written form of Cantonese up a certain degree. That is because Chinese dialects all derived from the same sources, therefore they share a great number of cognates, and also because most educated Chinese speakers have, through the process of learning to write in characters, internalized a well-developed system of phonological correspondences between their own dialect and the standard language. However, for the Waxiang speaker, the situation is different².

There are a number of reasons why Waxiang speakers do not recognize these correspondences. Firstly, they do not learn characters through the medium of their own dialect. In most places in Hunan, when a teacher teaches a character, he/she might pronounce one character with the local literary pronunciation which is similar to the standard language and then explain its meaning. In this case, the students remember the character and associate the reading pronunciation with their own local pronunciation.

As the students learn more and more characters, the general rules of correspondence between the local dialect and the standard language equivalents, linked together via the character system, will be established.

However, in western Hunan, the language of instruction is a variety of Mandarin, not Waxiang. The characters are not linked in any way to local Waxiang pronunciation. In other words, the local practices of education do not establish a model of the correspondence between forms as represented

² Our informant, who was a well-educated person and a teacher of classical Chinese, had not recognized correspondences between his dialect and the standard language. He claimed that their speech could not be written in Chinese as well.

by characters and Waxiang in an educated Waxiang speaker's mind. We were told that the Waxiang speakers' progress at school is always behind the Mandarin speakers because they have to learn to speak Mandarin which is very different from their own dialect when they go to school.

Secondly the phonological correspondences between Waxiang and Mandarin are very complicated. This means that there is a low degree of superficial similarity between the phonetic shape of Waxiang forms and that of the standard forms. This would make it much harder for a Waxiang speaker to work a system of equivalences than say for a Changsha speaker. Even we found it quite challenging to recognize the correspondences, and to find characters based on them. Our impression was that the types of equivalences we were used to making between Hunan dialects and the standard language very often led us up the wrong path when trying to interpret the Waxiang forms. However, after a systematic study, it can be seen that most of the forms in the Waxiang dialect have cognates with Mandarin. In the list of homophones we have given in our article, [Bao and Wu 1985], 1072 monosyllabic forms are recorded in which only 42 (4%) have no corresponding forms with Mandarin and are unable to be recorded in characters. In the vocabulary list, 238 words with 505 syllables are recorded in which only 73 syllables (14%) have been identified as not having corresponding forms. In addition, Wang Fushi has discussed some forms which some scholars [Zhang & Hou 1984] claim cannot be written in characters. For example, *fe*⁴⁴ should be 夙, *we*³⁵ should be 河 and so on [Wang Fushi 1985:175].

3.1.2. The Waxiang share many more cognates with Mandarin than it does with Miao.

Since the Waxiang speakers and the Miao speakers live together, it is not strange if they borrow words from each other. We do not have information of the percentage of cognates that they share. If we treat the forms which cannot be identified in characters in the basic vocabulary list discussed above as the Miao borrowing, there are only 14%. This is not sufficient evidence to show that the Waxiang belongs to Miao. In addition, in the Guzhangping Tingzhi [Dong, 1898], there is a set of Miao words and also a set of Waxiang words which are both transcribed in Chinese characters. All of them are basic words for everyday life. Comparing these two lists, it is hard to find words which are derived from the same source.

In summary, the Waxiang dialects can be transcribed in Chinese characters and have more cognates with Mandarin than with Miao. In addition,

the phonological, semantic and syntactical features of the Waxiang dialects are much close to Chinese than they are with Miao.

3.2. The Waxiang is a primitive central-based dialect

Norman proposed a new set of criteria or diagnostic features that classified the Wu dialect, the Gan dialect and the Xiang dialect as central dialects [Norman 1988: Chapter 8], since these three once had a very close relationship and even now share many similarities. According to the set of criteria, the Waxiang dialects should be classified as a central dialect. We have claimed in the early section that the speakers of Waxiang mainly came from Jiangxi; however, the Waxiang dialect today is more like a mixture of Wu, Xiang and Gan rather than a variety of the Gan.

3.3. The phonological features of the Waxiang dialects

3.4. Lexical features of the Waxiang dialects

3.5. The syntactical features of the Waxiang dialects

4. Final remarks

The research into the Waxiang dialects will provide data for the reconstruction of the proto central dialects.

REFERENCES

- Bao Houxing & Wu Yunji. Yuanling Waxiang Jilue (An Outline of the Yuanling Waxiang Dialect) // *Journal of Hunan Normal University*. 1985.
- Chen Zhiping, et al. *XupuXianzhi* (Yupugazetter). — Beijing: Shehui Kexue Wenxian Publishing House, 1993.
- He Daquan, et al. *Zhi Jiang Xianzhi* (Zhijiang Gazetteer). — Beijing: Sanlian Book House, 1993.
- Peng Jun, et al. *Guzhang Xianzhi* (Guzhaxig, Gazetteer). — Guangxi: Bashu Booking House, 1993.
- Shi Qigui. Xiangxi Miaozu Shidi Diaocha Baogao (A Report on the Fieldwork Regarding to the Miao in Western Hunan). — Changsha: Hunan People's Publishing House, 1986.
- Wang Chunde. *Miaoyu Yufa* (The Grammar of Miao). — Beijing: Guangming Daily Publishing House, 1986.
- Wang Fushi. *Hunan Luxi Waxianghua Yuyin* (The Phonetics of the Waxiang Dialect Spoken in Luxi, Hunan). — Yuyan Yanjiu, 1982.
- Wang Fushi. Zai Lun Hunan Waxianghua Shi Hanyu Fangyan (Further Remarks on the Waxiang Dialect's Status as a Chinese Dialect) // *Zhongguo Yuwen*, 3. 1985.
- Wu Yulong et al. *Jishou Xianzhi* (Jishou Gazetteer). — Changsha: Hunan Publishing House, 1996.
- Yang Fan, et al. *Shenxi Xianzhi* (Shenxi gazetter). — Beijing: Sanlian Book House, 1994.
- Zhang Mianzhou. *Yuanling Xianzhi* (unpublished). 1948.
- Zhou Guanglie, et al. *Yuanling Xianzhi* (Yuanling gazetter). — Beijing: Zhongguo Shehui Publishing House, 1993.
- Zhou Zhenhe & You Rujie. *Hunansheng fangyan quhuaji qi lishi peijing* (The Grouping of the Chinese Dialects of Hunan province and its Historical background) // *Fangyan*, 4. 1985.

谈谈汉语动量词“次”和“遍”的使用及相关问题

一

1. 给母语非汉语的学生教授动量词“次”和“遍”的时候，常常要配合以填空练习让他们作。为了让学生真正深入理解、学会自觉正确运用这两个动量词，设计练习的时候，最好是每句话对二者的选择要具有“唯一性”，不要两可。如：

① 他已经参加过两 奥运会了。

② 我见过你三 了，所以记得很清楚。

③ 只用了一个星期，他就把《红楼梦》这部巨著看了一 。

④ 你们应该从头到尾认真检查一 作过的练习，看看还有没有错误。

以上①②句中的动量词只能用“次”，而③④句中的动量词只能用“遍”。但在下面的两个句子中两个都可以用：

④ 请你再说一_____。

⑤ 这个展览会他已经参观过两_____了。

这种句子对于学生理解两个动量词的不同、自觉掌握使用它们的帮助不大。

2. 以往的汉语语法论著在涉及到这两个动量词的时候，很注重从这两个词的本身及它们所依附的动作所具有的某种性质的说明。如：

次：

a. 表示动作的次数，一般用于（能）反复出现的事情。（《实用现代汉语语法》）

b. 用于可以重复的动作。（《现代汉语八百词》）

遍：

a. 一个（套）动作从开始到结束的整个过程为一遍。（《实用现代汉语语法》）

b. 指动作从开始到结束的整个过程。（《现代汉语八百词》）

这些解释能从一般意义上说明两个动量词的基本特性，对于母语本是汉语的中国人来说可能是够了。但对于母语非汉语的人来说，这种说

明似乎还不能令人满意。就拿上面的例①来说，动量词肯定是用“次”而不能用“遍”。但是如果有人提出：这个句子的主语“他”每次参加奥运会都是从开幕式到闭幕式结束，若按“一个动作从开始到结束的整个过程为一遍”的说法来看，用“遍”不是也可以吗？再看例③，动量词肯定应该用“遍”而不能用“次”。但如果用“可以用于重复的动作”的说法来衡量，“看”这个动作可以重复，那么为什么在此不能用“次”而一定要用“遍”？

3. 这些问题给我们提出了一个深入辨析这两个动量词的任务：目前现有的对“次”和“遍”的解释和说明不能彻底解决问题，我们必须在已有的基础上从更广的角度去认识它们，搞清制约使用它们的各种因素。

二

1. 如果仅从“次”和“遍”两个动量词的本身意义看，它们的不同在于说明动作的角度不同：“次”是用来计量动作发生出现的量的，

不说明动作有无始终或过程。如“这个电影我看过两次了”这一句子中的“两次”只说明动作“看”发生的数量，不说明是否从头至尾地看完。因此后面可以说“但每次都是看到半截就有事，被人找走了。”而“遍”则是说明动作及于某事物有始有终的一个全过程。所以上面的话还可以这样继续下去：“如果有机会，我一定要完整地看一遍。”

正因为这两个动量词是从不同角度说明动作发生或出现数量的，所以有些句子动词后既可以用“次”也可以用“遍”来计量。至于用哪个，这就要看我们是从什么角度来理解了。如上面的例⑤⑥两句就是很好的证明。用“次”和用“遍”所显示出的意思是不完全相同的。

“请你再说一次”的意思在于重复“说”这个动作；而“请你再说一遍”的意思不但包含要重复“说”这一动作，而且要把说过的话从头到尾完整地再现出来。“这个展览会他参观过两次了”表示他来“参观”这个动作发生的数量，至于每次是否是从头到尾完整地参观，并

没有交待而且也不重要。而“这个展览会他参观过两遍了”所表示的意思一定是每次“参观”都是从头到尾的全过程。

2. 搞清了“次”和“遍”两个动量词对动作说明的角度的不同，对于正确使用它们是最重要的。但这还不是解决问题的全部，还不能解释清楚为什么有的动词后只能用“次”而不能用“遍”（比较多），而有的动词后只能用“遍”不能用“次”（很少）。所以继续搞清与之搭配使用的动词所表示的动作有什么样的特点，也是十分必要的。

如上所述，数词+“次”是说明动作发生或出现的数量的，所以很多动作动词都可以用它作动量词。而“遍”更着重说明的是动作从始至终的整个过程。这就要求能用它作动量词的动词，在意义上必须能表示该动作有一个从开始到结束的过程。如“抄写”这个动词，我们可以说“他把课文抄写了一遍”。“抄写”这个动作是从课文的第一行第一个字一直到最后一行最后一个字乃至最后的标点符号这样一个

全过程。换句话说，“抄写”这个动作周遍了“课文”的开头到结尾。因此我们可以说“抄写”这个动作具有对相关事物的“周遍性”。

同样，能用“遍”作动量词的例③和例④中的“看”和“检查”两个动词，所表示的动作也都对与它们相关的事物有“周遍性”。而那些不具备这种“周遍性”的动词，如例①中的“参加”，例②中的“见”，它们只是表示动作的发生、不具备说明动作有一个由始至终的过程的动词，后面就不可以用“遍”作动量词。“参加了”就是“参加”了，只表明动作发生，没“参加”就是没“参加”，动作根本没有发生，它不能说明动作有一个过程，不具备对相关事物的“周遍性”。同样，“见”也是一样。所以它们都不可以用“遍”作动量词。再如：

⑦ 这个马大哈，丢了三次课本了。

⑧ 最近他脾气很大，一天就发两三次火。

⑨ 那个醉鬼，不足三十米路他就倒了五次。

⑩ 为了解决这个难题，我们一周就开了三次会。

⑪上个月，我朋友举办了一次个人画展。

⑫她的秘密我发现过两次了，别人还一点都不知道。

以上六个句子中的动词“丢”“发(火)”“例”“开”“举办”“发现”等所表示的动作都不具备“周遍性”，所以动量词只能用“次”而不能“遍”。像这样的动词还有“掉”“塌”“醉”“坏”“欢迎”“捐献”“领导”“解放”“咳嗽”“出(差)”“结(婚)”等等。

也有很少的本身意义就包含有“周遍”意思的动词，这样的动词只能用“遍”而不能“次”作动量词。如：

⑬他把我上下打量了一遍，看我的穿戴还可以，就把我放进去了。

⑭每天报纸来了，爸爸都习惯把所有的报先浏览一遍。

⑮警察在附近搜索了两遍，也没发现有什么可疑之物。

⑯妈妈把孩子抚摸了又一遍又一遍，她真不愿意丢弃自己的亲骨肉啊。

3. 动量词“遍”的使用除了要求动词所表动作对与之相关的事物具有“周遍性”以外，还要求该事物具有“可周遍性”，即该事物可以被某动作从头至尾进行一个完整的过程。为了说明这一点，请看：

⑰我昨天给你打了三次电话，你都不在家。

⑱我把这几部电话打了一遍，才比较出哪部更好用。

⑲他女朋友的照片我看过一次，非常漂亮。

⑳这本小说我看过一遍，觉得很有意思。

例⑰⑱的内容都是“打电话”，而例⑰中的动量词只能用“次”，例⑱中则要用“遍”。这是因为例⑰中只是要表明“打电话”动作发生的数量，况且每一次都是用一部电话，而这一部电话对于“打”这个动作来说不具备“可周遍性”。而例⑱中是“几部电话”，“我”是逐个地“打”，从第一部一直打到最后一部。所以，“这几部电话”对于“打”这个动作来说，具备“可周遍性”，因而在此动量词应该用“遍”。

例⑪⑫中的动词都是“看”，但是“看”的事物却不同。例⑪“看”的是“他女朋友的照片”，一般来说一张照片总是一览无余（即使可以端详一会儿）的，不具备“可周遍性”，更何况这句话意在说明“看”这个动作发生的数量不多，所以不能用“遍”作动量词。而例⑫“看”的是“这本小说”，一本小说总不能一眼就看完，要从开头一点一点地看到结尾，所以“这本小说”对“看”来说具有“可周遍性”，在此必然要用“遍”作动量词。

三

综上所述，我们的结论是：

1. 动量词“次”和“遍”用于计量动作的角度不同。数词+“次”只是反映了动作发生出现的次数，并不反映动作有无始终或过程；数词+“遍”反映的是动作有始有终全过程发生出现的数量。

2. 有些动作动词后边既可以用“次”也可以用“遍”作动量词。在一定的语境（句子）

中，强调的角度不同，选择的动量词也不同。

3. 在动作动词中，多数都可以用“次”作动量词。但用“遍”作动量词的动词必须能反映出该动作对相关事物具有“周遍性”，而且还要求与该动作相关的那个事物要具有“可周遍性”。

4. 有很少的本身意义就会有“周遍”意思的动词后边的动量词一般只能用“遍”而不能“用”“次”。

关于现代汉语形态的思考

语言学家所说的形态,是指一个词在与别的词组合时,其词形的变化。作为一种外在的语法形式标记,形态在语法内容上有其抽象性质。以动词为例,其词形变化就具有以下抽象性质:

A附着性。形态附着于特定的某一级语法单位。研究印欧语言的语言学家通常认为它附着在词这一级语法单位的核心即词干上。如俄语的 -l (-la, -lo, -li), 英语的 -ed, 都附着在词这级语法单位中的动词词干上。

B划界性。形态划分出一个语法单位。它常常存在于此一单位与彼一单位的分界线上,从而把两个次第连续的单位划分开来。拼音文字已经把时间上连说的两个词在空间上分离开来,所以使用拼音文字的人们写下两个次第连续说出的词时,容易忽视形态的划界作用。如果一个词紧接着另一个词书写如中文,形态的划界作用就凸现出来。

C示类性。附着同一形态的语法单位,常常具有共同的语法特征,属于同一个语法类别。例如如果俄语里的X, Y, Z都是具有 -l (-la, -lo, -li), 等词形变化的词,通常情况下,人们能推断出它们是动词。

D分层性。形态常常显示出其附着的单位在特定语言结构体中所处的语法层级。例如,动词有无形态,是这种形态还是那种形态,都常常显示出其所处单位的语法层级。一般说来,无形态变化时是静态单位,有形态变化时是动态单位。能反映某一语言结构基本性质的动词形态,常常出现在复句的主句中或单句的谓语位置上。又如俄语名词的格,也清楚地显示出其所处语法层级。

从形态的语法意义来认识形态。我们看到了上面所说的四点性质。根据这些来看现代汉语,现代汉语里存在形态应该是不争的事实。下面以动态助词“了”为例说明。

A动态助词“了”主要附着在词有时也附着在短语这两级语法单位上。例如:

1他们调查了这个问题。(附着于动词)

2他们调查,分析了这个问题。(附着于动词性联合短语)

3他们调查清楚了这个问题。(附着于动补短语)

B动态助词“了”划分出语法单位词或短语的界限。“了”

不能插在例1中“调”“查”之间，因为它们是语素。插在例2“调查”“研究”，例3“调查”“清楚”之间也不可能。因为这里它划分出的单位是短语。虽然“了”在例句里划分出的是动词性词语，但在多数语料中划分出来的主要是词。在结构较为松散的离合词中，“了”用在两个成分中间，也表明了这一点。如“撒了谎”，“游了会儿泳”，“唱了歌”等，都把前一成分作为词离析了出来。

C动态助词“了”表示前面的语法单位是谓词性的。例1，例2，例3都是动词性的词语；还有动态化了的形容词，例如口语中的“这个卖肉的真是黑了心，病猪肉也拿来卖！”现代汉语里的词类活用也为此提供了佐证。例如：

4你也太草包了一点。（名词活用为动词）

5小王“嗯”了两声，可就是不动身。（叹词活用为动词）“草包”和“嗯”附着了“了”后，取得了动词的语法功能。

D动态助词“了”有分层功能。“鸟飞”在一定的语境中才能成句，而“鸟飞了”是自由句。“吃了饭去”是连动句，“吃饭了去”就站不住。“好”有“让人满意”，“完成”等意义，离开上下文，“穿好衣服”有歧义；因为“好”的语义制约关系，语义指向不清楚，它处于哪一个层级无法断定。“穿了好衣服”“穿好了衣服”就没有歧义，因为“了”在其中发挥了分层功能。当然，我们应该承认，“了”在表示其所附着单位的句法功能方面不如俄语，英语的相应形态能力强。

总的说来，“了”具有形态在语法意义方面的一切抽象性质。虽然，同俄语，英语比较，它们各自表现出的具体形式不完全一样。但只要人们适度地进行概括，就可以明显地看到它们的共同点，并体会到现代汉语形态也有其直观性。所以，“了”是现代汉语动词形态的标记，并且，与“了”同为动态助词的“着，过，的（是谁开的灯？）”也应该一律视为形态。为了同印欧语系对比，不妨把“了”这一类形态称之为词外形态。汉语语言学界过去曾经有过汉语传统形态观中形态的形式特征。但无论持肯定或否定意见的论者，却都比较一致地认为其肯定或否定的对象具有前面所说的形态的语法性质。把“了”这一类形态称之为词外形态，既较为客观地揭示出现代汉语形态方面形式上的特殊性。又反映出各种语言形态方面内容上的共同性，丰富了形态学研究的内容。比方说，它能启迪人们深入地认识现代汉语的助词系统，认识其中与形态有关的东西。下面再

以语气助词为例进一步讨论现代汉语形态问题。

现代汉语语气助词“了”用在句末，主要肯定事态出现了变化，或即将出现变化，有成句的作用。”（“现代汉语八百词”）语气助词“了”具有以下特性：

A附着性。语气助词“了”附着在句子（小句）这一级语法单位后面。例如：

6他们吃饭了。

7吃饭了，快进来。

B语气助词“了”划分出句子（小句）这一级语言单位的界限，如例6，例7。另比较例8，例9：

8学外语要注意多听多说。

9学外语了，要注意多听多说。

例8的“学外语”是“要注意多听多说”的主语，两者是一个整体。例9的“学外语了”已经是一个独立于“要注意多听多说”之外的小句。

C语气助词“了”表示被附着的句子（小句）属于陈述句类。联系到语气助词“吗”，“吧”，“啊”等表示被附着的句子（小句）是疑问句，祈使句，感叹句等，并且据此将它和英语相应句子比较，似乎可以说，“吗”等附着在“句干”（根据“词干”仿造）表示的“句形变化”（根据“词形变化”仿造），同英语-ed附着在词干上表示的词形变化是十分相似的。只是人们还不都认可句子也有形态变化。如果我们都承认这一点，那么英语界的同行中也可能会出现一番争论：英语疑问句里相对于陈述句的词序变化，是不是一种句子形态变化？

D语气助词“了”显示其所附着的语言结构体处于句子（小句）层级。我们可以从合格句与不合格句的比较中来观察这一点。

10吃了饭后，我们干快点儿！

11吃饭了，我们干快点儿！

12*吃饭了后，我们干快点儿！

例10，例11是合格的句子，不过例10是单句，例11是复句。例12则是不合格的句子。例12之所以不合格，是因为“吃饭了”作为小句，“了”应该附着于句干，去充当复句的分句。加了“后”，“了”就不再是附着于句干，不再存身于句子（小句）层级，当然不合格了。同理，例13，例14也不合格。

13*吃饭了的人先走。

14*我看见几个吃饭了的人。

综上所述,我们完全可以认为,现代汉语中被传统语法学称之为语气助词如“了”等的东西,也是一种用来表示形态变化的语言成分。和表示词形变化的动态助词不同,它表示的是句子的形态变化。

对外汉语教学中,“了”的教学是一个令人头痛的问题。有时难免隔靴搔痒,如对例13,例14,简单地解释为“了”应该放在动词与宾语之间”。这显然是似是而非的,其它类似说法也不能从根本上解决问题。我们在教学中对学生特别是母语为印欧语系语言的学生应用了上述研究成果,取得了较好的效果,他们因误用“了”而造成的病句大大减少。

把专用于指词形变化的“形态”这一术语拿来指汉语的动态助词,已经有先例,人们渐渐能理解了;虽然这已经从词的内部转到了词的外部。进一步用它来指句形变化,指语气助词,有人肯定难以理解,甚至会提出“句子怎么会有形态?”一类的问题。其实,它也是可以理解的。

Vadim M. Solntsev 曾经说过:“汉语的事实指出,词类的概念不应该和长期以来被语言学界所接受的词的形态类型的概念混为一谈。”这是很有见地的,也道出了语言研究中归纳有限材料造成的成见,对人们深入认识事物本质的负面影响。循此而往,我们也可以说,形态类型的外在形式特征,不应该和形态类型包含的语法意义混为一谈。形态类型包含的语法意义才是形态的本质特征,是区别形态与非形态的标准。汉语的事实指出,形态在不同的语言里有着不同的表现形式。汉语的形态是以词为表现形式的词外形态,附着在词,短语,句子等语法单位上。附着在词上的形态不同于附着在句子上的形态,附着在短语上的形态也有值得深入研究的地方。

主要参考文献

吕叔湘 汉语语法分析问题 商务印书馆 1979

吕叔湘主编 现代汉语八百词 商务印书馆 1980

Vadim M. Solntsev 汉语对普通语言学理论研究的意义

引文依据俄国科学院语言研究所Jasen Ushuri 的译文

СОДЕРЖАНИЕ

А. Н. Хохлов (Москва) КИТАЕВЕД-ЛИНГВИСТ Н. Н. КОРОТКОВ (1908–1993): ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К ВЕРШИНАМ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА.....	5
В. М. Солнцев, Н. В. Солнцева (Москва) КУДА ИДЕТ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК?.....	15
А. Н. Алексахин (Москва) ПРОБЛЕМА СООТВЕТСТВИЯ ФОНОЛОГИЧЕСКОГО И ГРАММАТИЧЕСКОГО УРОВНЕЙ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ ПУТУНХУА.....	23
А. А. Антиповский (Москва) ЛАО ШЭ: ПОИСКИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОБОСНОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА.....	29
В. И. Антонов (Москва) НЕКОТОРЫЕ ВИДЫ КИТАЙСКИХ ТРАДИЦИОННЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ.....	33
К. В. Антонян (Москва) ГЛАГОЛЬНЫЕ МОДИФИКАТОРЫ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ.....	37
Г. А. Баженов (Москва) ПРИВЫЧНЫЕ РАЗГОВОРНЫЕ ФРАЗЫ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ГРУППА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РАЗГОВОРНОГО СТИЛЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА.....	44
Е. В. Баринаева (Москва) О НЕКОТОРЫХ ВЬЕТНАМСКИХ НАЗВАНИЯХ КИТАЙСКИХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ.....	47
И. Е. Бобрышева (Иркутск) ОСОБЕННОСТИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭТНОТИПОВ В ОВЛАДЕНИИ ЯЗЫКАМИ: КИТАЙ — РОССИЯ.....	49
И. Е. Бобрышева (Иркутск), Ю. А. Сорокин (Москва) КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА КИТАЙСКОГО ЭТНОТИПА И ЕЕ РОЛЬ В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	53
О. М. Готлиб (Чита) ЭТНОСЕМАНТИКА И КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК.....	62
Н. Я. Губарь (Владивосток) ГРАММАТИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ КАК РАЗДЕЛ СТИЛИСТИКИ.....	64
М. И. Задорожный (Орехово-Зуево) ФОРМАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ РУССКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ МОДЕЛИРОВАНИЕ.....	67

М. Х. Имазов (Бишкек) ОБ ОМОНИМАХ В КИТАЙСКОМ И ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКАХ.....	82
В. Б. Касевич, Т. Н. Никитина (Санкт-Петербург) АКТАНТАЯ СТРУКТУРА ГЛАГОЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ И ЭЛЛИПСИС.....	86
И. Р. Кожевников (Москва) ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ПРИВЫЧНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (ГУАНЫЮНЬЮЙ).....	91
И. Н. Комарова (Москва) О СИНГАРМОНИЗМЕ ГЛАСНЫХ В ЛХАССКОМ ДИАЛЕКТЕ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА.....	95
И. Б. Кульчицкая (Москва) ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ ПРИ ОПИСАНИИ СОЧЕТАЕМОСТИ ФОРМАНТОВ С ИМЕННЫМИ ЕДИНИЦАМИ В СКЯ.....	103
В. А. Курдюмов (Москва) ПРЕДИКАТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ И ПРОЦЕСС ПРЕДИКАЦИИ КАК ОСНОВА ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ МНОГОМЕРНОЙ ДИНАМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА.....	107
К. А. Курилова (Владивосток) ОБРАЩЕНИЯ ПО ПОРЯДКУ СТАРШИНСТВА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	110
О. М. Мазо (Москва) АФФИКСАЦИЯ В ДРЕВНЕКИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	114
Л. Н. Морев (Москва) ИЗОЛИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ МАТЕРИКОВОЙ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИКОНИЧНОСТИ.....	118
Нгуен Ван Тхак (Москва) ДРЕВНЕКИТАЙСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ВО ВЬЕТНАМСКОМ ЯЗЫКЕ.....	124
Н. С. Пазенко (Владивосток) ГЛАГОЛЫ ЭМОЦИЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ ЧЕЛОВЕКА.....	125
Е. А. Потапова (Москва) ОСОБЕННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ТИБЕТСКОГО ЯЗЫКА.....	129
А. А. Пруцких (Иркутск) НЕКОТОРЫЕ СПОСОБЫ АНАЛИЗА ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ СЛОЖНЫХ ЗНАКОВ НА ПРИМЕРЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «БРАК, СВАДЬБА», СОДЕРЖАЩИХ ИЕРОГЛИФ «ЖЕНЩИНА».....	133

Е. Д. Рудницкая (Москва) ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ОДНО ИЗ УПОТРЕБЛЕНИЙ КОРЕЙСКОГО АФФИКСА -КО ПОКАЗАТЕЛЕМ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ РЕФЕРЕНЦИИ?	136
М. Б. Рукодельникова (Москва) К ОПИСАНИЮ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ВНЕШНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА»	140
М. К. Румянцев, К. И. Долотин, Б. В. Пospelов (Москва) О РОЛИ ПАРАМЕТРОВ ИМПУЛЬСА ГОЛОСОВОГО ИСТОЧНИКА В ПОРОЖДЕНИИ И ВОСПРИЯТИИ КИТАЙСКИХ СЛОГОВЫХ ТОНОВ.	144
И. В. Самарина (Москва) О КЛАССИФИКАЦИИ КАДАЙСКИХ ЯЗЫКОВ И О МЕСТЕ ЯЗЫКА ЛАТИ	146
А. Л. Семенас (Москва) ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КНР (80–90-е годы)	150
О. В. Семенова (Москва) КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК — ЭЛЕМЕНТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ СИНГАПУРА	156
А. А. Скоробогатых (Москва) НОВЫЙ ТИП ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	159
С. А. Старостин (Москва) БАЗА ДАННЫХ ПО ДРЕВНЕКИТАЙСКОМУ ЯЗЫКУ В ИНТЕРНЕТЕ	166
А. Я. Соколовский (Владивосток) ПРИРОДА ФОНЕМЫ И ЕЕ ВЫДЕЛИМОСТЬ В ФОРМОИЗОЛИРУЮЩИХ ЯЗЫКАХ	167
М. В. Софронов (Москва) ЛЕКСИЧЕСКИЙ АКЦЕНТ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	171
О. П. Фролова (Новосибирск) ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ СЛОВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	183
В. И. Хабибулин (Владивосток) О ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ, ГРАММАТИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ ПОРЯДКА ЗНАЧИМЫХ ЭЛЕМЕНТОВ (на материале китайского, английского и русского языков)	186
А. А. Хаматова (Владивосток) НОВЫЕ АФФИКСЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	189
Н. И. Шевцова (Владивосток) НЕКОТОРЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУКЦИИ СОПРЯЖЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	192
Е. И. Шутова (Москва) ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА ИМЕННОГО ПОЛИСИЛЛАБА В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ	195

А. А. Щукин (Владивосток) «СВЯЗЬ» И «СВЯЗНОСТЬ» В КИТАЙСКОМ ТЕКСТЕ (к вопросу о толковании этих понятий в работах современных китайских текст-лингвистов).....	199
Р. А. Янсон (Санкт-Петербург) ВРЕМЯ И МОДАЛЬНОСТЬ В ДРЕВНЕБИРМАНСКОМ ЯЗЫКЕ: ПАЛИ-БИРМАНСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ	202
Chen-jun Yin (Taipei) LANGUAGE ATTITUDE AND LANGUAGE SHIFT IN TAIWAN: A Sociolinguistic Study of the Southern Min Dialect.....	206
Dingxu Shi and Cherie Chan (Hong Kong) THE INTERNAL STRUCTURE OF CHINESE RESULTATIVE CONSTRUCTIONS.....	207
Hana Triskova (Prague) RHYTHM OF SPOKEN MANDARIN (experimental computer analysis).....	210
Kresten Thor Nielsen (Oxford) CHINESE CHARACTERS — THE JESTERS IN WESTERN READING RESEARCH.....	211
Li Yong (Poznan) CULTURE CHANGE, LANGUAGE CHANGE AND SPOKEN CHINESE TEXTBOOK.....	213
Shu-Fen Chen (Urbana-Champaign) LEXICAL TRANSLATION AND transliteration IN THE DIAMOND SUTRA.....	216
Siripetch Trisanawadee (Bangkok) THE PROBLEMS OF CHINESE LANGUAGE IN THAI SOCIETY	220
Wu Tieping (Beijing) DEVELOPING THE COMPARATIVE STUDY OF THE HISTORIES OF CHINESE LINGUISTICS AND EUROPEAN LINGUISTICS (the significance of linguistic typology to the study of the history of Chinese Language).....	222
Yunji Wu (Melbourne) A PRIMITIVE CENTRAL-BASED DIALECT SPOKEN IN WESTERN HUNAN.....	238
赵清永 (北京) 谈谈汉语动量词“次”和“遍”的使用及相关问题.....	244
易洪川 (湖北) 关于现代汉语形态的思考.....	254

CONTENTS

A. N. Khokhlov (Moscow)	
N. N. KOROTKOV (1908–1993), A SINOLOGIST AND A LINGUIST: THE THORNY PATH TO THE SUMMIT OF SCIENTIFIC WORK.....	5
V. M. Solntsev, N. V. Solntseva (Moscow)	
WHERE IS THE CHINESE LANGUAGE GOING?.....	15
A. N. Alexakhin (Moscow)	
ON THE CORRESPONDENCE OF PHONOLOGICAL AND GRAMMATICAL LEVELS IN THE CHINESE LANGUAGE PUTUNGHUA.....	23
A. A. Antipovsky (Moscow)	
LAO SHE: THE SEARCH FOR A THEORETICAL GROUND IN THE ART WORK.....	29
V. I. Antonov (Moscow)	
SOME TYPES OF CHINESE TRADITIONAL MUSICAL INSTRUMENTS AND THEIR LEXICAL EXPRESSION.....	33
K. V. Antonian (Moscow)	
COMPLEMENTS OF DIRECTION IN MANDARIN CHINESE: COGNITIVE MECHANISMS OF GRAMMATICALIZATION.....	37
G. A. Bazhenov (Moscow)	
HABITUAL COLLOQUIAL PHRASES AS A SPECIFIC GROUP OF IDIOMS IN SPOKEN CHINESE.....	44
E. V. Barinova (Moscow)	
SOME VIETNAMESE NOMINATIONS OF THE CHINESE MUSICAL INSTRUMENTS.....	47
I. E. Bobrysheva (Irkutsk)	
EDUCATIONAL ACTIVITIES OF THE ETHNOTYPES IN MASTERING LANGUAGES: CHINA–RUSSIA.....	49
I. E. Bobrysheva (Irkutsk), Y. A. Sorokin (Moscow)	
THE COGNITIVE STRUCTURE OF THE CHINESE ETHNOTYPE AND ITS ROLE IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE.....	53
O. M. Gotlib (Chita)	
ETHNOSEMANTICS AND THE CHINESE LANGUAGE.....	62
N. Y. Gubar (Vladivostok)	
GRAMMATICAL SYNONYMS AS A FIELD OF STYLISTICS.....	64
M. I. Zadorozhny (Orekhovo–Zuyevo)	
FORMAL–SEMANTICAL TYPES OF THE RUSSIAN LEXICAL BORROWINGS IN THE DUNGAN LANGUAGE AND THEIR MODELLING.....	67

M. H. Imazov (Bishkek) ON THE HOMONYMS IN THE CHINESE AND DUNGAN LANGUAGES.....	8
V. B. Kasevitch, T. N. Nikitina (St.-Petersburg) THE ARGUMENT STRUCTURE OF CHINESE VERB-HEAD CONSTRUCTIONS AND DROPPED CATEGORIES.....	86
I. R. Kozhevnikov (Moscow) SEMANTIC PECULIARITIES OF CHINESE <i>GUANYONGYU</i>	91
I. N. Komarova (Moscow) VOWEL HARMONY IN THE TIBETAN LANGUAGE?.....	95
I. B. Kultchitskaya (Moscow) THE USE OF THE METHODS OF FIELD LINGUISTICS IN THE DESCRIPTION OF FORMANT COMBINATION WITH THE NOMINAL UNITS IN MODERN CHINESE.....	103
V. A. Kurdyumov (Moscow) THE PREDICATIVE RELATION AND THE PROCESS OF PREDICATION AS THE BASIS FOR BUILDING A MULTIDIMENSIONAL DYNAMIC LANGUAGE MODEL.....	107
K. A. Kurilova (Vladivostok) TERMS OF ADDRESSES ACCORDING TO THE AGE AND RELATIVE STATUS IN MODERN CHINESE.....	110
O. M. Mazo (Moscow) AFFIXATION IN OLD CHINESE.....	114
L. N. Morev (Moscow) THE ISOLATING LANGUAGES OF CONTINENTAL EAST AND SOUTH-EAST ASIA IN THE LIGHT OF THE ICONICITY.....	118
Nguyen Van Thac (Moscow) THE ELEMENTS OF ANCIENT CHINESE IN VIETNAMESE.....	124
N. S. Pazenko (Vladivostok) VERBS OF EMOTION OF CHINESE LANGUAGE AS A COMPONENT OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE MAN.....	125
E. A. Potapova (Moscow) SOME PECULIARITIES OF THE TIBETAN MUSICAL LEXEMES.....	129
A. A. Prutskikh (Irkutsk) SOME METHODS OF THE ANALYSIS OF THE INNER FORM OF THE COMPLEX CHARACTERS AT TAKING THE EXAMPLE OF THE SEMANTIC FIELD «MARRIAGE, WEDDING» CONTAINING THE CHARACTER «WOMAN».....	133

E. D. Rudnitskaya (Moscow)	
IS ONE OF THE USES OF THE KOREAN AFFIX <i>-KO</i> AN INDEX OF REFERENCE SWITCHING?	136
M. B. Roukodelnikova (Moscow)	
TO THE ANALYSIS OF SEMANTIC FIELD OF HUMAN EXTERIOR	140
M. K. Rumyantsev, K. I. Dolotin, B. V. Pospelov (Moscow)	
ON THE ROLE OF PARAMETERS OF VOCAL CORDS IMPULSE IN GENERATION AND PERCEPTION OF CHINESE SYLLABIC TONES.	144
L. V. Samarina (Moscow)	
SOME PROBLEMS OF THE KADAI LANGUAGES CLASSIFICATION AND THE PLACE OF LATI LANGUAGE AMONG THEM	146
A. L. Semenas (Moscow)	
LANGUAGE POLICY IN PRC (80-90s YEARS)	150
O. V. Semenova	
THE CHINESE LANGUAGE AS THE ELEMENT OF THE SOCIOLINGUISTIC PROFILE OF SINGAPORE	156
A. A. Skorobogatykh (Moscow)	
A NEW TYPE OF BORROWINGS IN MODERN CHINESE	159
S. S. Starostin (Moscow)	
INTERNET DATA-BASE OF THE ANCIENT CHINESE	166
A. Y. Sokolovsky (Vladivostok)	
ON THE NATURE OF PHONEME AND ITS DISCERNIBILITY IN THE ISOLATING LANGUAGES	167
M. V. Sofronov (Moscow)	
THE LEXICAL ACCENT IN MODERN CHINESE	171
O. P. Frolova	
ONOMATOPOETICAL WORDS IN CHINESE	183
V. I. Khabibulin (Vladivostok)	
ON THE GRAMMATICAL FUNCTION OF MEANING ELEMENTS ORDER (Comparative study of Chinese, English and Russian languages)	186
A. A. Khamatova (Vladivostok)	
NEW AFFIXES IN MODERN CHINESE	189
N. I. Shevtsova (Vladivostok)	
SOME STYLISTIC PECULIARITIES OF GRAMMAR CONSTRUCTION WITH SEVERAL VERBS IN MODERN CHINESE	192

E. I. Shutova (Moscow)	
LEXICAL AND GRAMMATICAL SEMANTICS OF NOMINAL POLYSYLLABIC UNIT IN MODERN CHINESE.....	195
A. A. Shchukin (Vladivostok)	
«CONNECTION» AND «CONNECTEDNESS» IN A CHINESE TEXT (to the question of the interpretation of these notions in the works of modern Chinese text-linguists).....	199
R. A. Yanson (St.-Petersburg)	
TENSE AND MODALITY IN ANCIENT BURMESE: PALI-BURMESE INTERPRETATION.....	202
Chen-jun Yin (Taipei)	
LANGUAGE ATTITUDE AND LANGUAGE SHIFT IN TAIWAN: A Sociolinguistic Study of the Southern Min Dialect.....	206
Dingxu Shi and Cherie Chan (Hong Kong)	
THE INTERNAL STRUCTURE OF CHINESE RESULTATIVE CONSTRUCTIONS.....	207
Hana Trískova (Prague)	
RHYTHM OF SPOKEN MANDARIN (experimental computer analysis).....	210
Kresten Thor Nielsen (Oxford)	
CHINESE CHARACTERS — THE JESTERS IN WESTERN READING RESEARCH.....	211
Li Yong (Poznan)	
CULTURE CHANGE, LANGUAGE CHANGE AND SPOKEN CHINESE TEXTBOOK.....	213
Shu-Fen Chen (Urbana-Champaign)	
LEXICAL TRANSLATION AND transliteration IN THE DIAMOND SUTRA.....	216
Siripetch Trisanawadee (Bangkok)	
THE PROBLEMS OF CHINESE LANGUAGE IN THAI SOCIETY.....	220
Wu Tieping (Beijing)	
DEVELOPING THE COMPARATIVE STUDY OF THE HISTORIES OF CHINESE LINGUISTICS AND EUROPEAN LINGUISTICS (the significance of linguistic typology to the study of the history of Chinese Language).....	222
Yunji Wu (Melbourne)	
A PRIMITIVE CENTRAL-BASED DIALECT SPOKEN IN WESTERN HUNAN.....	238
Chao Qingyun (Beijing)	
USAGE AND INTERPRETATION OF THE VERB QUALIFIERS <i>CI</i> AND <i>BIAN</i> IN MODERN CHINESE.....	244
Yi Hong Chuan (Taipei)	
SOME NOTES ABOUT CHINESE LANGUAGE.....	254

Научное издание

КИТАЙСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

**IX Международная конференция
Материалы. Москва 23–24 июня 1998 г.**

**Утверждено к печати
Ученым советом Института языкознания РАН**

Формат 70x100/16. Гарнитура «Таймс». Бумага офсет № 1.
Уел. печ. л. 16,75. Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 200 экз. Заказ ...

Отпечатано в типографии Института языкознания РАН.
Москва, Б. Кисловский пер., д. 1/12.

Для заметок

Для заметок